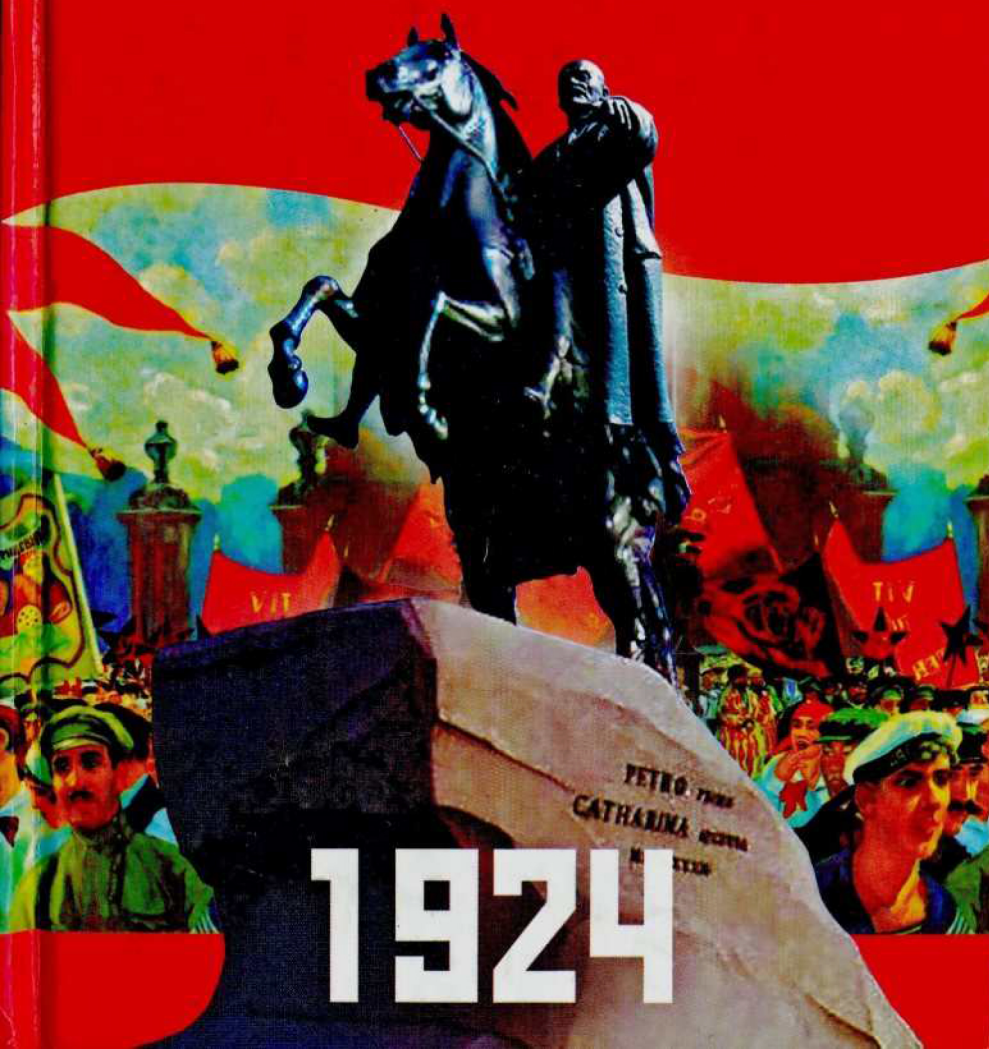

Дмитрий Шерих

ИЗ ПЕТРОГРАДА В ЛЕНИНГРАД

1924

Дмитрий Шерих

1924

ИЗ ПЕТРОГРАДА — В ЛЕНИНГРАД

Москва — Санкт-Петербург

ЦЕНТРОЛИГРАФ

МиМ-Дельта

2004

ББК 28.89(2-2Санкт-Петербург)

Ш49

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника
И.А. Озерова

Шерих Д.Ю.

Ш49 1924. Из Петрограда — в Ленинград. — М.:
ЗАО Центрполиграф: ООО «МиМ-Дельта»,
2004. — 239 с.

ISBN 5-9524-0772-2 (ЗАО «Центрполиграф»)

ISBN 5-7589-0108-3 (ООО «МиМ-Дельта»)

26 января 1924 года Петроград стал Ленинградом. А чем еще был отмечен в жизни города 1924 год? Сильнейшим наводнением и гибелью знаменитой балерины, трудовыми свершениями и громкими судебными процессами... Это был год, когда по городу маршировали пионеры и «спартаковцы», когда лыжников можно было встретить даже на главных улицах города, а апельсины стали любимым лакомством горожан.

Книга известного историка и журналиста основана на документальном материале. Перед читателем предстанет пестрая и разнообразная картина жизни Петрограда-Ленинграда в одном отдельно взятом году.

ББК 28.89
(2-2Санкт-Петербург)

© Шерих Д.Ю., 2004

© ООО «МиМ-Дельта», 2004

© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф»,
2004

ISBN 5-9524-0772-2

(ЗАО «Центрполиграф»)

ISBN 5-7589-0108-3

(ООО «МиМ-Дельта»)

Вы, с квадратными окошками
Невысокие дома, —
Здравствуй, здравствуй, петербургская
Несуровая зима.

И торчат, как щуки, ребрами
Незамерзшие катки,
И еще в прихожих слепеньких
Валяются коньки.

А давно ли по каналу плыл
С красным обжигом гончар,
Продавал с гранитной лесенки
Добросовестный товар?

Ходят боты, ходят серые
У Гостиного двора,
И сама собой сдирается
С мандаринов кожура;

И в мешочке кофий жареный,
Прямо с холоду — домой:
Электрическую мельницей
Смолот мокро золотой.

Шоколадные, кирпичные,
Невысокие дома, —
Здравствуй, здравствуй, петербургская
Несуровая зима!

И приемные с роялями,
Где, по креслам рассадив,
Доктора кого-то потчуют
Ворохами старых «Нив».

После бани, после оперы,
Все равно, куда ни шло,
Бестолковое, последнее
Трамвайное тепло!

Осип Мандельштам,
Зима 1924 года

ПРЕДИСЛОВИЕ

К названию «Ленинград» мы все в разной степени привычны — а вот многие ли знают, что город на Неве мог именоваться иначе, просто «Ленин»? И известно ли читателю, что статуя Владимира Ильича Ленина могла увенчать собою Александровскую колонну, стоящую на Дворцовой площади?

Оба этих несостоявшихся события — из хроники 1924 года. Для города это был нерядовой, насыщенный событиями, во многом переломный год. Одни только вехи его чего стоят: смерть Ленина, переименование Петрограда в честь усопшего вождя, катастрофическое наводнение, когда Нева скрыла под собой половину городской территории. А еще были громкие судебные процессы, скандальные происшествия, лыжные пробеги и шахматные состязания, открытие больниц и аптек, успехи промышленности — скажем, выход на демонстрацию первых «Фондзонов-Путиловцев» или испытания уникального, первого в стране ящика-термоса.

«Испытание превзошло все ожидания. В течение 17-ти часов пища, заключенная в термос, подверглась охлаждению лишь на 21 градус — с 84 град. до 63 град.».

А вот штрих другого рода: в Петрограде-Ленинграде 1924 года жили и работали Ахматова, Мандельштам, Замятин, Зощенко, Чуковский, Тынянов, Кузмин... да и много еще кто. Список блистательных имен можно продолжать долго. И сколько всего было ими создано в 1924-м!

Параллельно с этим в городе на Неве шла обычная жизнь со своими радостями, переживаниями, печальми.

«Перепуганный голос сообщает, что отравилась молодая работница, выпив синильной кислоты. Скорая помощь через 10 минут на месте.

Все лицо, платье, руки пострадавшей в синей краске.

Служит на фабрике красок и, под влиянием “несчастной любви”, выпила синюю краску, про которую говорили, что это синильная кислота».

От политических прений до синильной кислоты — в этой книге представлен весь спектр городской жизни 1924 года. Каждая глава до предела насыщена выдержками из газет и журналов того времени; привлечены на помощь и мемуары современников, и некоторые ученые труды.

Автор стремился к одному — дать пеструю, непредвзятую и непременно документальную картину жизни города в одном отдельно взятом году. Такую картину, которая была бы интересна и знатокам питерского истории и обычным читателям.

НОВЫЙ ГОД

...При желании можно было почувствовать себя далеко от наступающего 1924-го года — скажем, году в 1914-м, или того лучше — в 1913-м, довоенном. Голода, еще недавно мучившего город, теперь уже нет, и в магазинах хоть задорого, но продают все необходимое. Елку в углу комнаты поставить не проблема: Петроград елками завален (хоть и твердит «Красная газета», будто мещанский обычай их ставить практически изжит).

Сама комната... Конечно, не у всех остались прежние квартиры, многие попали под уплотнение — но часть старых комнат, как правило, сохранилась. Сервируем стол, загораживаемся тяжелыми шторами от улицы — праздник для себя готов!

Да, почувствовать себя в 1913-м было при желании не столь уж сложно. Вопрос состоял лишь в том, есть ли у встречающих Новый год такое желание.

Тут впору уже разделить встречающих на три условных части. В первую можно включить тех, кому 1913-й дороже 1924-го: это в основном те, кто при прежнем строе достиг положения и веса, чьи привычки прочно связаны с дореволюционным бытом. Одним словом, «бывшие люди»! Сюда непременно стоит причислить бывших графинь, фабрикантов, купцов и прочих титулованных особ. Тут же волей судеб оказались и многие их дореволюционные оппо-

ненты (и беспощадные критики) из числа профессуры и прочей интеллигенции.

Вторая часть — те, кто причисляет себя к строителям нового строя: им как раз наступающий год милее всех бывших. Тут публики много — все «красные...» («... летчики», «... командиры» и проч.), многие сознательные пролетарии от рабочих-путников до тружеников цензуры. Особая прослойка этой второй части — государственные деятели, лидеры партии.

Две полярные части названы, но большая часть петроградцев осталась еще за пределами нашего внимания. Колеблющиеся — вот армия из армий, вот «болото», которого опасалась еще Фронта. Кто в «болоте»? Опять же многие трудящиеся-пролетарии — несознательные, «темный элемент»; им революционный пафос безразличен; это они составляют базу криминальных слоев (впрочем, по темноте и ввиду пролетарского происхождения пролетарский суд относится к ним по-братски и прощает многое, вплоть до изнасилований).

В той же группе волею судеб оказались многие клиенты цензуры — поэты и писатели. Слово «попутчики» — это про них. Им при нынешней власти становится все жарче, но за границу неохота: видно, что и там хлеб не медом мажут. Даром, что ли, бывший граф Алексей Толстой вернулся недавно на родину? (Его примеру уже в феврале 1924-го последует Андрей Белый: он вернется в Ленинград из Германии.)

Есть, кстати, и еще граждане, которых мы должны причислить к этой группе не определившихся — это граждане, к нашему выбору безразличные. Изгоям общества, от проституток до налетчиков, строй без-

различен: эта публика игнорирует любую власть, и при любой власти ведет себя одинаково...

Но пора уже и в год вступать, открывать его скрипучие двери. Скрипят они, кстати, слышнее обычного: многое проржавело за годы разрухи, еще стоят многие заводы, только-только возрождается рабочая жизнь. Да и сам город выглядит не блестяще: не случайно даже год спустя московский гость Г. М. Кржижановский заметит о Ленинграде: «Его каменные громады еще далеко не приведены в порядок, его проспекты плохо освещены. Его мостовые вопиют о ремонте. На улицах движение значительно слабее московского, его мощный порт еще пустынен...» [КГ:16.01.1925]

Оттого власти ждут от наступающего года очевидного:

«Желаю Красному Питеру пустить в ход в 1924 году все еще стоящие станки» (Валериан Оболенский /Осинский/, советский полпред в Швеции);

«Чтобы в 1924 году петроградская промышленность имела успехи в своем развитии, сократила безработных на Бирже Труда и тем самым облегчила положение многих тысяч нуждающихся в труде для своего существования» (Константин Юносов, уполномоченный Наркомтруда и член Губисполкома);

«Побольше червонцев в обращении на петроградском рынке» (Николай Супонев, заместитель управляющего петроградской конторой Госбанка).

О червонцах мы еще поговорим отдельно: эта материя сыграет в 1924-м особую роль. Пока же вспомним еще одно пожелание, от упомянутого уже Алек-

сея Толстого: «В двадцать четвертом году гнилым обручам блокады России — лопнуть; России идти по ее дороге не шагом, но рысью, чтобы подковы сверкали на солнце <...> Америке — сжечь старые векселя и приятно улыбнуться за океан» [все — ВКГ:31.12.1923].

Тоже официоз.

Во всех этих пожеланиях, однако, чего-то не хватает. Одной экономикой город не проживет: неужели нет еще чего-нибудь, что хотелось бы увидеть в наступающем? Впрочем, вот: сотрудники вечернего выпуска «Красной газеты» сами ощутили скудость официальных реплик — и в том же номере пополнили их своими. Шутливыми, конечно, но и отражающими реалии тогдашней жизни.

Вот вполне понятное: «Физ. Обсерватории — кофейной гущи для предсказания вероятной погоды». «Питерской погоде — больше послушания гл. физической обсерватории». Как раз в ту пору синоптики находились в печальной ситуации. Денег мало, кругом по Балтике враждебные государства (и информация, значит, стекается далеко не отовсюду) — какая тут точность в прогнозах?! Отзовутся еще эти пожелания синоптикам в 1924-м...

«Налетчикам — налететь на ст. 184 уг. кодекса». Хорошее пожелание — но осуществимое ли? Налетчики чувствовали себя вольготно, профессии своей не скрывали: там, где они жили, вся округа была осведомлена об их промысле, и ничуть ему не препятствовала...

«Откомхозу — уменьшения цифры дефицита до числа уличных фонарей (горящих!), или, хотя бы наоборот, увеличения числа фонарей до цифры дефи-

цита». Откомхоз, отдел коммунального хозяйства — величина заметная; ему придется немало участвовать в событиях года.

И все же еще чего-то в пожеланиях не хватает, еще одна нотка остается за кадром. Может, встречавших тогда Новый год то, чего мы ждем, совсем и не беспокоило — но нам, знающим наперед течение 1924-го, молчание кажется странным.

Впрочем, нет, волнение проскальзывает и тогда. В первом же новогоднем номере вечерний выпуск «Красной газеты» выносит на первую полосу весть о том, что 31 декабря 1923 года в Петросовете, «отвечая на многочисленные запросы о здоровье тов. Ленина... тов. Зиновьев сообщил, что тов. Ленин на днях в первый раз поехал на охоту, где провел 3 ¹/₂ часа».

Неужто правду сказал Григорий Евсеевич? Что ж, в воспоминаниях Крупской есть о тех охотах пара строк: «Зимой в солнечные дни тоже ездили в лес — товарищи брали ружья, раза два брали с собою собак. Видели несколько раз лису, зайчишку» [НК]. Ружья брали товарищи, а Ильич с ними ездил — пассажиром в автомобиле. В ту пору он и ходил-то с палочкой, медленно, а о нормальной речи, да и о стрельбе тем более не было помину... Состояние Ленина оставалось очевидно тяжелым; руководители исподволь готовились к борьбе за власть — и за звания вернейших учеников вождя...

У РУЛЯ

Итак, сказано слово «руководители». Руководители города — кто они?

Главный — Григорий Евсеевич Зиновьев. Настоящее его имя — Овсей-Герш Аронович Радомысльский; некоторые справочники уверяют, что и не Радомысльский (это тоже псевдоним) — Апфельбаум.

Зиновьев — старый большевик, один из ближайших соратников Ленина: он и в Разливе с Ильичем скрывался, и в Галиции жил поблизости, и в революционный Петроград вернулся 3 апреля — в том самом plombированном вагоне (а с ним вместе ехали жена и сын). Григорий Евсеевич — популярный агитатор и непреклонный революционер: после убийства Урицкого он, по воспоминаниям видной партийки Елены Дмитриевны Стасовой, хотел «разрешить всем рабочим расправляться с интеллигенцией по-своему, прямо на улице» (товарищи тогда не поддержали — поскольку это «обернется против нас в первую голову» [ПДР])...

В 1924-м Зиновьев лично возглавляет две главных городских организации — Петросовет, во главе которого встал еще 13 декабря 1917 года, и Губисполком (руководят городом тогда еще не партийные, а советские органы). Сам он, однако, особенно ценит другой свой титул, «всемирный» — председателя Коминтерна. Не случайно на печатающихся в городе портретах его так и титулуют: «председатель Третьего Коммунистического Интернационала» (издается в 1924-м таких портретов немало: тридцать тысяч). Представитель нелюбимой Зиновь-

евым интеллигенции В. П. Семенов-Тянь-Шанский желчно записал: «самое замечательное было тогда, когда Зиновьев разговаривал по телефону в качестве председателя Коминтерна. Лица, при этом присутствовавшие, говорили, что он говорил таким тоном “владыки мира”, каким никогда не говорили еще никакие монархи на свете. Появление Коминтерна на парадах Зиновьев старался обставить как можно импозантнее <...> Значительная часть представителей цветных рас в нем была гримированными статистами, да иначе и не могло быть при тогдашней разрухе сообщений» [СТ].

Добавим: Зиновьев весьма влиятелен и на всесоюзном уровне, он считается после Ленина и Троцкого третьим человеком в партии. Свою ленинградскую вотчину он стремится всячески возвысить. Не случайно в 1924 году не стихают разговоры — и даже публикации — о том, что Москва вот-вот поделится властью с Питером. Утверждают, что сюда вернутся некоторые наркоматы (просвещения, труда, здравоохранения, социального обеспечения) и что решение о том уже фактически принято...

Все хорошо у Зиновьева, кроме одного: отношение горожан к нему очень уж неоднозначное. Ни для кого не секрет, что глава Петрограда высокомерен и живет в роскоши. Партийцы поговаривают к тому же, что Григорий Евсеевич «чрезвычайно жесток, что он трус и может предать своих сторонников и друзей в любую минуту» [НП2]. Да и внешний облик главы Коминтерна симпатий к нему не прибавляет: «Впечатление было очень неблагоприятное — впечатление Чичикова о Плюшкине: “Ой, баба! — Ой,

нет!" Зиновьев был толстый, с опухшим лицом, одетый в поношенный костюм, что-то вроде френча или куртки, тесный для него. Его телеса буквально, как тесто, выпирали из костюма <...> Говорили, что он так вспух в последние годы: в 1917 году, когда он с Лениным приехал в Россию, Зиновьев был худ и бледен» [НП2].

Но впрочем, у нас речь идет не об избыточном весе и не о симпатиях — о власти. Вернемся к теме. Зиновьев стоит на верху питерской пирамиды, а кто у него под началом?

Петросовет (которого Зиновьев председатель) формально осуществляет высшую городскую власть. Народу в нем много, даже слишком много — по депутату от 400 горожан. Пестрая получается картина: от одного только Московско-Нарвского района тут заседают Ананасик, Блюхер (будущий маршал), Борода, Гегель, шесть Лебедевых, Портной, да и еще несколько десятков человек. Весь список — это сотни фамилий. Понятно, что такой орган управлять городом не может.

Реальная власть — у другого органа, Губернского исполнительного комитета, избираемого Губернским съездом советов: он управляет делами и города и губернии. 4 января 1924 года съезд как раз избирает 89 членов Губисполкома. Тут Зиновьев — председатель Президиума, а в членах Губисполкома ходят и другие известные люди — А. Бадаев (Бадаевские склады — от его имени), тот же Блюхер, И. Котляков (его именем назовут позже трамвайный парк)...

Чтобы завершить зиновьевскую тему, прибавим, что властью не обделена и супруга Григория Евге-

евича, спутница его по давнему вагону Злата Ионовна Лилина (Бернштейн). Она и в Губисполком входит, и возглавляет Губсоцвос — подотдел, ведающий детскими учебно-воспитательными заведениями. На ее счету значатся и литературные сочинения — в 1924-м году, например, Госиздат выпускает ее детскую книжку «Наш учитель Ленин». Можно тут иронически заметить, что к этой публикации Госиздат расположен самой судьбой: мало того, что Лилина — первая дама города, так городским отделением Госиздата руководит Илья Ионов — ее брат. Впрочем, ирония вряд ли подходит к нашему случаю: не случайно ведь в 1929 году (уже после падения Зиновьева) отметят, что Лилина была «талантливой и популярной писательницей» [КГ:29.05.1929]. Выходит-таки была...

ГОРОД «ЛЕНИН»

Познакомившись с властями, перемахнем теперь через три недели кряду — к этим первым дням года мы потом еще вернемся, но ничего критического («судьбоносного», по недавней моде) в городе в это время не случалось. В затишье слышнее всего голос газет: они не только идеологически настраивают и просвещают горожан, но и развлекают их.

«Живой труп на Вас. Острове» — вот такую, например, сенсацию преподносит публике вечерний выпуск «Красной газеты» 21 января. Дата, конечно, особая — но газетчики того еще не ведают. Они о своем: водопроводчик Васильев умер еще 9 января,

а тело его за прошедшие дни не подверглось «ни малейшему разложению»! Вот уж событие, так событие — в самую пору для первой газетной страницы. Тогдашняя «Вечерка» не чуралась громких скандалов и бульварного толка сенсаций; она позволяла себе вольности, недоступные коллегам — даже утреннему выпуску той же «Красной»...

Реклама этого дня тоже демонстрирует полное пренебрежение государственными делами: здесь все просто, по-домашнему — в Пассаже дешевая распродажа бракованной посуды, а мясохладобойни предлагают покупателям «русское и аргентинское мясо», притом по ценам «ниже рыночных» [ВКГ:21.01].

Впрочем, без идеологии все-таки обойтись не можно. Объявление в «Петроградской правде» особенно актуально: «В понедельник, 21 января, в 7 часов вечера состоится заседание кружка по изучению ленинизма Московско-Нарвского района, под руководством тов. Сафарова» [ПП:20.01]. Георгий Иванович Сафаров — персона заметная, редактор этой самой «Петроградской правды». Он, кстати, тоже ехал в Россию с Лениным и Зиновьевым в легендарном plombированном вагоне, а в 1918 году был среди тех, кто подписал решение о расстреле Николая П...

Но обратим внимание на назначенное Сафаровым время. Семь часов — это ведь спустя десять минут после того, как... Впрочем, еще чуть повременим забежать вперед. Тем более, что некролог в газете есть и 21 января, хоть и совершенно частного характера: «убитые горем дети» сообщают о смерти своего отца Якова Соломоновича Шверковича.

Назавтра убита горем будет вся страна.

Да, лукавил товарищ Зиновьев, рассказывая об улучшениях в здоровье Ленина. Изменения были — но роковые.

Захлебнулся
колокольчика ненужный щелк.
Превозмог себя
и встал Калинин.
Слезы не сжуешь
с усов и щек.
Выдали.
Блестят у бороды на клине.
Мысли смешались,
голову мнут.
Кровь в виски,
клокочет в вене:
— Вчера
в шесть часов пятьдесят минут
скончался товарищ Ленин! —
Этот год
видал,
чего не взвидят сто.
День
векам
войдет
в тоскливое преданье.
Ужас
из железа
выжал стон.
По большевикам
прошло рыданье.

Теперь соратники обращались со словами прощения («Петроградская правда», например, предоставила место исполкому Коминтерна — во главе с Зиновьевым — и Льву Троцкому).

Петроградский комитет партии публиковал лозунги момента:

«Против смерти вождей — жизнь партии пусть выступает.

Мы должны хоть немного быть похожи на Ленина.
Ленин — знамя угнетенного Востока.

Везде, всегда, безраздельно с нами тов. Ленин» [ПП:24.01].

Врачи давали всенародные объяснения — оправдывались; результаты вскрытия стали достоянием публики. Нарком здравоохранения Николай Семашко уверял: «с такими сосудами мозга жить нельзя» [ВКГ:25.01]. Подробности сводились к тому же: болезнь привела к «весьма значительному перерождению стенок кровеносных сосудов мозга, которые потеряли свойственную им эластичность и сделались хрупкими. В этих условиях всякое даже ничтожное волнение могло вызвать прилив крови к этим сосудам и разрыв их стенок» [ВКГ:24.01]. Семашко скорбел: «великий мыслитель и руководитель “переработал” свой мозг».

Трудовой Петроград горе воспринял глубоко; «бывшие» наверняка злословили, но тоже не остались безучастными. О больном ленинском мозге говорили все — столько, что и беспартийный петроградский трамвайщик Серов на траурном митинге не сдержался: «Величайший мозг потеряла РКП» [ВКГ:24.01].

Впрочем, петроградский ли это был уже трамвайщик?

Не отмечено, где впервые возникла мысль, но была она стремительной: городу революции присвоить имя Ленина.

Мысль общая; заметим к слову, что на ленинский титул возымел тогда претензию не только наш город, но и по отдельности некоторые его учреждения. Правление петроградского Университета ходатайствовало о присвоении Университету имени Ленина; того же требовали для себя общее собрание Академии художеств, рабочие Петроградского торгового порта, трудящиеся Волховстроя; собрание жителей Петергофа просило ВЦИК назвать их город Ленинском (в параллель уже существующему Троцку?). Прошения эти, однако, так и остались на бумаге. Иное дело — Петроград...

Резолюции заводов и фабрик о переименовании города в честь Ленина с ходу подхватил Григорий Зиновьев. По его мановению («предлагаю, товарищи, на сегодняшнем заседании Петросовета постановить: город Петроград переименовать в Ленинград и провести это решение во всех инстанциях, в порядке советской законности» [ПП:25.01]) к делу подключился Петросовет и принял официальное постановление. Калинину в Москву полетела телеграмма:

«Пленум Петроградского Совета рабоче-крестьянских депутатов на траурном заседании 23 января по случаю смерти тов. Ленина совместно с Петроградским Губернским Исполнительным Комитетом и представителями всех питерских рабочих органи-

заций постановил город Петроград переименовать в Ленинград и просить Президиум ВЦИК срочно утвердить означенное постановление» [ПП:25.01].

А вот еще одна телеграмма Калинин у не полете-ла — несмотря на единодушные требования рабочих. Общее их мнение ясно обозначили в своем заявлении пролетарии завода «Красногвардеец»: «Просим вернуть нам прах Владимира Ильича Ленина. В Москве он был в командировке. Дайте его нам похоронить там, где он работал и где зажег пламя революции, спаяв в одно целое рабочего и крестьянина» [КГ:24.01]. Между прочим, в словах этих был элемент истины: когда столица в 1918 году отправилась из Петрограда в Москву, переезд этот именовался «временным» — и четвертый Чрезвычайный Съезд советов связал перенос с изменением военно-политической обстановки в стране. Чем не командировка?!

Требования о похоронах Ленина в Петрограде неслись со многих предприятий. Газеты только успевали печатать отчеты о принятых резолюциях — в клубе табачников («Тов. Ленина хоронить в Петрограде, — несутся с рыданиями крики работниц, не заглушаемые похоронным маршем»), на кожзаводе «Коминтерн» («Мы просим <...> похоронить Ильича в Красном Петрограде»), на «Арсенале», «Красном Путиловце», в Управлении спальных вагонов, у военных моряков. Звучало даже совсем конкретное: «Рабочие настойчиво требуют, чтобы прах Ленина был предан земле в Питере на Марсовом поле» [все цитаты — ПП:24.01].

Вопрос о возвращении дорогого праха выносился на пленум Петросовета — и тут уже депутатов

начинает увещевать заместитель Зиновьева Григорий Евдокимов:

«Президиум предлагает на этом требовании не настаивать. Москва является столицей Союза Советских Социалистических Республик. Там со всех концов Союза Советских Республик, на разных съездах и по другим делам, бывают десятки тысяч рабочих и крестьян. Мы не вправе лишать рабочих и крестьян всего Союза Советских Республик возможности при каждом случае побывать на одинаково дорогой для всех могиле тов. Ленина. И по ряду других соображений тов. Ленин, как председатель Совета Народных Комиссаров, должен быть похоронен в столице Союза Советских Республик. Еще раз от имени президиума прошу пленум Петросовета не настаивать на этом предложении. Нет возражений? (голоса с мест: нет)» [ПП: 24.01].

Потому в Москву отправляется только одна телеграмма — о новом имени города. Еще три дня — и...

Но тут вдруг возникли сомнения — в той же рабочей среде. Категоричнее всех высказалось бюро рабкоров «Красной газеты»:

«Никого из рабочих не удовлетворяет надуманное слово “Ленинград”. На самом деле, чего общего у нашего революционного учителя со словом “град”, напоминающим и церковные песнопения отживающих попов, и националистические устремления бывшей в свое время у власти буржуазии, и что угодно иное, только не цели и задачи рабочего класса. Большинство рабочих взамен “Ленинград” выдвигает простое и понятное каждому пролетарию и крестьянину: город “Ленин”» [КГ: 25.01].

Любопытный, надо признаться, мотив! Может, появившись это предложение парой дней раньше, оно и возымело бы действие. Но теперь было поздно.

26 января постановление принято:

«II-й Съезд Советов СССР считает вполне справедливым удовлетворить просьбу Петроградского Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов, поддержанную резолюциями рабочих всех фабрик и заводов Петрограда, о переименовании города Петрограда в Ленинград». Подпись — М. Калинин.

На фоне этого исключительного по своему статусу переименования — заметим в скобках — особенно удивителен шквал новых имен, обрушившийся на страну в том же 1924-м и бушевавший еще долго. Понятно, когда имя дается в честь умершего вождя, в обстановке всенародного (всерабочего) горя. Но отчего в том же году Елисаветград нескромно переименуется в Зиновьевск — оттого лишь, что здравствующий Григорий Евсеевич родился в этом местечке?

Почти тогда же появляется на карте город Сталин (затем Сталино, ныне Донецк). Здесь хочется чуть отвлечься от питерской темы, ибо факты удивительны: этот шахтерский центр получил новое имя в честь... Ленина. «По условиям нашего округа, где у нас преобладает стальная промышленность, а сама революция изображает, по словам тов. Ленина, локомотив, сделанный из стали <...> символом, характеризующим нашего великого вождя тов. Ленина, будет “сталь”...». К тому же «внесенное предложение <...> вполне приемлемо с увековечением памяти

Ильича, так как последованием Ленина является сталь, его же стальным последователем является его помощник тов. Сталин». Но отчего не «Ленин»? «Дело в том, что Ленинградом назван г. Петроград, который был первым в Октябрьской революции. Это во-первых, и, во-вторых, таким великим именем, как Ленин, размениваться нельзя» [ГД].

Вот так-то!

Итак, Ленинград. Срочно меняются все вывески: Губисполком отвел на это два месяца. Еще стремительнее обновляются печати: мастера, их изготавливающие, завалены заказами. Возникают курьезные ситуации — вот, например, реклама в «Ленинградской правде» от 30 января: «Вышел, поступил в продажу <...> журнал “Петроград” №1. На днях выходит из печати журнал “Ленинград” №2». Другой случай вспоминает мемуарист: цензор, читавший рукопись о петрографии (одной из геологических дисциплин) с ходу заменил термин на «ленинграфию». Его переубеждали долго...

Чем еще памятны ленинские траурные дни? На поле Жертв Революции (так именовалось Марсово) горели 53 костра — по числу прожитых Ильичом лет. Все телеграммы доставлялись адресатам в траурной черной рамке. С 23 по 27 января увеселения были отменены; 27-го в четыре часа дня, когда гроб опускали в могилу, на пять минут было остановлено все движение в городе, отключена вся телефонная связь — и звучали заводские гудки.

А ленинградский Фарфоровый завод выпустил тогда тарелки, блюда и целые сервизы с портретом Ле-

Участники траурной процессии на проспекте 25 Октября (Невский проспект). 21 января 1924 года

нина в траурной рамке. Как говорится, «Ленин всегда с тобой». Или вот еще вариант этой фразы: «Товарищ в больших и малых нуждах» — так озаглавлена была статья о Ленине, написанная в ту же пору «бывш. меньшевиком» А. Семеновым [ВКГ:27.01].

Ну и наконец: ленинский призыв в партию начался 24 января. За полтора первых дня на «Красном Путиловце» решили стать членами РКП(б) 35 человек, на «Светоче» — 22, на Второй электростанции — 34. Губернский комитет партии энтузиазм всячески поддерживал: «Кто покрепче — в ряды РКП(б)!» (текст с плаката губкома). На предприятиях устраивались собрания, выносились резолюции («все лучшее, что есть в рабочем классе, должно вступить в ряды РКП»

Участники траурной процессии на поле Жертв Революции (Марсовом поле). 21 января 1924 года. Фотографии из Центрального государственного архива кинофотофонодокументов

[ЛС]). Итог первых десяти дней призыва был внушительен: 10 071 заявление в городе и уезде. А окончательные цифры были еще втрое выше — при том, что задание, данное ленинградской парторганизации, предполагало прием лишь двадцати тысяч новых членов партии.

Не стоит, однако, думать, что все авторы заявлений автоматически стали членами партии. «Пропускаем с песочком» — так охарактеризовала ситуацию «Ленинградская правда» [ЛС].

Впрочем, особенно не придирались, хотя кое-кому пришлось жарковато. А рабочему Иконникову с фабрики имени Халтурина комсомольцы рекомендовали перед вступлением в партию сменить фамилию, и предложили другую: Рэм (должно быть, аббревиатура слов Революция, Энгельс, Маркс). Тот не отказался, и впоследствии даже был избран от фабрики депутатом горсовета...

БРОНЗОВЫЙ ИЛЬИЧ

Партия сплотилась? Но между тем лидеры ее, еще год назад готовившиеся к борьбе за власть, сосредоточивают силы. Поле у борцов одно: ленинское наследие.

Зиновьев — один из тех, кто претендует на звание первейшего ленинского ученика и преемника. Не случайно же он так энергично подхватил идею о переименовании «своего» Петрограда в честь Ильича!

Но и этого мало: клятвы верности стихать не должны. Какой город Ленина без Ленина? Городу просто

необходим памятник вождю, да по возможности и не один. Деньги с этой целью начинают собирать уже 23 января.

А 16 апреля 1924 года закладывают монумент вождю у Финляндского вокзала — ныне старейший в нашем городе. При торжестве присутствуют Зиновьев, Евдокимов, Лилина; на закладном камне черного гранита написано одно только слово: «Ленин» (а на закладной доске, как сообщают газеты, текст такой: «СССР. В 1924 г. 16 апреля рабочими Ленинграда совершена торжественная закладка памятника своему вождю В. И. Ленину в день 7 годовщины возвращения В. И. в СССР» [ВКГ:12.04]). Правда, открывают первым не этот памятник, а монумент вождю у Невского завода — но какие уж тут, право, приоритеты! А в тексте доски заметим особенно милое «СССР» — событие-то относится к 1917 году...

Кипит и общественная фантазия. Один за другим рождаются на свет проекты ленинских монументов. Не все доходят до стадии воплощения в жизнь. Кое-какие так и остаются громко заявленными намерениями; жизнь других обрывается на стадии проектирования.

Ленинградские дети хотят возвести собственный памятник Ленину. Безуспешно.

Железнодорожникам и заодно с ними милиционерам хочется поставить памятник на площади Восстания. Эта идея почти осуществится — правда, в 1957-м году. Тогда на площади торжественно откроют закладной камень будущего ленинского монумента. Но сам памятник так и не появится...

Совсем уже экзотическую мысль насчет памятника Ленину высказывает частным образом известный критик Р. В. Иванов-Разумник. 28 января он пишет Андрею Белому:

«Памятник Ленину надо бы поставить рядом с Адмиралтейством, по другую сторону площади, где стоит памятник Петру. На одной площади были бы тогда два символа — начала и конца петербургского периода истории <...> Рядом с Медным Всадником — место Каменному Автомобилисту или Деревянному Летуну — не знаю, как новое искусство через пятьдесят лет разрешит задачу, гениально разрешенную Фальконе через пятьдесят лет после смерти Петра» [РБ].

Мысль Иванова-Разумника, разумеется, тоже не воплотилась. Ни в 1974-м (через полвека), ни в каком-либо другом году памятник вождю у Адмиралтейства так и не появился — к счастью ли, к сожалению ли...

Но на сем список ленинских монументальных затей не исчерпывается. Уже к исходу 1924-го возникает еще одна дерзкая задумка — может быть, самая дерзкая. О ней 14 ноября информирует город «Ленинградская правда»:

«Сейчас поднят вопрос о том, чтобы превратить в памятник Ленину Александровскую колонну на пл. Урицкого. Эту колонну до сих пор венчает фигура ангела. Вместо нее временно предполагается водрузить красный стяг... Завтра будет произведен осмотр колонны для выяснения размеров нового памятника и положения, которое он займет на площади».

Зиновьев, кажется, на начальных этапах отношения к замыслу не имел — но когда весть доходит до него, он поддерживает затею безоговорочно.

Месяц спустя та же газета сообщает вполне определенно: «По постановлению Губисполкома в ближайшие дни будет снята фигура ангела с колонны <...> Вместо ангела на колонне будет воздвигнута бронзовая фигура Ленина» [ЛП:14.12]. Основанием для этого сообщения стало принятое накануне решение президиума Губисполкома. Газета ошиблась в одной маленькой детали — насчет «ближайших дней». Снятие ангела было решено «не производить до отливки фигуры Владимира Ильича» [ИЛ]. Эта оговорка, быть может, и спасла колонну.

Тем временем проект активно обсуждался. 23 декабря «Ленинградская правда» сообщила совсем уже детальные подробности:

«Колонну должна венчать бронзовая фигура Ильича, во весь рост, изображающая его в момент речи с протянутой рукой вперед. Подвергнется переделке сама колонна. Барельефы, находящиеся на нижней ее части и изображающие эпизоды из войны 1812 г., будут заменены новыми, которые должны дать художественное представление о важнейших событиях в российском революционном движении. Для выполнения нового памятника будет объявлен конкурс».

Но тут к делу подключился нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский: его привлекли на свою сторону защитники колонны. 22 и 30 декабря он отправил в адрес Григория Зиновьева два послания — официальное и секретное: «Идея ужасающе нелепая <...> Ставить Ленина на вершину Алек-

сандровского столпа, это значит, на мой взгляд, бить в лицо всей моральной идеологии Ленина. Даже Александр I-й со всем своим царским чванством поставил туда эмблему, своего ангела, заявив, что не хочет превозноситься над человеческим родом. Неужели мы теперь захотим превознести таким образом над человеческим родом Владимира Ильича, которому до такой степени было чуждо и противно внешнее возвеличивание <...> Будет гораздо лучше, если Вы сами огромным авторитетом <...> воспротивитесь такому акту, который несомненно вызовет очень злобное гоготание и, что хуже всего в данном отношении, небезосновательное...» [ИЛ].

И в другом послании:

«Поставленная в центре этой площади фигура В. И. неизбежно затеряется в общей композиции площади и будет производить довольно мизерное впечатление» [ИЛ].

Доводы наркома оказались, вполне возможно, решающими: в начале 1925 года Зиновьев наложил на секретное письмо Луначарского резолюцию, поставившую в деле точку: «Ну их к черту. Оставимте им колонну с “ампирным” ангелом» [ИЛ].

Подчиненные Зиновьева притормозили, однако, не сразу: идею еще какое-то время муссировали. Меняли лишь варианты. Вот один: «Вчера состоялось совещание о замене фигуры ангела на Александровской колонне статуей рабочего» [КГ:10.05.1925]. Но это была агония столь блистательного замысла...

Но отчего же Григорий Евсеевич так легко отступился от эффектной затеи — с его-то любовью к эф-

фектам! Может быть, понял ее бесперспективность; может, ему просто надоело бороться с критиками.

А вот и еще одно предположение: в ту пору борьба за власть приняла серьезный оборот, и на этом фоне он вполне мог отказаться от какого-то мелкого проекта. Ведь речь шла о куда большем — о том, чтобы свалить Троцкого. И тем самым расчистить для себя место на вершине политического Олимпа.

В ВОЗДУХЕ — «КРАСНЫЙ ПЕТРОГУБФИН»

Да, для «наркомвоенмора» год 1924-й оказался в немалой степени гибельным. Вступивший в этот год одним из лидеров партии, вождем армии и флота, Лев Троцкий потом терпит поражение за поражением. Вначале опаздывает на похороны Владимира Ильича — оправдываясь злодейским умыслом Сталина, известившего его о трагическом событии с намеренной ошибкой (якобы в телеграмме дата похорон была указана на день раньше — дабы находившийся на лечении Троцкий решил, что не успеет, и в Москву не спешил).

Осенью 1924-го Лев Давидович публикует статью «Уроки Октября», где призывает изучать революционную историю и попутно дает свою оценку действиям соратников в 1917 году. Основные мишени у него две — Каменев и Зиновьев. Тут разворачивается общепартийная дискуссия. Троцкому противостоят не только его «жертвы», но и состоящий с ними в тактическом альянсе Иосиф Сталин:

«Троцкизм выступает теперь для того, чтобы развенчать большевизм и подорвать его основы. Задача партии состоит в том, чтобы похоронить троцкизм как идейное течение.

Говорят о репрессиях против оппозиции и о возможности раскола. Это пустяки, товарищи. Наша партия крепка и могуча. Она не допустит никаких расколов. Что касается репрессий, то я решительно против них» [П:26.11].

Резолюции трудовых собраний Ленинграда однозначны: «Мы, партийные моряки, признаем выступления т. Троцкого дезорганизацией партии и попыткой подменить ленинизм троцкизмом» [КГ:2.12].

В поддержку Троцкого, по официальной статистике, выступили лишь 72 человека из 46 тысяч участвовавших в ленинградских собраниях. Утверждается новое слово — троцкизм; блок Зиновьев — Каменев — Сталин (где Зиновьев на первом месте!) празднует победу. Ленинизм в ту же пору по решению ЦК партии появляется во всех вузах — в том числе ленинградских, — а параллельно с этим создаются кафедры истории партии, политической экономики, диалектического и исторического материализма...

К ноябрю этого года в ленинградских учреждениях снимают со стен многочисленные портреты Троцкого. В начале 1925-го он вынужденно уходит с поста «наркомвоенмора». Впрочем, за ним сохраняются довольно важные посты; до его исключения из ЦК, да из самой партии тоже, остается еще три года. К тому же и Гатчина, переименованная в Троцк в 1923 году, останется при этом имени до 1929-го...

А вот случайно ли «военморы» — таким было прозвание моряков Военно-Морского флота — станут с 1925-го именоваться краснофлотцами? Может, «военмор» еще слишком явственно напоминало об опальном «наркомвоенморе»?

С Троцким или без него — но задача у армии остается прежней: защитить страну от посягательств враждебного окружения. Конечно, проблема стоит не так остро, как хотя бы пару-тройку лет назад. Непосредственная угроза для новой власти миновала, черты военной жизни исчезают с каждым днем. Вот, например, легендарные теплушки гражданской: они хоть еще в ходу, но к концу 1924 года принимается решение перевозить пассажиров только в «классных» вагонах. И не случайно примерно с 1924 года начинается закат такой остро модной одежды, как «кожанка» — теперь престижнее хорошая гражданская одежда.

Но все-таки успехи армии — это по-прежнему забота всей советской страны. Все вместе решают одну, главную задачу: армия должна крепнуть врагам на зависть.

Чем может помочь армии человек штатский? Ясное дело: деньгами. Удобнее всего помогать деньгами в складчину.

Общество друзей воздушного флота насчитывает в Ленинграде 69 тысяч членов (данные на сентябрь 1924 года). Забота общества — укрепление советской авиации; 30 марта оно передает гидроавиации Балтийского моря четыре новых гидроплана — «Вла-

димир Ильич», «Ленинград», «Ленинградские профсоюзы» и «Красный треугольник». Эти самолеты пополняют эскадрилью «Красный Балтиец», всецело построенную на народные деньги; там еще с января 1924 года состоят такие самолеты, как «Володарский», «Петроградская Правда», «Красный Путиловец» и «Красный Петрогубфин».

Не стоит думать, что деньги на аэропланы давали только те, в честь кого они были наименованы (речь, конечно, не о покойнике Володарском). «Петроградская правда», например, штат имела не такой уж большой: сколько нужно было собрать с каждого, чтобы построить самолет! Потому обратились за помощью к подписчикам.

СОЗДАНИЕ МОЩНОГО КРАСНОГО ВОЗДУШНОГО ФЛОТА ДЕЛО ТРУДЯЩИХСЯ

ВСТУПИЛИ ТЫ
В ЧЛЕНЫ
ОБЩЕСТВА
ДРУЗЕЙ
ВОЗДУШНОГО
ФЛОТА

СЕКРЕТАРИАТ О.Д.В.Ф.-С.З.О. ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ, КОМН. 7,
ТЕЛ. 183-28 ЗАПИСЬ В ЧЛЕНЫ О-ВА И ПРИЕМ ПОЖЕРТВ. ОТ 10-4 ч.

Объявление Общества друзей воздушного флота в справочнике «Весь Ленинград на 1924 год»

«На следующий день в конторе редакции — сумятица. Кассир, счетовод сбились с ног. Только и было слышно:

— На гидроаэроплан где тут сдавать?

На призыв “Петроградской правды”... первыми откликнулись рабочие и работницы бумагопрядильной фабрики имени Халтурина, гознаковцы и железнодорожники...» [ВО].

А труженики завода имени Козицкого передали на «Петроградскую правду» и на «Володарского» свой двухчасовой заработок...

Конечно, военные подаркам рады. И готовы со своей стороны порадовать помогающих им горожан.

Артиллеристы у полуденной пушки в Петропавловской крепости. 1924. Фотография из Центрального государственного архива кинофотофонодокументов

Они регулярно устраивают публичные парады, пробеги, состязания. Седьмого апреля, например, проводят в бывшем Михайловском манеже конкурс военных духовых оркестров; побеждает в нем оркестр Электротехнической школы — и достаивается «фанфары с художественным флагом». На третий день октябрьских торжеств проводят большой парад с присягой армейского «молодняка». Кстати, ходят еще армейцы в форме времен гражданской войны, и на головах у них — знаменитые «буденовки»...

Армия крепнет. Горожане этому способствуют по мере своих сил. Но способствуют далеко не все. Некоторые, наоборот, рады подхватить какой-нибудь слухок об армейских и флотских неудачах — а потом поделиться им с кем-то еще. Активность этих граждан такова, что 4 июня военачальники округа и Балтийского флота вынуждены обратиться к горожанам:

«В городе за последнее время распространяются нелепейшие слухи о перелете наших самолетов в соседние государства. Слухи всецело являются провокационными и могут быть распространяемы только врагами СССР. Штаб и весь летный состав Военных Воздушных сил Ленинградского Военного Округа и Балтийского моря доводит до сведения трудящихся г. Ленинграда, что ни один самолет Военных Воздушных сил ЛВО и Балтморя за пределы СССР не перелетал и не перелетит без особого разрешения высшего командования» [ВКГ:04.06].

Слухи, конечно, нелепые. Но стойкие. С ними любопытным образом перекликаются слова из воспо-

минаний Бориса Бажанова, тогдашнего технического секретаря Политбюро — о том, как в 1924 году обнаружилось, что «Красная Армия в настоящем своем виде совершенно небоеспособна, представляет скорее распущенную банду разбойников, чем армию, и что ее надо всю распустить. Это и было проделано, к тому же в чрезвычайном секрете. Оставлены были только кадры — офицерские и унтер-офицерские. И новая армия была создана осенью из призванной крестьянской молодежи. Практически в течение всего 1924 года у СССР не было армии» [ББ]. Насчет «всего года» автор очевидно приукрашивает: даже ленинградская хроника не оставляет сомнений в том, что и зимой, и весной, и осенью армия была. Могло ли летом случиться нечто подобное? Сомнения, надо сказать, и тут есть. Углубляться в вопрос не станем; отметим лишь, что атмосфера слухов вокруг армии для 1924 года вполне характерна.

Отклонимся тут от прямой линии — потому что в теме слухов есть одна сторона, нами еще не затронутая. Она не имеет отношения к армии — но раз уж разговор о слухах начался, то без этого продолжения не обойтись.

Со слухами боролись не только с помощью публичных объявлений. Отдел политического контроля ОГПУ тем и был занят, что контролировал функционирующие в обществе толки, разговоры, слухи. Как он это делал? Прежде всего с помощью перлюстрации. Метод проверенный: переписку граждан просматривали и в прошлом столетии (красноречивые примеры есть в пушкинской биографии). Правда,

масштаб явления со временем заметно возрос. Цифры впечатляют: с октября 1923 по октябрь 1924 года Отдел политконтроля просмотрел пять с лишним миллионов писем и больше восьми миллионов телеграмм. «Чтецы» от ОГПУ работали напряженно, даже почти за гранью возможного (им можно посоветовать): «никаких праздников и выходных», «один сотрудник на телеграфе просматривает в сутки 2500 телеграмм», «полная обработка писем доведена до 250 штук в день на одного человека» [ВИ].

Статистики перлюстрации по Петрограду-Ленинграду нет, но масштабы явления вполне очевидны, и сами авторы писем осознавали это вполне. Не случайно один из них в самом начале 1925-го (в послании из Ленинграда во Францию) напишет среди прочего: «Сейчас на праздниках всегда усиливается переписка, и бедной цензуре, этой милой, всегда к нам благосклонной даме, которой, пользуясь случаем, хочу пожелать здесь доброго нового года, — приходится особенно много читать всяких благоглупостей, хотя бы вроде моих писем» [ВИ2]. Копия дерзкого послания была переправлена цензорами в ОГПУ — в отдел по борьбе с контрреволюцией...

И еще два дополнения к армейской теме — вернее, к теме борьбы со внешним врагом. Не все ведь в этом деле подвластно армии; кое в чем можно передовериться своего рода «агентам влияния» на местах — товарищам, борющимся за общее революционное дело. С их помощью можно ослабить враждебное окружение «изнутри». И здесь тоже могут быть полезны обычные горожане — и деньгами, и как об-

щественная сила. Активизируется кампания по приему новых членов в МОПР (существующее с 1922 года Международное общество помощи борцам революции) — за вторую половину марта 1924 года в него принято одних только университетских студентов 777 человек. 14 июля в саду Народного дома проходит платное гуляние в пользу МОПРа. Принимали в МОПР всех скопом и даже коллективно; за студентами, к примеру, последовала в полном составе труппа БДТ. Не удивительно, что к концу года число питерских членов этой организации достигло фантастической цифры — 700 тысяч человек!

Есть, кстати, и только что созданное общество «Руки прочь от Китая!»: повод к его созданию дала китайская революция. Общество проводит в сентябре митинг у Дворца труда — на нем призывают пролетариев всех стран помочь китайским братьям в их борьбе...

Итак, армия крепнет, борцы революции разворачивают свою деятельность, советское государство усиливается. Сила — оружие действенное. Как раз 1924-й год и положит начало широкому дипломатическому признанию Союза ССР.

Первой на этот путь ступит Англия — за это можно отдельно поблагодарить новое лейбористское правительство Рамсея Макдональда: оно встало у руля 23 января, а 1 февраля заявило о политическом признании Страны Советов. Недолгой была жизнь этого правительства; уже в ноябре оно уступило место консерваторам, которые немедленно заявили, что заключенные с СССР соглашения исполнять не будут. Но

с ходу отменить дипломатическое признание не решились — тем более, что по стопам Великобритании успели уже пойти Италия, Норвегия, Австрия, Швеция, Китай, Франция, да и другие страны...

ДЕТСКИЙ УГОЛОК

О детском памятнике Ленину мы упомянули в общем ряду проектов: теперь можно сказать и чуть подробнее. Близ особняка Кшесинской намечалось устроить «детскую площадку, разбить там цветник и в центре поставить обелиск с барельефом тов. Ленина. Дети выражают пожелание, чтобы устройство площадки, цветника, охрана их и уход были поручены им самим, и просят, чтобы обелиск был сооружен по их собственному проекту» [ВКГ:2.02]. Замысел реализован не был — но само его возникновение для того времени вполне характерно.

Быстрее всего перемена строя сказывается на детях. Весь их жизненный опыт укладывается в послереволюционное время — откуда же им помнить-то о другой эпохе! «Структура» детского общества во многом повторяет взрослую: передовики (пионеры), «болото» и изгои общества (беспризорники).

Начнем с конца — с беспризорников. Их много, очень много. Власти, конечно, борются с беспризорностью изо всех сил — но могут далеко не все.

В марте 1924-го устроили целую «неделю борьбы с беспризорниками». В ходе «недели» записывали желающих в только что созданное общество «Друг

детей» (и за один первый день таких оказалось пять тысяч человек: как видно, проблема с беспризорниками осознавалась многими).

Требовали «вырвать детей из объятий улицы»; Злата Лилина призывала:

«Мы очень просили бы трудящихся Ленинграда не поощрять нищенство детей <...> Мы просим население Ленинграда категорически прекратить покупку папирос и др. товаров у детей на улице. Произведенными обследованиями мы установили, что некоторые лавочники имеют артели ребятишек, которые после закрытия магазинов продают их товары на улицах. Платят лавочники, понятно, за это детям гроши и эксплуатируют их...» [ВКГ:10.03].

Лавочники, конечно, во многом виноваты — но вряд ли появление беспризорности можно приписать их усилиям. Они просто пользовались удобным случаем, дабы поднять прибыль: законное желание любого торговца!

Количество беспризорников пока не падает. Зато растет боевой пионерский отряд — это юные ленинцы, с детства готовые служить обществу (и без колебаний ставить общественное выше личного). В Питере пионеры маршируют с 1922 года. В 1924-м романтика пионерии на самом подъеме: эффектная форма (сильнее всего впечатляет алый галстук), стяги и барабаны. Особенно барабаны: они являются предметом настоящего культа. Питерским пионерам слезно жалуются пионеры из губерний: «Все бы у нас было хорошо, да вот горе: самого-то главного — барабана — у нас нет» [КГ:01.03.1925].

А вот картинка с детской площадки клуба при Обуховской больнице: «С утра до вечера юные ленинцы, в количестве 150 человек, одни весь день владеют площадкой. Им времени хватает на все: общие занятия, игры, гимнастика, качели и песни; в разных частях парка под деревьями трещат старые лоханки, ящики, все чем можно выбивать дробь: это ленинцы учатся бить в барабан. И так ежедневно...» [ЖИ: №40].

Пионеры не только учатся, но и показывают себя городу. Устраивают торжественные парады — в том числе на площади Урицкого (Дворцовой): «Четко и бодро, с песнями шагают юные ленинцы. Цветные флажки-значки, яркие знамена, красные платочки на белых, синих, зеленых костюмах, сияющие глаза...» [ЮП: №9]. В тот раз на площади собралось двенадцать тысяч человек — весь наличный состав питерской пионерии.

Седьмого сентября — еще одно празднество: десятый Международный юношеский день, он же просто МЮД (праздник, родившийся за границей еще в 1915 году). Здесь уже число участников достигло 150 тысяч: не только пионеры, но и комсомольцы...

У юных ленинцев хорошие тылы: им есть откуда черпать пополнение. Даже вполне аполитичные дети не могут устоять перед напором новой идеологии — особенно в условиях, когда им эту идеологию преподают с младых ногтей.

«Заведывающая детским домом вызвала к себе няню Еремеевну и официальным тоном спросила:

— Ты, Еремеевна, какие сказки рассказываешь детям?

— А какие сказки, — сказала Еремеевна, — разные сказки. Давеча вот про медведя сказывала... Про козла еще сказка такая есть...

— Завтра праздник, — сказала заведывающая, — Октябрьская годовщина... Надо, няня, что-нибудь рассказать детям про революцию...

— Ась?

— Что-нибудь революционное, — сказала заведывающая. — Что-нибудь, няня, героическое о революционном прошлом... Ну, воспоминания, что ли...

Няня сердито высморкалась в конец праздничного передника и с обидой сказала:

— Я этого не знаю... Я, матушка Елена Семеновна, политграмоту не сдавала... Не знаю, что к чему и почему... И, может, не поймут дети, трехлетние-то...

Детский сад в Московско-Нарвском районе Ленинграда. 1924. Фотография из Центрального государственного архива кинофотофонодокументов

— Поймут, — строго сказала заведывающая. — Про революцию дети поймут. Они нам смена...» (Михаил Зощенко, «Нянькина сказка», 1924).

И стоит ли удивляться тому, что в апреле газеты известили горожан: по отделениям милиции разослана телефонограмма о поиске двенадцати пропавших подростков. Они бежали из дома к финской границе — «для борьбы с фашизмом» [ВКГ:23.04].

А в воспоминаниях писателя Вадима Шефнера есть эпизод, связанный с одним из торговцев тогдашнего Сытного рынка. В этом отрывке особенно примечательна последняя фраза.

«Он на голову возвышался над рыночной толпой <...> На спине его, доставая до самых ягодиц, висела фанерная доска, и на ней оранжевыми буквами значилось: «Смерть насекомым. Истребительный яд по секретному патенту!!! Гарантия успеха!!!» Пониже были изображены мухи, тараканы, клопы и вши — все вверх лапками, мертвые. Человек этот запомнился мне своей таинственностью; он шагал, ни на кого не обращая внимания, никому не пытаясь навязать свой смертельный товар, — будто нечто совсем иное держал в уме. У меня мелькнула мысль, что это шпион Малой Антанты или тайный агент сэра Чемберлена» [ВШ].

На ту же самую тему — еще одно свидетельство, запись Корнея Чуковского, сделанная им в ноябре 1924-го:

«Еще раз я удивлялся, как нынешние дети смотрят фокусы: для них фокусник — жулик, враг, которого нужно разоблачить и победить. Они подозре-

тельны, держат его под контролем, кричат ему: “А ну, покажите рукава”, “Выверните карман”, “Дайте-ка эту шляпу мне”, крик непрерывный в зале. Так что фокусник даже сказал:

— Это делает вам честь, что вы так *скептически* относитесь» [ДЧ].

Тут можно провести любопытную параллель. Знаменитый фокусник времен Павла I — кавалер Пинетти — завоевал признание светской публики тем, что предстал перед нею в образе аристократа, занимающегося фокусами из интереса. Пинетти первым придумал этот образ, и следом за тем образ фокусника-аристократа (фрак, бабочка и т. д.) со сцены не сходил.

Но в 1924 году этот образ смотрелся явным анахронизмом. Конечно, враг: аристократ!

ПИРАМИДА ПО-СПАРТАКОВСКИ

*Раньше слаб был наш Ванюха —
Свалит с ног любая муха.
Поступил в «Спартак» вдруг он,
Не повалит ныне слон.*

Вл. Иванов. Спортивные частушки [КГ:5.12]

Юные ленинцы уже прошествовали по площади Урицкого, а вот другое примечательное действо состоялось там 27 июля 1924 года. Журнал «Юный пролетарий» не скрывал восторгов:

«Ласкают взор полубоженные тела спартаковцев, мускулистые цепкие руки, высокие груди, уверенно-твердая поступь ног. Девушки, как красного-

ловые маки. Их красные платочки, белые рубашки и широкие спортсменские синие шаровары придают группам чрезвычайно живописный вид» [ЮП: №12].

Кто это? Спартаковцы — юные члены общества «Спартак», внедряющего физкультуру и спорт в массы. Обычно это молодые люди комсомольского возраста. В печати их называют иногда спартаками — с маленькой буквы и без кавычек.

Развитие «Спартака» — это задача, которая стоит перед комсомолом, и масштабы ее обозначает все тот же журнал «Юный Пролетарий»: «70% всей рабочей молодежи в спорт. организацию “Спартак” — вот производственная программа на ближайшее время» [ЮП: №7].

Описанное журналом июльское выступление — «День Спартака» — посвящено было двухлетию общества; начавшись на площади Урицкого, оно перекочевало на Неву — там шли состязания в плавании и гребле. Стоит прибавить еще пару подробностей: выступающие вначале выстроились так, чтобы ряды их образовали лозунг «Спартак к массам», а потом не забыли порадовать публику непременною акробатической пирамидой — в четыре человеческих роста!

Да, «атлетом можешь ты не быть, но физкультурником — обязан». Это не просто увлечение, а задача политическая: новый советский человек должен быть физически крепким. Уже скоро в моду войдут картины Дейнеки, воспевающие красоту спортивной фигуры. Правда, родственный физкультуре спорт счи-

тался совсем недавно занятием буржуазным — но к 1924 году власти признают и его.

До участия в крупных международных соревнованиях дело, впрочем, еще не доходит: летняя и зимняя Олимпиады 1924 года проходят без советских спортсменов. Там блещут другие звезды — прежде всего финский бегун Пааво Нурми и американский пловец (он же первый Тарзан в голливудском кино) Джонни Вайсмюллер... Но и у нас спорт отныне — дело государственное, нужное. И власти задумываются о строительстве спортивных сооружений. Под ленинградский Дворец спорта предполагают отдать Спортинг-палас на улице Красных Зорь (Каменно-островский проспект); впрочем, это гигантское строение находится в ужасающем состоянии, и от мысли отказываются. Позже тут вырастет Дворец культуры имени Ленсовета.

Зато летом 1924 года на юго-восточной оконечности Петровского острова спешно начинают строить стадион имени Ленина. Активно трудятся там комсомольцы — в основном по вечерам, после работы. Год спустя стадион откроют...

А спортсмены стартуют с места в карьер. В первый раз разыгрываются футбольные чемпионаты РСФСР и СССР — и ленинградцы в обоих соревнованиях на высоте. Они становятся первыми чемпионами России и вице-чемпионами Союза.

Поклонников футбола ждет и еще одно громкое событие. В Москве футбольная сборная СССР проводит свой первый официальный матч: она принимает команду Турции. Турецкие футболисты имеют вполне

солидную репутацию, но нашей сборной уступают — 3:0 в пользу хозяев. Первые два мяча забивает капитан команды ленинградец Михаил Бутусов, а третий летит в ворота после его подачи.

После матча звучат комментарии, не только спортивные, но и политические. «Наши встречи с буржуазными спортсменами нужны и полезны. Они — одно из действенных средств прорыва идеологической и политической блокады, которую ведут против нас капиталисты. Они — водружение Красного знамени первого в мире государства рабочих и крестьян не над зданиями посольств, а в гуще народа» [ЛГ].

Что ж, политика придает свою окраску большинству спортивных акций. Вне политики не остается ни один вид спорта — ну разве что конские бега, проходившие тогда в Ленинграде (на ипподроме Семёновского плаца) трижды в неделю. Вот шахматы: что, казалось бы, в них политического? Ан нет — нельзя же оставить без внимания такой сверхпопулярный вид спорта. Популярность его в 1924 году очевидна: не случайно февральский приезд в Ленинград экс-чемпиона мира Эммануила Ласкера вызывает бурю восторгов. Не случаен и интерес к матчу на первенство СССР между Ефимом Боголюбовым и Петром Романовским, проходящему в городе на исходе года. Чемпионом становится тогда Боголюбов, будущий эмигрант и восьмикратный чемпион Германии...

Итак, шахматы оставить без внимания нельзя. И вот в воскресенье 20 июля на площади Урицкого чертят квадраты. Сильнейшие шахматисты города Петр Романовский и Илья Рабинович разыгрывают

партию в «живые» шахматы. Белые — команда «Красный Флот», черные — «Красная Армия». Моряки, понятное дело, в белой форме, красноармейцы — в защитной одежде. «Коней» играют настоящие всадники; «ладьи» — это целые пушечные расчеты, по три человека при маленьких пушечках; «король» — знаменосец со стягом; в роли ферзя «военмор» — жена маэстро Рабиновича. Почему военный колорит? — потому, что «шахматы — ценный союзник военного искусства, прекрасная школа для мозговой тренировки красного бойца» [ВКГ:21.07].

Тренировка. «Фигуры» по бывшему Невскому торжественно идут на площадь; партия начинается в полдень и длится аж пять часов; ходы оглашаются в рупор, так что их слышат все восемь тысяч собравшихся зрителей (уплативших за билеты от 10 до 50 копеек). Впрочем, исход игры понятен заранее — ничья, победила крепкая дружба защитников Отечества. Но «если доведется взаправду... Шахматная стратегия напоминает стратегию революции. Большая мировая партия уже началась. Эта партия не может окончиться вничью» [там же].

К будущим боям готовятся не только шахматисты. Лыжники — это, можно сказать, кавалерия снегов! А потому Ленинградский военный округ организует «Звездный пробег» лыжников и большие соревнования на полторы тысячи участников. Как пишет в приказе командующий округом Владимир Михайлович Гиттис, устраивается все это «в целях проверки <...> подготовки войск к зимней кампании, усовершенствования лыжебежной техники применительно

к военному делу, а также популяризации лыж как военно-утилитарного вида спорта и способа передвижения» [С:3].

Пробег начинается 3 февраля; команды стартуют из двадцати разных точек и следуют заранее намеченными маршрутами длиной в 150–200 километров. Идут при полном обмундировании: это и винтовка со 120 патронами, и продовольствие, и шинель, и даже иголки с носовыми платками — все вместе весом под 25 килограммов. Финишируют команды на площади Урицкого через два дня, 5 февраля:

«Около 9 час. 30 мин. утра было получено первое известие о том, что команда Интершколы в составе 18 чел. прошла конечный контрольный пункт <...> Вестовой докладывает, что команда в нескольких ми-

Финиш «Звездного пробега» лыжников на площади Урицкого (Дворцовой площади). 1924. Фотография из Центрального государственного архива кинофотофонодокументов

нутах пути (на пр. 25 Октября). Наконец, словно лава вырываются финны из под арки Красн. Армии, и, сделав красивый поворот, проходят арку финишем <...> Любознательные зрители, обступив победителей, засыпают их вопросами» [С:5]. Арка Красн. Армии — это, как нетрудно догадаться, арка Главного Штаба, а финны — участники победившей команды Интершколы (питерского военно-учебного заведения, готовившего финские командные кадры).

Прочие состязания идут несколько дней — в Летнем саду, на Елагином и Каменном островах — и заканчиваются 9 февраля парадом участников на площади Урицкого.

Журнал «Спорт» признавал в те дни: «Лыжному спорту в 1924 г. положительно повезло, хотя он этого и заслуживает» [С:5]. Популярность лыж такова, что лыжников можно повстречать даже в самом центре города: «Лыжники стали появляться на улицах, спокойно пересекая проспекты в самых оживленных пунктах, перебегая через панели и через... ноги прохожих». Газета в связи с этим негодовала: «По людным улицам лыжи можно было бы и проносить в руках» [ВКГ:5.02].

Одними окружными соревнованиями дело не ограничивается. Весной в Ленинград прибывают четыре лыжника-красноармейца: они прошли 1700 верст от Полтавы за 32 дня. Переход, спору нет, уникальный — и не стоит думать, что совсем уж безопасный. Сходный мартовский пробег сорока лыжников Балтийского флота из Кронштадта в Ленинград заканчивается трагически: «один из военных моряков, И. Жила, был найден замерзшим на льду Финского

залива в 3 верстах от Лахты. Другой, А. Серебряков, с отмороженными ногами доставлен в больницу поселка Ольгино» [ВКГ:22.03].

ВРАЧЕБНЫЕ ТАЙНЫ

Ну вот и больницы. Здравоохранение — тема, актуальная во все времена. Но в советское время особенно. Это при капитализме жить, болеть и умирать — личное дело каждого. А в новом обществе здоровье гражданина — предмет заботы общества, ибо обществу же это здоровье и принадлежит.

Бороться приходится прежде всего с недугами социальными. Впереди всех болезней идет алкоголизм: после «сухого закона» времен первой мировой и гражданской неустойчивые граждане прикладываются к бутылочке все чаще. Благо приложиться есть к чему и где: пивные заводы работают с полной загрузкой, питейных заведений в городе несколько сот. «На людных улицах располагалось по нескольку пивных: за “Старой Баварией” следовала “Новая Бавария”, за ней “Калинкин”, за “Калинкиным” — “Вена”, за ней “Новая Вена”. Они улавливали прохожих. Из пивных неслись пьяные крики и песни, играла гармонь» [НП2].

Пьют в 1924 году и подростки:

«В 12 лет они уже алкоголики, горькие пьяницы, которым пьяное море не по колено, а — выше головы... Загляните в пьяные углы: камеры по самогонным делам, гостиницы-притоны, подозрительные

кафэ, пивнушки, на углы “этих” улиц... Пьяные дети там — свои люди» [ВКГ:3.04].

Профессор Мендельсон, председатель губернской комиссии по борьбе с алкоголизмом, возлагает всю вину на нэпманов: «Рост алкоголизма <...> несомненно является следствием роста тайного винокурения и одной из вредных отрывков нэп'а, повлекшего за собой возрождение питейной промышленности» [ВКГ:2.06]. Но прав ли профессор? Когда ввели государственную водочную монополию, это ничуть не умалило масштабов бедствия. К тому же двадцать четвертый — не самый печальный в питейном отношении год; в 1925-м, 1926-м пили куда больше — в разы! И хотя с 1926 года активизировалась государственная борьба с пьянством, тягу к алкоголю она не победила. Да как победишь, если государству пьянство выгодно: пополняет казну!

Куда проще бороться с болезнями понятными и привычными, пусть даже и тяжкими.

Вот туберкулез, например, — проблема серьезная, в начале и середине двадцатых от него в год умирает три-четыре тысячи горожан. Мало того, «обследование детей в ленинградских детских учреждениях выяснило, что 51% питомцев больны туберкулезом» [ВКГ:10.03]. Невероятная цифра! Потому борьба ведется постоянно; в июле 1924-го устраивается целый «туберкулезный трехдневник». В эти дни в свет выходит одноразовая газета «Долой туберкулез» и поучительная книжка наркома Семашко «Пролетарская болезнь» — разумеется, тоже о нем, туберкулезе. Успешна ли борьба? Что ж, статистика очевидна:

в 1920-м году умерли от туберкулеза 4127 человек, в 1924-м (когда город вырос в полтора раза) — 3207...

Вот еще жупел: малярия — гостья, казалось бы, нечастая на наших широтах. Но летом 1924-го сообщается, что «в Таврическом саду и на Елагином острове в заросших прудах появились даже малярийные комары. Это поставило город под угрозу малярии» [ЛП:6.07]. Такая же ситуация обнаружилась и на пригородных прудах; уличенные в малярийной опасности водоемы активно расчищались или заливались нефтью. Всего за год таких опасных очагов уничтожено больше тысячи. И все равно: малярией болели, в одном только январе ее подхватили 36 человек. Впрочем, восемь смертельных исходов за 1924-й год — это не катастрофа...

Да и другие страшные болезни тоже не особенно распространены: от сибирской язвы умерло за год четыре человека, от бешенства — два, от столбняка — пять. Куда чаще страдают горожане от недугов более обыденных — гриппа, скарлатины, кори; каждую неделю эти болезни обнаруживают у сотен человек. Впрочем, и тут статистика внушает оптимизм: улучшение ситуации налицо.

«Уменьшились заразные заболевания, увеличились несчастные случаи <...> Больше всего несчастных случаев по субботам, когда выдается заработок сдельным рабочим».

Это уже строки из газетного отчета о работе «Скорой помощи». Отчета пространного, красочного и любопытного — достойного того, чтобы процитировать его почти полностью.

«Станций с автомобилями Скорой помощи в Петрограде четыре и каждая имеет свою летопись и статистику.

Станция на Дровяном насчитывает до 75% несчастных случаев на фабриках и заводах с рабочими.

Станция на Карповке — обывательские происшествия: драки, убийства.

Станция на углу просп. 25 Октября и Лиговки — отражение Нэпа... кокаинисты, алкоголики, морфинисты, самоубийцы...

В книгах скорой помощи много легенд “нового Петербурга”, отражение накипи городской улицы.

Симулянт.

Как-то Скорую помощь вызвали из кафе. Застрелился из револьвера проигравшийся на биллиарде молодой человек 19 лет. Через три минуты автомобиль был на месте.

Взяли, положили, отправили в больницу...

Оказался симулянтом. Зарядил револьвер холостым патроном. Только испуг и ожог. Сам же кокаинист.

<...>

Синильная кислота.

Перепуганный голос сообщает, что отравилась молодая работница, выпив синильной кислоты. Скорая помощь через 10 минут на месте.

Все лицо, платье, руки пострадавшей в синей краске.

Служит на фабрике красок и, под влиянием “несчастной любви”, выпила синюю краску, про которую говорили, что это синильная кислота.

Испуганный “ухажер” скорее к телефону.

60 и 40.

На Васильевском Острове вызвали в пивную карету. Сидело две компании, повздорили между собою, разошлись.

В ход было пущено 60 бутылок, 40 стаканов, все закуски с прилавка.

Выбиты два зеркальных стекла, разбиты зеркала.

Хозяин пивной был найден забившимся в ужасе под прилавком.

Несколько раненых.

“Мелочи”.

Вызывают и для мелких случаев.

“На Воскресенской набережной найден в куче снега замерзающий ребенок в тряпках”.

“На Ямской, 27, отравилась гражданка Розен, приняв 15 порошков веронала”.

“Угорел от печки гр-н Т.”.

И тут скорая помощь не отказывает. Едет, берет, помогает» [КГ: 2.02]

Медики, как мы видим, не дремлют. Они вообще в 1924-м на виду: хоть денег у Губздрава негусто, весь год в городе открываются новые медицинские заведения. Стоматологическая поликлиника на Невском, существующая поныне. Аптеки: на начало года их 38, к октябрю — уже 46 (и две трети лекарств, кстати, они выдают бесплатно — застрахованным).

Открывается Институт по изучению профессиональных заболеваний. Об этом заведении подробно пишет даже московская пресса. Да и правда, где еще уделяется такое внимание пролетарским недугам? К примеру, профессиональной глухоте клепальщи-

ков, работающих с пневматическими молотками. И оттого с научными целями «ежедневно пять-шесть металлических заводов посылают в институт поочередно человека по два так наз. “здоровых” рабочих-клепальщиков, а чтобы они не теряли своей зарплаты и не уклонялись от своей “научной деятельности”, им эта зарплата аккуратно выплачивается на месте в институте, вместе с трамвайными расходами» [КН: 1925, №2].

В конце 1924-го торжественно открывается громадная больница имени И. И. Мечникова. Строилась она еще с 1910 года; в 1914 году часть помещений уже открыли, но потом война остановила стройку. И только к 1924 году корпуса были доведены до полного окончания...

На фоне нового больничного строительства особенно любопытно присутствие в городе преемников тибетского доктора Жамсарана Бадмаева — его вдовы и племянника. Они работают независимо друг от друга; особенное осуждение прессы выпадает на долю вдовы — она не имеет врачебного диплома, и только напарничество с дипломированным доктором В. И. Наумовой придает ее приемам необходимый статус.

Саму тибетскую медицину тоже много обсуждают и осуждают; попутно говорят и о знаменитом дворнике Сорокине с улицы Халтурина-Миллионной, известном с дореволюционных еще времен своими настойками от рака.

И еще сообщение: «В Лигове живет гипнотизер-знахарь, имеющий огромную клиентуру. Лечит “от

глаза”, от зубной боли, от влюбленности, от “дурных болезней”, от алкоголизма...» [ВКГ:19.01].

Что ж, научной медицине европейского типа еще предстоит завоевать доверие рядовых горожан. Пока же публика держится настороженно. Проблема серьезная и вывод отсюда очевиден: медицинское просвещение. Лекции, статьи, диспуты.

Особенным интересом обывателей пользуются мероприятия по половому вопросу — тем более, что в те годы происходила своего рода «сексуальная революция». (В 1925 году ленинградские врачи отмечали, что молодые рабочие «в половую жизнь вступают рано» [НЛ].

Статистика 1923 года: в добрачные интимные отношения вступали 47% молодых питерских рабочих и 63% работниц.)

Тема эта особенно актуальна в связи с ростом числа аборт, в том числе криминальных; не случаен и мартовский диспут в зале Лассаля (в бывшей городской Думе) на тему «Аборт или материнство». А заметка в вечернем выпуске «Красной газеты» описывает обстоятельства, при которых проводился в Капелле еще один диспут — «Половая жизнь молодежи»:

«Толпившейся у касс массе учащихся удалось прорвать контроль и, хлынув в зал, занять там все места, облепить все коридоры и стену. В зале собралось до 1500 человек, в то время как нормальная вместимость его 800 чел. <...> Во время давки у входа перед диспутом была смята одна студентка, которая была в бессознательном состоянии отправлена домой» [ВКГ:23.02].

И ЕЩЕ РАЗ УЧИТЬСЯ

Просвещение (оно же образование) бывает не только медицинское. Начальное, среднее, высшее, профессиональное... Для страны, где неграмотна большая часть населения, тема эта важна необычайно.

Конечно, упор делается прежде всего на политпросвещение. Его ведут на местах: ленинские уголки, кружки ленинизма, вечерние школы и кружки политграмоты на предприятиях, передвижные партийные школы, домовые стенгазеты с критикой замеченных недостатков. Выпускники школ политграмоты могли продолжить образование в марксистских кружках первой и второй ступени — там углубленно изучали биографию Ленина и его наследие.

Другая важнейшая задача — ликвидация неграмотности. В марте 1924 года решили создать в городе отделение общества «Долой неграмотность!»; тогда же прикинули, что в Ленинграде с губернией среди одних только молодых людей (от 18 до 35 лет) числится до 60 тысяч неграмотных и малограмотных. В старшем поколении ситуация была еще хуже. Исправлять ситуацию взялись рьяно; к концу года работало уже 197 пунктов ликвидации неграмотности и 332 школы для малограмотных.

Занимались в них 11 тысяч человек (а пятую часть от этого числа составляли коммунисты ленинского призыва). Впрочем, 11 тысяч на фоне даже 60 тысяч — цифра небольшая, потому и ликвидацией пришлось заниматься несколько лет. Лишь к Первомаю 1931-го Ленинград будет признан первым в стране городом сплошной грамотности.

Разумеется, работают и обыденные образовательные заведения — вузы, школы и внешкольные учреждения, включая знаменитую Лахтинскую экскурсионную станцию. (Тут можно к слову заметить, как непросто культура внедряется в массы; даже ученые кадры не всегда доверяют науке. Упомянутый уже нами Корней Чуковский записал 15 апреля иронические строки о лахтинской станции:

«Учреждение патетически ненужное: мальчишки и девчонки, которые приезжают с экскурсиями, музеем не интересуются, но дуются ночью в карты; солдаты похищают банки с лягушками и пьют налитый в банки спирт с формалином. Есть ученая женщина Таисия Львовна, которая три раза в день делает наблюдения над высотой снега, направлением и силой ветра, количеством атм. осадков. Делает она это добросовестно, в трех местах у нее снегомеры, к двум из них она идет на лыжах и даже ложится на снег животом, чтобы точнее рассмотреть цифру. И вот когда мы заговорили о будущей погоде, кто-то сказал: будет завтра дождь. Я, веря в науку, спрашиваю: «Откуда вы знаете?» — *«Таисия Львовна видела во сне покойника. Покойника видеть — к дождю!»* Зачем же тогда ложиться на снег животом?» [ДЧ]).

Вообще «патетически ненужных» заведений в тогдашнем просвещении хватало, и Лахтинская станция была не из самых бесполезных. В городе работали аж семь педагогических вузов (в том числе Эстонский педагогический институт) и несколько сугубо языковедческих институтов; общее число питерских студентов на 1 января 1924 года достигло 37 740. Немало для полуразрушенной страны!

Понятно, что многочисленным вузам Ленинграда приходилось нелегко. Финансов от государства доставалось мало, некоторые институты — к примеру, Политехнический — практически не отапливались, и оттого нормально работать не могли. Как быть? Может быть, урезать число студентов?

Политех в марте 1924-го поставил такой вопрос перед властями. Предложение звучало достаточно осторожно: сократить прием в институт на треть. Только прием. Но уже летело встречное распоряжение из Москвы: сократить число студентов на двадцать процентов. И не только в Политехе — абсолютно во всех высших учебных заведениях.

Тут же пошли толки, которые газеты опровергали решительно: «Слухи о том, что проверка носит характер исключительно социальной чистки, — не соответствуют действительности» [ВКГ:24.05]. Лукавили газеты. Хоть вычищали многих неуспевающих — но решительнее всего обрушились на нерабочий элемент. Свидетельства людей знающих не оставляют в этом сомнения. Константин Шариков, питомец Университета, так и записал: чистка была устроена «в целях улучшения социального состава студенчества, освобождения его от явно враждебных, контрреволюционных элементов и политиканствующих бездельников» [НШ]. Еще откровеннее свидетельство Николая Полетики, будущего студента, а потом и профессора Университета:

«Искали прежде всего бывших офицеров царской армии и “белых”, а затем искали детей чиновников, дворян и купцов, а вообще чистили “очкастых” <...> Вычищенные теряли возможность получить высшее

образование и специальность — стать юристом, инженером, экономистом, учителем. Немало вычищенных покончили с собой» [НП2].

Много ли было всего вычищенных? Вот свидетельство Шарикова:

«Антисоветская часть студенчества, как показали результаты проведенной в 1924 г. чистки, составляла около $\frac{1}{3}$ всей студенческой массы. Среди “белой” части студентов были люди с различной антисоветской окраской, начиная от эсеров-меньшевиков и анархистов и кончая кадетами и даже махрово-черносотенными монархическими элементами» [НШ].

Насчет того, откуда взялась цифра — одна треть — догадаться несложно: именно треть студентов и стала жертвой чистки (а не намечавшиеся двадцать процентов).

При таких масштабах не обходилось без «перегибов». Студент Университета и бывший профработник Константин Брук во время чистки болел и значения ей не придавал. На комиссию по чистке явился «в старой дореволюционной студенческой шинели и фуражке». «Меня, очевидно, приняли за белоподкладочника. Об этом я узнал через месяц, ибо списки отчисленных не читал» [НШ]. Бруку повезло: его восстановили по ходатайству знавшей его коллеги.

В те же дни социально чуждых студентов вычистили из Военно-медицинской академии. Вместе с «эсеров-меньшевиками» и прочими инакомыслящими в черный список попали дети священников. Отчего знаменитый физиолог, нобелевский лауреат Иван Петрович Павлов решительно подал в отставку: «сыну по-

па», заявил он, преподавать в Академии тем более не следует. Его заявление помариновали, но потом удовлетворили.

Решимость Павлова, кстати, не удивительна: он вообще был полон скепсиса по отношению к новой власти, не раз ее критиковал — и письменно, и устно. На этот счет есть живописный эпизод в воспоминаниях Н. Полетики, который в ту же пору встретил академика в трамвае девятого маршрута:

«Невысокий сухощавый старичок, нисколько не стесняясь, “крыл” советскую власть: Бога не признают, церкви закрыли, религию уничтожили, комсомольские походы в церкви делают, верующих разгоняют, а рабочим есть нечего, все продукты пошли в склады для партийных, при царе жилось свободней, чем сейчас, и т. д., и т. п.

Пассажиры трамвая слушали внимательно, прикрывая лица газетами. Старичок вылез у Военно-медицинской академии и исчез в ее дверях...» [НП2].

Чистки, конечно, облегчили положение институтов — хоть и немалой ценой. Но многие проблемы оставались нерешенными, и тут уже все зависело от инициативы «на местах». Тот же Политехнический решил самостоятельно бороться с неустроенной жизнью. Особенно беспокоила судьба зданий Политеха: из-за отсутствия отопления они пришли в плачевное состояние. Что ж: взяли дело в свои руки, собрали деньги — с преподавателей, из платы за обучение, со студентов (которые дали в сумме больше всех). Это был своего рода долгосрочный заем. Совсем безденежных обязали трудиться на стройке.

Работы начались 1 июля и закончились к осени; учебный год начался на три недели позже обычного.

Ну а быт студентов и после всех этих перемен остался прежним. И как и раньше, отчетливо отдавал героизмом. Вот хотя бы пример Университета. Стипендию там платили не всем (преимущественно детям рабочих), да и она составляла 10 рублей новыми деньгами. 4 рубля стоило общежитие, 20 копеек отдавали в профсоюз, оставались на месяц 5.80. А в университетской столовой обед из двух блюд стоил от 23 до 42 копеек. Приходилось брать суп без мяса (за 9 копеек), а то и просто чай — и пользоваться тем, что «в университетской столовой черный хлеб можно было есть в неограниченном количестве бесплатно» [НШ].

Бывали и совсем уж пиковые ситуации.

«Вместо денежной стипендии одно время нам давали паек продуктами раз в месяц: 44 фунта черного хлеба, селедки и 1 р. 70 к. деньгами. Такое количество хлеба сразу было трудно хранить. Часто я более половины хлебного пайка отдавала сапожнику за починку обуви» [НШ].

Кстати, об обуви и одежде.

«Одевались тогда по-разному, что у кого было. И не огорчались. На ноги — мужские ботинки, старенькое пальтишко — “зимой и летом одним цветом”, а на голове самодельная кепка. Кепки были в моде. Почти все девушки-студентки носили кепки» [НШ].

Это все — из воспоминаний тогдашних студентов.

Понятно, что студенты искали, где подработать. Основную пищу давал порт: здесь разгружали доски,

пересыпали зерно, чинили мешки. Потому и лекции частенько читались вечером — именно для того, чтобы дать студентам возможность днем заработать...

ЗА НОВЫЙ БЫТ

Итак, здравоохранение, физкультура, просвещение. Если задуматься, все эти сферы можно объединить в одну большую, имя которой: борьба за новый быт. (Его еще именуют красным бытом: «фронт красного быта — фронт, о котором нельзя молчать» [ЮП: №1].) Этими сферами, правда, битва за новый быт не ограничивается: ну как можно обойтись без борьбы с мещанством и пережитками прошлого?!

Пережитков много. Пути же к их преодолению только намечаются. Питерский журнал «Юный Пролетарий» в первом номере 1924 года представил целый перечень наболевших проблем.

Речь. «Кое-где сохраняется еще в наших рядах “выканье”, особенно ежели парень с Губкома или ВУЗ’а. Московские комсомольцы объявили войну “выканью”. Пусть действительно у нас “вы” будет приравнено к матерщине» [ЮП: №1].

Танцы: тоже проблема не из простых. Еще 18 сентября 1923 года петроградский еженедельник «Жизнь Искусства» напечатал разоблачительную передовицу:

«Вначале танец фокстрот и различные танго исполнялись лишь в стенах наших ресторанов, теперь же они проникли в театры; бездарные и бестолковые актеры и актрисы стали модными героями благодаря

фокстроту. Нэпманам нравится, а театральный делец на этом спекулирует <...> Эти танцы <...> проникают и в школьные вечера, в комсомольские клубы. Этого нельзя допускать, и нам хочется верить, что товарищи из Репертуарной Комиссии примут надлежащие меры к прекращению этой замаскированной порнографии. В Революционной Республике ей не место».

Да, в республике место иным танцам. «Юный Пролетарий» с гордостью сообщает о передовом опыте: участники одной из питерских комсомольских групп «сделали первую попытку обновить танцы. Они разучили танец “Смело, товарищи, в ногу...”». Чем плохо? Массовый, завлекательный танец. Надо пожелать его распространения» [ЮП: №1].

Торжеству нового танцевального быта способствовали и власти; вышеупомянутая Репертуарная комиссия не осталась в стороне от дела. Московский циркуляр от 2 июля 1924 года потребовал не допускать к исполнению «ни фокстрот, ни шимми, ни другие эксцентрические вариации» — потому как «они по существу представляют из себя салонную имитацию полового акта и всякого рода физиологических извращений» [АБ]. 20 августа о соответствующем распоряжении губернского Реперткома известила горожан «Ленинградская правда». Конечно, фокстрот на этом не вымер — с ним боролись еще и в тридцатые годы, и тоже безуспешно...

Какие еще на счету пережитки? Ругань. Пьянство. Курение. Борьба с ними, как признается «Юный Пролетарий», идет одинаково плохо. Есть еще и пережитки религиозного свойства; но о них стоит поговорить отдельно (это нас ждет впереди). Одно исключе-

ние: здесь можно сказать о «Вербе» — вербном базаре, имеющем тоже отношение к религиозному календарю, но вообще-то события стопроцентно светском. «Верба» в 1924-м устраивается, как и прежде — с торговлей, каруселью и прочими развлечениями. Дети счастливы, а прессе все видится совсем иначе:

«Между ларьками, месяя ногами бурую липкую грязь и отплевывая семечки, бродит праздная, скучающая толпа... <...> Толпа жидкая, сонная, равнодушная. Если бы не ребятишки, которым всюду весело, было бы совсем пустынно и уныло <...> Мы уходим, унося с собой 10 килограмм грязи на калошах и сознание, что “верба умерла”...» [ВКГ:14.04].

Торжеству нового быта изрядно мешает и «проклятое наследие» недавних военных лет. Тяжело с нищими. Некоторые из них, правда, пытаются — в ногу со временем — стать «советскими нищими». Один из таких прогрессивных клошаров, например, вооружился ленинским наследием. На груди он держал фотографию похорон Ильича, «сбоку обращение о помощи. “Ленин, — гласит это обращение, — говорил, что нужно помогать нуждающимся. Помните же его идеи и помогите бедному бывшему труженику”» [ВКГ:10.03]. Газета заключала: «Прохожие охотно дают».

Но даже если деньги дают, из жалости или в награду за изобретательность, то во всех других отношениях жизнь нищего не сладка. Ночлежки не могут обеспечить всем крышу над головой. 4 августа вечерняя «Красная газета» извещает: «Со вчерашнего дня стали закрываться с 11 часов вечера на ночь все

Ленинградские сады. Причиною этой меры служит изобилие в летние ночи ночлежников в скверах. Наиболее облюбованным ими был “Сад трудящихся”, где по ночам почти все скамейки оказывались занятыми “дачниками” ...».

Тогдашняя жизнь садов хорошо иллюстрирует не только быт «бывших тружеников», но и культуру тружеников настоящих. Прочитируем пару газетных сообщений. 15 июля «Ленинградская правда» сообщила о новых «садовых правилах» — и о первых итогах нововведения: за три дня выписано семьсот штрафов, в основном за «кидание окурков и шелухи и за лежание на траве». И она же через месяц: «чуть ли не каждый день в городских садах происходят кражи цветов. Вчера воры с поличным были пойманы на поле Жертв Революции и в Исаакиевском сквере» [ЛП: 14.08].

Доставалось, разумеется, не только садам. Те же окурки бросали не только на газоны, но даже и в почтовые ящики: на это жаловались газеты — добавляя, что в ящиках часто попадают и трудовые книжки, а также другие документы, выброшенные карманниками «за ненадобностью» ...

У борьбы за новый быт есть и забавные стороны. «Наш учитель химии, человек добрый и вежливый, почему-то носил на пиджаке треугольный синий значок, на котором были две белые выпуклые буквы: ДР. Это означало «долой рукопожатье». Покупали и носили эти значки люди, которые считали, что здороваться и прощаться надо словесно, а жать друг другу руку — это негигиенично, это пережиток темного прошлого» [ВШ1].

Еще одну забавность отметил московский журнал «Крокодил»: «Новые папиросы, выпущенные Ленинградским табачным трестом. Папиросы называются “Октябрина”, и на коробочке их нарисована крестьянская девица с папироской. Говорят, что скоро будут выпущены папиросы с изображением курящего младенца под названием “Дети — наше будущее”. Старайся, трест — синдикатом будешь!» [К: №28–29].

Впрочем, чего уж тут удивляться! Новый быт — это ведь и новый язык, новые слова и сокращения. Особенно сокращения: они заняли тогда в ленинградской (и вообще в советской) лексике невиданное место и считались чуть ли не пискom моды. В справочнике «Весь Ленинград» 1924 года почти каждое заметное учреждение удостоилось своей аббревиатуры. В числе их были и такие:

Вомедак — Военно-медицинская академия;

Гатедр — Государственный академический театр драмы;

Мондвор — Монетный двор;

Окартупет — окружное артиллерийское управление Петроградского военного округа (справочник составлялся еще в бытность города Петроградом; стало быть Окартупет превратился уже в Окартулен);

Рак — Российская административная комиссия;

Риниск — Российский институт истории искусств;

Центель — Центральная телеграфная контора;

Штаморсибалт — штаб военно-морских сил Балтийского моря;

Эксмани — Центральная государственная экспериментальная мастерская новейших изобретений.

Разумеется, нэпманы быстро подхватили моду на аббревиатуры и стали давать своим предприятиям «государственно звучащие» имена типа «Керосинторг» или «Парфюмсто», редкое скрещение парфюмерии с Советом Труда и Оборона. За это их отчаянно ругали газеты.

А вот словам прежних времен, конечно, необходим заслон: «Издано распоряжение об отмене обращения “барышня” при вызове центральной для соединения. Это отжившее слово должно заменяться обращением “товарищ” или “гражданка”. Нарушившим постановление телефонистки будут отказывать в соединении» [ЛП:19.09].

Да, «барышня» — это не нашенское...

«БЫВШИЕ»

«Ты пишешь, Люми, что хочешь собрать мне на башмаки, не делай этого, я вполне обойдусь эту зиму, у меня есть очень удобное сооружение для ног, я приспособила случайно купленные мужские калоши к войлочным полуботинкам и при теплых чулках, сшитых из шерстяной старой фуфайки, вполне обойдусь, тем более, что зимой редко выходить буду» [ЕС] (из письма в Париж Евгении Александровны Свиньиной, вдовы члена Государственного Совета и генерала, 18 августа 1924 года).

Былые «барышни», а также «сударыни» и прочие «судары» и вправду не вписываются в новую жизнь.

«Бывшие» — так лаконично и пренебрежительно называют тех, без кого новая власть решила обойтись вполне.

«На улицах Ленинграда мелькают бывшие люди. Одетые в потертые пальто, старые сапоги, с растерянным видом, они занимаются комиссионерством, продажей газет, а иногда и просто нищенством <...> Они оказались неприспособленными к трудовой жизни» [ВКГ:4.09].

Суровый приговор вечерней «Красной газеты» стоит смягчить: государство сделало немало, чтобы «бывшим» не нашлось в новой жизни места. Вот характерный пример: «Б. городской Моисеев, б. жандарм Захаров и околоточный Куцик обратились в губисполком с ходатайством о восстановлении в правах гражданства СССР. Губисполком ходатайство оставил без последствий» [ВКГ:23.07].

«Лишенцы» — это слово на слуху; «бывшие» лишены не только избирательных прав, но и многих других. Например, на Биржу труда с 1924 года их не принимают — и оттого «бывший директор лицея генерал Шильдер — точит ножи» [ВКГ:4.09], а «последний царский морской министр Григорович долгое время рисовал акварелью пейзажики, продавал их, — на это и жил» [ВКГ:25.03]. (Ивану Константиновичу Григоровичу такая жизнь надоела, и осенью 1924-го он отбыл во Францию. Где тоже, увы, не шиковал, и тоже торговал акварелями...)

Как воспринимают свою новую жизнь сами «бывшие»? Разумеется, без восторга — но стоически. Переписываясь со своими эмигрантскими родичами,

успокаивают их: «У нас уже есть возможность даже таким, как я, иметь хлеб ежедневно свежий и сколько надо для утоления голода, картофель, огурцы доступны; мы не давимся пшеном, не гложем селедочные головки от чужих пайков, не скоблим вонючую воблу. Она куда-то исчезла — и едим человеческую пищу...» [ЕС]. Так пишет парижским родственникам уже упомянутая Е. А. Свиньина. Пшено, селедочные головы, вонючая вобла — не образы «для красного словца», а вполне конкретные реалии предшествовавших лет, печально известного «военного коммунизма». Так что вполне можно порадоваться благополучию новой жизни. Но в записях «для себя» прорываются и сокровенные надежды — как, например, у бывшего генерала Федора Григорьева, записавшего 4 мая в своем дневнике:

«Если судить по нашим газетам, то дела наши идут прекрасно: наше международное положение укрепляется, буржуазный мир гибнет и торжество коммунизма не за горами. Если же послушать людей, вернувшихся из-за границы, то оказывается совсем другое: старый мир еще жив и крепок, жизнь бьет ключом, коммунистов в Европе надо искать “днем с фонарем”, наша финансовая политика торжественно проваливается, денег нет, и дни Советской власти сочтены! Принимая во внимание полное отсутствие денег (многие ведомства за апрель получили только 50% жалованья), массовые аресты бывших офицеров, поголовное исключение из РКП(б) интеллигентных членов и пр., этому приходится верить» [ФГ].

Верил генерал зря — но может, эта вера и давала ему силы мириться с происходящим.

Некоторые из «бывших» видят спасение в эмиграции — хотя пример вернувшихся эмигрантов остужает, конечно, многих. Да и оттуда приходят письма, не шибко радостные: вот, к примеру, некоему ленинградцу Розену, отправленное весной из Германии: «Здесь так соскучилась эмиграция по родине, что трудно описать» [ВИ2].

И все же:

«Меня все тянет туда, к вам, на волю. Теперь только особенно ясно увидел я всю серость, безотрадность и некультурность нашей жизни, и не могу войти в колею <...> Я получил заграничный паспорт, он сияет, как только что начищенная медная кастрюля. Я понимаю, что значит носить в кармане этот паспорт — ключ к земле обетованной, ключ от дверей темницы, в которой томишься» [ВИ2].

Это августовское письмо, отправленное из Ленинграда в ту же Германию, специалисты по перлюстрации сочли нужным переправить в отдел по борьбе с контрреволюцией ОГПУ...

И еще одна цитата из переписки ленинградцев 1924 года, тоже о жизни «бывших»:

«Старой России не видно и не слышно, она понуро повесила голову и безмолвствует, ее еще можно наблюдать разве в церквях, но там ведь не думают о мирских делах, а заботятся о спасении души. Много ли отсюда почерпнешь?» [ВИ2].

И вправду — много ли?

ОТЖИВАЮЩИЙ КУЛЬТ

Церковь живет трудно.

С бытовой религиозностью борьба ведется непреклонная и на всех уровнях; особенно усердствуют комсомольцы. Выходит, скажем, в свет книжка некоего Н. Семенова «Комсомольская библия. Двенадцать веселых евангелий» — и журнал «Юный Пролетарий» дает ей высокую оценку: «В хлестких едких стишках молодой автор передает смехотворную библейскую историю» [ЮП: №5].

«Комсомольской библии» вполне впору «комсомольское рождество» и «комсомольская пасха» — так отмечает новая молодежь старые праздники. «Рождественская песня — это лицемерный, ханжеский гимн угнетателей» [КГ:25.12]. Среди лозунгов дня есть красочные: «Бей религию наукой, дурман — просвещением!», «Долой попа! Да здравствует агроном!». А вот билет на «комсомольскую пасху» 1924 года:

«На Фонтанке, 44, в 7 час. вечера в клубе “Старой и Молодой Гвардии” комсомольцы нанесут последний удар по религии. Ты должен быть с нами!» [НЛ].

И там же частушка: «Эх ты, яблочко, катись, ведь дорога скользкая, подкузьмила всех святых пасха комсомольская».

«Комсомольская пасха», надо заметить, устраивалась в клубах не без подсказки властей.

Как раз в 1924 году ленинградский губком комсомола распространил на местах «Указания к проведению клубного вечера комсомольской пасхи». Там было расписано все: от оформления клуба до собственно

содержания вечера. Начинать его предлагалось докладом, в коем «уделить особое внимание той борьбе, которую выдерживают рабочие подростки дома в семье за невыполнение церковных обрядов». (А борьба была: это сушая правда. На эту тему сочинялись рассказы и повести.) Для «закрепления материала» рекомендовалось устроить опрос на темы: «Нужны ли церковные праздники?» и «Нужно ли заменить церковные праздники революционными?» Завершить все предполагалось принятием резолюции:

«Наши отцы и матери доселе празднуют церковные праздники, чуждые рабочим. Они делают это по привычке. Мы, рабочая молодежь, рвем обветшалые остатки религиозного быта. Мы не верим в церковные чудеса. Вместо слепой веры мы стремимся к точному знанию и науке. Долой церковные празднества. Их место должны занять пролетарские торжества» [НЛ].

Последняя мысль резолюции была подкреплена конкретными предложениями. К примеру, вместо Троицы ввести праздник «окончания весеннего сева» (идея ленинградского губкома ВКП(б), высказанная летом 1924 года). А также «заменить праздник Вознесения днем Интернационала; Духов день — днем расстрела рабочих; Преображение — днем ликвидации белогвардейского мятежа в Ярославле; Успение — днем пролетарской диктатуры» [НЛ].

В борьбе с бытовой религиозностью комсомольцы — лишь один, пусть и передовой, отряд власти. Есть у властей и другие способы борьбы, другие приемы. Они, например, закрывают одну за другой домовые церкви — чтобы отдалить дурман от народа, да и

использовать площади с большей пользой. К 1924-му большая часть таких церквей уже была закрыта, но работа еще оставалась. Вот строчки из хроники: 2 мая 1924 года закрыли университетскую церковь Всех святых российских; 10 мая окончательно ликвидировали давно закрытую церковь Георгия Победоносца при Технологическом институте и передали помещение под клуб; 31 мая также ликвидировали закрытую церковь при бывшей 2-й гимназии и отдали ценную площадь под устройство футбольного клуба и раздевалки.

Были и методы иного рода. Скажем, вышел запрет держать «предметы культа» в общественных местах (а в число таких мест попали даже лавки частных торговцев). А 9 января газеты оповестили о том, что торговцы продуктами первой необходимости, не работавшие в рождественские праздники 7 и 8 января,

«Напраздновались. 1. Закрывали — веселились. 2. Открывали — прослезились.» Карикатура из вечернего выпуска «Красной газеты». 9 января 1924 года

считаются саботажниками и штрафуются на внушительные суммы — до 300 рублей золотом в день. «Саботаж будет караться беспощадно!» [ВКГ:8.01]. Дело нешуточное: всего по городу провинившихся заведений оказалось пять тысяч (треть всех частных торговцев города). Власти были скоры на суд; суммы штрафов объявили уже через несколько дней — от 10 до 600 рублей. Всего по городу насчитали на 150 тысяч рублей золотом. И предупредили: если штрафы не будут выплачены, заведения должников прикроют...

Церковные обряды выдавливаются новыми. Вместо крестин — «октябрины» (и «уже широко применяется <...> зачисление ребенка еще при октябринах в члены профсоюза или в кандидаты в комсомол» [ЮП: №1]). Вместо старых имен, заимствованных из святцев, все чаще даются новые.

«Наши имена должны быть полны революционным содержанием. У нас уже есть первые революционные имена. Для девушек наиболее распространены: Октябрина, Нинель, Звездочка. Для мальчиков: Ким, Вил, Красарм. Количество таких имен перевалило уже за сотню. Наша задача, как комсомольцев, отразить в именах комсомольскую жизнь. Чем плохи такие имена — Ким, Мюд, Юнкор — для мальчиков и Смена, Учеба — для девушек. Они полны смысла и созвучны. На фабрике “Скороход” так и сделали: новорожденному дали имя Либкнехт» [ЮП: №1].

Жаль, не сообщили отчества и фамилии: а то славно было бы — Либкнехт Петрович Сидоров!...

Вместо венчания — регистрация брака в ЗАГСе. Вот статистика по «Ленинградской правде»: в 1924-м

венчаются в церкви 24% новобрачных, тогда как еще в 1922-м — 36%. Теперь большинство подчиняется новым правилам. Вступающие в брак, например, должны подписать бумагу с немного косноязычным текстом:

«При чем присовокупляем, что мы осведомили друг друга о состоянии нашего здоровья и в частности относительно туберкулезных и венерических болезней» [КН: №23].

И еще:

— на улице Писателя Белинского открывается антирелигиозный музей. «Почти нет ни одной крупной фабрики, ни одного домпросвета, где бы не был организован уголок безбожника» [КГ:25.12];

— выходит в большом количестве антирелигиозная литература;

— обычными становятся театрализованные «суды над Библией»; «приговоры» их тоже похожи — пора изъять вредную книгу из библиотек...

Итак, государство давит. А что же сама церковь? Она неоднородна: при таком давлении неизбежно идут поиски выхода из тупика. И путь к выходу не всем видится одинаково.

Консервативная часть церковников во главе с патриархом Тихоном к теплой дружбе со властью не склонна. Но есть и другие служители церкви. Еще в 1922 году против Тихона выступили обновленцы. Суть их позиции в общих чертах понятна из названия: они выступают за модернизацию обрядов, за дружбу с властью. Заодно признают участие «производитель-

ных сил природы» в творении мира. А члены ведущей обновленческой группы «Живая церковь» во главе с питерским протоиереем Владимиром Красницким считают революцию воплощением идей первоначального христианства. (Красницкий, заметим в скобках, личность примечательная. До революции священник, член «Союза русского народа» и автор докладов «Социализм от дьявола» и «Об употреблении евреями христианской крови»; в 1917–1918 годах ярый противник и критик большевиков; с 1918-го последовательно счетовод, боец Красной Армии, слушатель партшколы, лектор по земельной политике при нескольких политотделах — и затем снова священник).

Власти оценили преимущества нового движения — и обновленцев поддержали. Несговорчивый Тихон оказывается под арестом и следствием. Стремительно набирает силу раскол — да какую силу! К осени 1923 года из 123 петроградских храмов 115 «отпали» в обновленчество. На этот путь ступили даже монахи Александро-Невской лавры.

Обновленцы празднуют победу. Однако тут случается новый поворот событий: слово берут тихоновцы. Еще летом 1923-го патриарх отказался от глухой конфронтации со властью: он понял, что этот путь бесплоден. Тихона выпускают из-под ареста — и он разворачивает борьбу.

Ох, не простое это было дело! Взаимные чувства оппонентов трудно назвать даже прохладными. Питер в этом отношении ничем не отличается от остальной страны. То и дело в городских храмах вспыхивают скандалы (30 декабря 1923 года, например, сразу в двух — Казанском и Андреевском — соборах).

Иногда питерские тихоновцы и обновленцы переходят к рукоприкладству, кто-то даже попадает под суд. Смятению чувств способствует и путаница: когда, например, праздновать Рождество? Обновленцы настаивают на 25 декабря, Тихон — на 7 января. Причт Введенской церкви, что на Петроградской стороне, отметил Рождество «по-обновленчески», 25 декабря 1923 года, но потом решил вдруг отпраздновать его во второй раз — 7 января 1924 года (хотя сама церковь была обновленческой). Тут, правда, вмешались взволнованные прихожане — и не дали второму Рождеству свершиться...

В этой накаленной атмосфере петроградские тихоновцы возлагают надежды на епископа Мануила, нового управляющего епархией. И он оказывается на высоте! За четыре с небольшим месяца Мануил возвращает в лоно традиционной церкви 83 прихода.

Теперь уже черед обновленцев тревожиться. Глава питерских обновленцев митрополит Вениамин «считая, что успехи тихоновского движения вызваны в значительной мере нетактичными действиями главарей “Живой церкви” <...> настоял на удалении священника Красницкого из Казанского собора, водворившегося там самовольно против желания прихода, предложил вести беседы в примирительном духе и т. д.» [ВКГ:11.01].

Экстренные меры не помогли, и тогда на помощь обновленцам пришло государство. 2 февраля 1924-го епископ Мануил был арестован; позже его отправят на Соловки, где он проведет четыре года.

Аресты захватили тогда и десятки других сторонников патриарха...

Кто-то в этих условиях не выдержал, снова перебежал к обновленцам. Но таких оказалось не особенно много: все-таки дело тихоновцев пошло на поправку. Окончательно это стало ясно 21 марта: в этот день президиум ЦИК СССР, «принимая во внимание, что гр. В. И. Белавин, бывший патриарх Тихон, публично раскаялся в своих контрреволюционных выступлениях», решил дело против него прекратить.

Обновленчество идет на убыль, хотя позиции сдает неохотно. Оно еще в заметной силе: на конец 1924-го обновленцам и «Живой Церкви» принадлежат многие крупнейшие храмы города — и Исаакиевский собор, и Казанский, и Андреевский, а также Пантелеймоновская церковь, Введенская, Благовещенская (на площади Труда)... Борьба будет продолжаться долго; только в 1940-е годы обновленчество прекратит свое существование...

А тем временем в церкви есть и те, кто ищет третий путь. Разного рода секты и общины создаются по всей стране; в рабочих кварталах Ленинграда особенно популярно Общество духовно-нравственных трезвенников брата Иоанна Чурикова. Трезвость здесь проповедуется исключительная; Чуриков — священник в солидном возрасте, с дореволюционным еще стажем — запрещает приобщаться Святых Таин, дабы вкус вина не вернул трезвенников к пьянству. С Чуриковым ведут переговоры обновленцы и находят компромисс: в воде для причастия растворяется несколько капель вина. Над чуриковцами, особенно над женской частью общины, смеялась в январе 1924 года вечерняя «Красная газета»:

«Утром у касс Детскосельского вокзала оживление.

— На Вырицу!

Разглядываешь публику и никак не угадаешь: кто это?

— Молочницы? Богаделки? Торговцы? Монашеники?..

Какая-то особая порода людей.

Молчат. Изредка перебрасываются словами: “братец”, “отец”, “дорогая сестрица”.

Точно здесь разбили сейчас банку с елеем...

— Чуриковцы, — насмешливо объясняет вокзальный сторож. — На поклон едут к “самому”!

С тех пор, как “братец Чуриков” перебрался из Нового переулка в Вырицу, где у него своя дача, его “поклонницы” устремились за ним.

И это именно “поклонницы”.

Как когда-то были “фигнеристки”, “собинистки”, — так и теперь — “чуриковцы”.

Тоже обожание “предмета”. Разве не все равно — кто он: тенор, модный поэт, “братец”?» [ВКГ:31.01].

Обидно, наверное, было чуриковцам: они-то всегда приветствовали новую власть, а на похороны Ленина отправили венок с красноречивой надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь. Да трезвятся все. Все на борьбу с пороками!» [НЛ1].

Да и в Вырице у чуриковцев была не дача — трудовая образцовая коммуна; здесь возделывались поля и огороды, строились дома... За что же такие нападки?

Забежим на несколько лет вперед: в 1929-м чуриковцы попадут уже не под огонь критики, а под следствие. Братца Иоанна арестуют органы ГПУ — и на

следующий день коммуна будет закрыта. В тюрьме Иоанн Алексеевич и окончит свои дни...

Третий путь бывает и еще один — уход.

«Настоящим заявляю, что я, нижеподписавшийся, протоиерей Троицкой церкви (на Стремянной ул., в Ленинграде) Николай Васильевич Заботкин, сознательно и добровольно снимаю с себя рясу по мотивам социально-психологического характера, которые привожу ниже».

Из мотивов: «Оставаться в рядах “духовенства” я больше решительно не могу ни секунды <...> За сорок лет своей жизни я до сих пор еще нигде и никогда не встречал такой общественной организации, которая была бы настолько проникнута ложью...» [ВКГ:07.08].

А пока вокруг церкви кипят страсти, кое-кто продолжает жить по старинке. Не изменяет привычкам: мирно ходит в церковь (старого, «тихоновского» образца), с семьей отмечает церковные праздники. Таких горожан на удивление немало, и даже тремя годами позже борцы с религией вынуждены будут признать: «яйца, куличи, пасху и другие культовые продукты» [НЛ] употребляют во многих семьях, в том числе в рабочих. И что с того, что иногда у походов в храм мотивация совсем не религиозная: «Настроение такое, что хочется куда-нибудь пойти, идти некуда, рабочие и идут в храм просто потому, что... хор хорошо поет» [НЛ].

ВСЕ НА ДЕМОНСТРАЦИЮ!

Церковная тема слышна и в дни новых праздников — таких, как Первое мая. Вот зарисовка театроведа Николая Извекова с первомайской демонстрации 1924 года:

«На площадке одного из автомобилей среди других персонажей находился священник, который, проезжая мимо шпалер зрителей, помахивал кадилом направо и налево; и вот один из взмахов кадила направляется им почти в упор к конному милиционеру, с самой добродушной улыбкой на лице милиционер выхватывает шашку из ножен и замахивается ею над священником. Кругом хохот, шутки и перебегающие реплики между автомобилем и “зрителями”. Священник, конечно, не остается в долгу, и пока милиционер прячет шашку в ножны, он сыплет на него целые пачки юмористических проклятий. Все это совершается в течение каких-нибудь 30–40 секунд в быстром и твердом темпе...» [МП].

Демонстрации с первых советских лет устраиваются по несколько раз в год. В числе поводов — и десятилетие начала первой мировой, и гибель какого-нибудь знаменитого зарубежного коммуниста. Самые значительные демонстрации устраиваются на Первое мая и Седьмое ноября.

В такие дни Питер выглядит празднично. На седьмое ноября 1924 года, к примеру, «город был красиво декорирован флагами, зеленью, транспарантами, портретами и бюстами вождей <...> Вечером миллионы огней осветили улицы. Красиво иллюминирова-

ны вокзалы, Главный почтамт и телеграф, перебросившие гирлянды электрических лампочек через улицу. Суда, стоящие на Неве, были иллюминированы электрическими лампочками, свет которых залил борта и мачты, и в ночной темноте вырисовывались их контуры» [КГ:8.11].

Демонстрации многолюдны. Майская: «Все смежные к площади Урицкого улицы, украшенные зеленью и флагами, переполнены. Проспект 25 Октября — сплошное движущееся людское море» [МП]. Похожая картина в ноябре: город «кипит, как огромный муравейник» [ВКГ:8.11]. «Радостно организаторы пересчитывают ряды. Мы уже выросли из той поры политической несознательности, когда скверная погода срывает демонстрацию <...> Никогда не было так много участников. Никогда колонны заводов не были такими большими, крепкими, организованными» [ВКГ:8.11].

Оговорка насчет скверной погоды тут не случайна: ноябрьским праздникам 1924-го досталось в этом отношении всерьез. «С утра мелкий, мокрый, противный снежок. Ветром его задувает под воротник, задувает в рукава, слепит глаза и затыкает уши. В снежном тумане не видно групп рабочих» [ВКГ:8.11].

Демонстрации — это не просто колонны людей, идущих из всех районов на площадь Урицкого; это еще и творческое соревнование разных районов, предприятий. Каждая демонстрация — лакмусовая бумажка того, как продвигается город вперед, к социализму. Поэтому все выходят на демонстрацию со

своими изобразительными средствами — и вот тут-то разгорается фантазия. Кто ограничивается транспарантами, кто оборудует агитавтомобили (маскируя обычные грузовики под что-то необычайное), кто поднимает в воздух аэростаты или устраивает целые представления. Темы — из числа самых злободневных.

«Восторг вызывает автомобиль “Клуба 1 Мая” с громадной фигой и надписью “Антанте — от СССР”...» [МП]. Фига, конечно, вещь замечательная, и Клубу 1 Мая за нее отдельное спасибо — но не она одна в 1924 году привлекла внимание. Антанте весомо грозили и труженики «Красного Треугольника»: на своем автомобиле они соорудили гигантскую калошу — для «буржуев-капиталистов, попов, спекулянтов и прочей мерзости». Название красноречиво: «Антанта в калоше». Разумеется, в гигантской «агиткалоше» находились во время демонстрации «враги». (Тут кстати придется цитата: «В качестве исполнителей обычно выступают рабочие предприятий, объединенные в клубных кружках. Чаще всего это молодежь — комсомольцы, главным образом мужчины (70%)» [МП]. Вот оттуда и переодетые «враги».)

Заграничных буржуев на демонстрациях этого года вообще клеймили почем зря. «Ленинградский зоосад водружает на телегу клетку с тремя отделениями: на ней общая надпись: “Фабрика подделывает всякого рода документы”, а в клетке размещаются кабан с надписью над ним “Керзон”, волк “Юз” и лисица “Макдональд”...» [МП]. (Вспоминаются Ильф и Петров: «Не боимся буржуазного звона, ответим на ультиматум Керзона». Керзон, Юз, Макдональд — видные политики Британии и Соединенных Штатов.)

Но главной темой демонстраций 1924 года была все же не Антанта со своими видными деятелями, а промышленность. И особенно рост производительности труда.

«На автомобиле фабрики “Скороход” установлены две плоскостные фигуры рабочего с сапогом и крестьянина с мешком зерна. Фигуры укреплены на стержнях. При движении авто фигуры раскачиваются и соприкасаются руками, наглядно иллюстрируя лозунг “смычки”. На автофабрике “Красная Звезда” построены качели: на одном конце “зарплата”, на другом — “производительность”, крестьянин и рабочий раскачивают их» [МП].

Впрочем, тут мы уже переходим к другой теме. Зарплата, производительность — это термины экономики.

СЛОМАТЬ «НОЖНИЦЫ»!

Увы, экономика болеет. Тут снова к слову приходит Лев Троцкий — кажется, именно он пустил в оборот определение, обозначающее ситуацию в тогдашней экономике: «ножницы».

Это только на общей исторической схеме все выглядит гладко, и прошедший сквозь 1920-е переход от разрухи к индустриализации кажется сам собой разумеющимся. На практике все обстояло сложнее. Осенью 1923 года, например, оживавшую российскую экономику потряс кризис.

«Ножницы» представляли собой очень простую вещь. Так случилось, что продукция сельского хозяй-

ства стоила тогда слишком дешево, а промтовары — слишком дорого. Текстиль, например, был вчетверо дороже дореволюционного, тогда как овощи — на треть дешевле. Вначале такой перекося цен был выгоден для промышленности, но потом начался кризис. Осенью 1923-го в Петрограде лежали мертвым грузом 600 миллионов папирос, тысячи пар обуви, текстиль и одежда. Что следует за таким кризисом, понятно без объяснений: задержка зарплаты, сокращения штатов. И массовые недовольства.

Как преодолеть кризис? Главное — уничтожить качели с зарплатой и производительностью труда. Предприятия между тем работали из рук вон плохо и продукции выпускали мало. Если в 1913 году доля зарплаты в себестоимости одного телеграфного аппарата Морзе составляла 39 рублей 35 копеек, то десятилетие спустя — 84 рубля 45 копеек (в сопоставимых, разумеется, ценах). А ведь выросли и накладные расходы (в 2,5 раза), и расходы на сырье (не так сильно, но все же).

Что делать? Снижать зарплату нельзя — и без того она ниже дореволюционного уровня! Значит, повышать производительность. А также сокращать все расходы, экономить материалы, вводить жесткий контроль за производством и ценами.

Вот тут-то и пригодились партийные кадры, собранные ленинским призывом. Как только власти дали сигнал, рабоче-партийный актив взялся за дело. На предприятиях стали расти производственные кружки, своего рода общества рационализаторов; первый такой кружок открылся на Балтийском заводе. Соби-

рались тут по воскресеньям, работали по несколько часов, и вот результат: если еще в августе 1924 года рабочий Балтийского завода вырабатывал продукции на 86 рублей, то в декабре — уже на 162 рубля!

А на октябрьской демонстрации демонстрировались и другие победные показатели:

«Хвастает миллионами пар галош “Красный треугольник”, и в цифрах “лучший ответ капиталистам — повышение производительности труда”.

На громадных вертящихся качелях “Скорохода” — важные, золотые цифры.

1923 г. 1,4 пары сапог рабочему.

1924 г. 2,8 пар сапог рабочему. А довоенная цифра — мы уже перешагнули через нее.

1914 г. — 2,4 пары сапог на рабочего» [КГ:8.11].

Дело пошло, но не везде: находились еще отстающие предприятия и несознательные пролетарии. Пришлось их подстегивать. «Да здравствует каждый старательный труженик на заводе!» [ИК] — такой лозунг выдвинула городская производственная конференция рабочих. Труженики Выборгского района на своей конференции сокрушались: «Сами рабочие говорят, что у них болит голова от того, что они ничего не делают в рабочее время» [ИК]. Решительнее были коллеги из Московско-Нарвского района: «Те, которые не хотят показывать производительность своего труда, должны быть удалены с заводов и фабрик как вредители рабочему классу» [ИК]. (Вот они когда уже появились, вредители!)

Это все доводы идеологического плана, а власть применила в 1924 году еще один веский аргумент. Перевела рабочих на сдельную оплату, повысив при

этом трудовые нормы. Так что личная заинтересованность в труде выросла моментально, а заодно выросла и отдача от труда.

Летом 1925 года Г. Зиновьев признал: «Несомненно, что вопрос о производительности труда был поставлен жестко. Нажим тут был серьезный. По целому ряду отраслей этот нажим дошел до последнего» [КГ:02.06.1925]. Что ж, нажим дал результаты: к осени 1925 года уровень производительности труда поднялся (по официальным данным) до 97% от дореволюционного.

Итак, с промышленностью дело начинает налаживаться. Но есть еще одна проблема: финансы. Страшная инфляция времен гражданской войны сокрушительно прошла по экономике, да и к 1924 году она не сошла на нет. «Совзнаки» считали даже не в миллиардах: вот, например, из новостей рубежа 1923–1924 годов: «Похищена картина, оцениваемая в 1 квадриллион 200 триллионов» — ничем не выдающаяся картина передвижника Афанасия Размарицына. Инфляция стала одной из причин кризиса: многие тресты завышали цены на свои товары, стараясь опередить падение рубля. И завышали сильно! Не удивительно, что Лев Каменев (второй из тройки Зиновьев — Каменев — Сталин) заявил 7 января 1924-го: «Мы сейчас перешли от сопоставления штыков и пулеметов к сопоставлению рубля и денег, но война еще не прекратилась... Мы сейчас другими средствами, но воюем, и самая ожесточенная классовая борьба у нас есть».

Каменев абсолютно прав, придавая финансовой сфере политическое значение. Деньги беспокоят и тру-

дящегося, и обывателя в первую очередь; толщина кошелька определяет отношение и к власти и к жизни вообще. Но вот в другом Каменев все-таки сгустил краски: в 1924-м финансовая война уже заметно шла на убыль. Завершалась денежная реформа, и порядок в финансовой сфере стал устанавливаться. В обороте оставалось все меньше «совзнаков», и все больше становилось червонцев — твердой российской валюты. Мечта банкира Супонева сбывалась прямо на глазах! И при продолжавшемся падении «совзнаков» золотой червонец сохранял устойчивость, а взаимный их курс менялся ото дня ко дню: червонец стоил 31 декабря 1923 года 28 500 обычных рублей, а второго января — уже 30 тысяч!

На валютной арене.

«На валютной арене. Дела противников не сладки! Кладут их быстро на лопатки!» Карикатура из вечернего выпуска «Красной газеты». 3 апреля 1924 года

А с февраля на смену «совзнакам» в обороте появились новые, устойчивые деньги достоинством меньше червонца — и бумажные (от рубля до пяти), и металлические (от копейки до рубля). Когда до Ленинграда дошли серебряные монеты нового образца, газеты признали это фактом огромной экономической важности. Звонкая монета встречена была с восторгом; случались по этому поводу и комичные ситуации.

В первые мартовские дни партия серебряных монет пришла в Управление Академических театров — для выплаты жалованья артистам и служащим.

«Весть о прибытии серебра с быстротой молнии разнеслась по всем театрам и в Управление стали стекаться сотрудники театров <...> Особенно волновались сотрудники быв. Александринского театра, которые потребовали, чтобы их допустили присутствовать при подсчете серебряных денег. Один из них, гр. Ершов, силой ворвался в кассу, откуда его пришлось вывести силой. После этого с ним сделалась истерика, а с некоторыми сотрудницами произошли обмороки <...> С большим трудом удалось восстановить порядок и успокоить любителей серебряной монеты» [ВКГ:6.03].

Весной 1924-го «совзнаки» были окончательно выведены из оборота; какое-то время власти их выкупали (по курсу 1 новый рубль за 50 тысяч «совзнаками»), а затем перестали принимать. И снова возникли забавные ситуации: об одной из них рассказала в июне вечерняя «Красная газета».

«Губфинотдел в последние дни осаждают нищие с совзнаками, возмущающиеся тем, что обмен совзнаков прекращен. Публика, опоздавшая своевременно их обменять в кассах Губфинотдела, всучивает сов-

знаки назойливым нищим, которые потом тщетно взывают в Губфинотделе об обмене. У некоторых нищих на руках совзнаков на несколько червонцев, преимущественно 10, 15 и 25-тысячными купюрами» [ВКГ:4.06].

Сам Губфинотдел собранные старые купюры тщательно обрабатывал: газета описывала, как восемьдесят служащих «сортируют совзнаки, складывают в пачки, пересчитывают, обандероливают, запечатывают и затем прорезают на особой машине. Машины уничтожают подписи наркомфина и кассира» [ВКГ:6.06]. Предполагалось отправить купюры в печь — но потом решили переработать их на новую бумагу...

И еще о финансах. Хождение в России имеют не только рубли с червонцами, но и заграничная валюта. Правда, она постепенно падает в цене. Два рубля и двадцать семь с половиной копеек «новыми» стоил доллар второго января — а 23 апреля, например, уже 1 рубль 90 копеек — на полтину дешевле.

Названный курс, конечно, официальный — а для несогласных с ним существовал еще и черный рынок. Вот заметки самых первых дней 1924 года:

«В районе Европейской гостиницы буквально шагу нельзя пройти, чтобы не наткнуться на “личность”, предлагающую и покупающую валюту. Свежему человеку может показаться, что он идет не по улице Петрограда, а попал в логовище змей — со всех сторон слышится шип и свист: “Беру червонцы”, “даю червонцы”, “беру доллары”, “даю доллары” и т. п.» [ВКГ:7.01].

Петроградские власти с валютчиками боролись поначалу вяло:

«Обнаруженного спекулянта арестовывали, вели в милицию, составляли протокол и... отпускали на волю. А через четверть часа он уже стоял на своем обычном месте. Были такие “артисты”, которые даже хвастались числом составленных на них протоколов» [ВКГ:7.01].

Однако как раз с января 1924-го милиция взялась за дело серьезно. Три январских дня посвятила облавам на «паразитические элементы», в ходе которых поймала 154 валютчика. Заметала в первую очередь на Невском (тогда проспект 25 Октября).

«После последнего обхода <...> в некоторых кафе на полу была найдена масса порванных червонцев, долларов и фунтов: это злосчастные “торговцы-валютчики” скрывали следы своей профессии» [ВКГ:7.01].

Итак, решение проблем намечается. Получше начинают себя чувствовать и рабочие. На всем протяжении 1924 года зарплата тружеников промышленности растет постоянно. Если в апреле рабочий получал в среднем 24 рубля 77 копеек, то в сентябре уже 32 рубля 57 копеек (тут, кстати, был достигнут уровень достопамятного 1913 года!).

Благополучие, правда, не стоит абсолютизировать; вспомним, что дореволюционный рабочий отнюдь не купался в роскоши — и, стало быть, рабочий года 1924-го тоже не шиковал. Вот перехваченное цензурой декабрьское, 1924 года, письмо:

«Я работаю на фабрике простой работницей с апреля месяца. Это самая ужасная фабрика по условиям работы для здоровья. Она находится в Полюстрово, близ Охты, вырабатывает веревки. Смрад и пыль стоят та-

кие, что все работницы получают землистый цвет лица и почти все туберкулезные <...> 30 руб., которые получаю на фабрике, конечно, не хватает на жизнь. Бывают минуты страшного отчаяния, когда неделями буквально побираешься, т. к. сейчас все обесценено, никто ничего не покупает, полное безденежье у всех» [ВИ2].

Если бы оборвать цитату здесь, то впечатление сложится однозначное. Но есть и продолжение: «Работать на фабрике не хватает больше сил, будущее — самоубийство или сумасшедший дом». И тут уже вопрос встает очевидный: может, работница просто «по жизни» была склонна к пессимизму?

А с другой стороны, вот перед нами статистика — кажется, вполне объективная. Если пару лет назад 70% зарплаты рабочего уходило на еду (в основном черный хлеб и картошку), то к 1924-му лишь половина заработка тратилась на питание. Да и само питание стало лучше — даже в сравнении с дореволюционными временами; в сравнении с 1908 годом больше ели молочных продуктов, сладостей, в полтора раза больше мяса. Так неужели все так плохо, как описывает труженица охтинской фабрики?

Но можно уже подводить некоторые итоги. Трудовой Ленинград начал подниматься с колен. Разворачиваются заводы; впереди идет тяжелая промышленность — привет грядущей индустриализации! Металлический построил первую в стране гидравлическую турбину (в 3000 л.с.); триумвират в составе «Красного Путиловца», Балтийского судостроительного завода и «Электрика» вывел на рельсы первый

магистральный тепловоз (и пробная поездка его состоялась 5 августа под управлением автора проекта, инженера Гаккеля). «Светлана» наращивала производство лампочек; «Севкабель» и «Красный Выборжец» прокатывали медную ленту для новых советских монет, которые чеканили тоже в Ленинграде — на «Красной Заре». На Охте приступили к исследовательским работам по пластическим массам (и впоследствии тут начнут впервые в стране производить пластмассу). Наконец, первые в стране танкеры начали сооружаться на Северной верфи — для них использовали корпуса недостроенных еще до революции крейсеров «Адмирал Грейг» и «Адмирал Спиридов».

Вот еще одно достижение: 29 декабря «в Ленинграде произведены первые испытания ящичка-термоса, приспособленного для длительного сохранения в горячем виде пищи. Испытание превзошло все ожидания. В течение 17-ти часов пища, заключенная в термос, подверглась охлаждению лишь на 21 градус — с 84 град. до 63 град. Такие термосы до сих пор в СССР не изготовлялись» [ЛП:30.12].

Но главное трудовое свершение года — на счету «Красного Путиловца». В первомайской демонстрации участвуют первые два трактора серии «Фордзон-Путиловец». «Фордзон» — от имени американца Форда, выпускавшего под этой маркой трактора. По чертежам «Фордзона» и работали путиловцы. Не обошлось без сложностей, и даже на демонстрации не все шло гладко: «Долго не ладилось зажигание, но рабочая смекалка подсказала выход. На телеги с музыкой и бутафорией, прицепленные к тракторам, поставили аккумуляторы, провода от них к тракторам были не-

видимы, и машины отлично прошли площадь перед Зимним без собственной системы зажигания» [НП]. И все-таки это была победа, пусть даже себестоимость первых тракторов оказалась в десятки раз выше себестоимости фордовских машин...

Раз уж упомянут Генри Форд, добавим тут к слову: участие заграницы в нашей экономике вообще налицо, хоть и не установлены еще дипломатические контакты со многими странами. Экономика, как всегда, впереди политики.

Питерский порт отгружает товары в обе стороны. Вывозят из России, разумеется, сырье — прежде всего лес, затем рожь, овес и жмыхи. Импорт Ленинграда на 43,7 процентов состоит из топлива, на 14,6% из писчебумажных и печатных изделий.

Покупают и поставляют товары — в порядке объемов — Англия, Германия, Эстония, Финляндия, Голландия. Коммивояжеры-иностранцы из этих государств наведываются в наш город все чаще:

«В связи с усилением торговых связей нашей страны с заграницей, иностранцы едут к нам исключительно по делам коммерческого характера. За истекший месяц в город прибывали, главным образом, финны, немцы, норвежцы, англичане, шведы и эстонцы» [ВКГ:19.09].

Прибывают не только из этих государств; полный список иностранных подданных, проживавших к концу 1924-го в Ленинграде и губернии, впечатляет:

«46 австрийцев, 1 афганистанец, 25 американцев, 3 аргентинца, 16 бельгийцев, 16 болгар, 1 бразилец, 106 англичан, 22 венгерца, 537 германцев, 76 гре-

ков, 62 датчанина, 6 испанцев, 143 итальянца, 437 китайцев, 32 корейца, 1 с о. Кубы, 1 латвиец, 10 литовцев, 3 люксембуржца, 19 монгольцев, 22 нидерландца, 17 норвежцев, 465 персов, 10 поляков, 24 румына, 15 сербов, 30 турок, 102 француза, 3724 финна, 81 чехословак, 2 черногорца, 111 шведов, 107 швейцарцев, 32 эстонца, 4 юго-словака и 2 японца» [ВКГ: 2.02.1925].

Солидное число персов — 465 — удивлять не должно. «У персов есть весьма странная монополия: чистить сапоги гражданам СССР <...> На московских и ленинградских улицах сапоги сверкают особенно ярко: тут персидские дела идут буквально блестяще — в полном смысле этих слов» [ВКГ:15.10]. Персы эти вообще-то были не вполне персы — ассирийцы по национальности. Или айсоры, как привыкли называть их горожане...

Ну и последний штрих тогдашней экономической жизни: безработица. Хорошее место найти непросто. Число безработных то растёт, то падает (на первое мая, например, таковых в городе 148 135 человек) — но рабочей силы по-прежнему избыток, и походы на Биржу труда, помещавшуюся у Сытного рынка, привычны для многих. Вот впечатления Вадима Шефнера:

«Возле этой биржи всегда толпился народ; и безработные ленинградцы, и приезжие сезонники, обутые в лапти, с ночи занимали очередь на запись. Летними ночами и панель перед аркадами, и участок парка, что через улицу, были усеяны дремлющими и спящими на скамьях, на траве, а то и просто на камне людьми: всем хотелось устроиться на работу, — и не

по личному выбору, а на какую угодно. Но записаться — еще не значило устроиться. Безработица <...> сказалась в тогдашних поговорках («Ты куда?» — «На Биржу труда») и в песнях...» [ВШ].

На Биржу труда, кстати, тоже проникла политика. Народный комиссар труда в 1924 году постановил не регистрировать лиц, прежде не состоявших в найме. Так «отцеживали» непролетарский элемент...

«ГЕРОИ НЭПа»

Биржа труда — это все-таки не вся городская экономика. В целом же вести с экономико-финансовых фронтов, как видим, достаточно оптимистические. Но неужели же не было тех, кто от всех перемен не выигрывал, а проигрывал? Разумеется, такие были, и легко понять, кто они: частники!

Частники, они же нэпманы, играют заметную роль в городском пейзаже — и чувствуют себя до поры до времени комфортно.

Вот образ нэпмана образца 1924 года, — написанный рукой его классового врага:

«Он в шубе, щегольски распахнутой — так распахнутой, чтобы визитка видна свеженькая, крахмально-белая грудь и запонки сияющие, цепочка золотая, тоненькая, как паутина, на груди, белоснежный белый платочек шелковый, из верхнего кармана визитки торчащий. Снимает котелочек новенький, в котелочек перевернутый перчатки нежно-благоухающие кладет. Старательно манжеточки выдвигает, с запо-

ночками голубенькими. А лицо тупое, по самой середине головы пробор тщательный, скрывающий начинающуюся лысину» [КН: №23].

И спутница:

«Обманикюренная, обпудренная, обкрашенная, вродородная блондинка, — в шубке котиковой, в шляпке шелковой сиренево-блекло-голубого цвета с пряжкой из фальшивого жемчуга» [КН: №23].

Во всем этом описании особенное место уделено одежде — да она и вправду привлекает внимание. Нэпманы и нэпманши одеты вызывающе роскошно. Вот впечатления вполне аполитичного мемуариста:

«Запомнилась верхняя зимняя одежда женщин, живущих с достатком <...> Длинное пальто из добротного сукна, огромный меховой воротник, меховая же оторочка низа пальто и рукавов. На шелковом шнурке необъятная меховая муфта. На голове фетровая или меховая шляпа. В руке кожаная сумочка или ридикюль, частенько выполненный наподобие колечуги из маленьких серебряных колечек. На ногах непременные фетровые боты — это сапожки на кожаной подошве с верхом из белоснежного фетра. Сапожки невысокие, но с очень широким раструбом, поэтому не нужны ни пуговицы, ни “молнии”, которые стали появляться лишь в 1930 году. Нога прямо входила в боты вместе с лакированными “лодочками”...» [ПБ2].

Нужно знать небогатую жизнь большинства тогдашних горожан, чтобы оценить роскошь костюма. Типографские рабочие, к примеру, «ходили в гимнастерках с “разговорами” (так называли в шутку красные поперечные клапаны), носили ботинки с обмотками, а на голове буденовки-шлемы» [НЛ]. А один из тру-

жеников Обуховского завода выглядел еще скромнее: «Из одежды у него ничего нет, кроме того, в чем ходит на работу, а на работу ходит в рваном. То, что есть, порвано и поношено» [там же].

Газеты, кстати, уверяют, что по части следования моде нэпманши не уступают парижанкам. С одной только разницей:

«На лицах ленинградских героинь нэпа косметики больше, чем это разрешено модой в Париже. Ничего не подделаешь, такая уж у русских натура широкая — если мазать, то мазать во всю» [ВКГ:4.12].

Что ж, это НЭП! Частникам дана немалая воля, и в 1924-м они составляют существенную часть питерской экономики. Многие при этом работают на своих дореволюционных предприятиях, арендуя их у государства (один лишь пример: «7 и 8 Государственные кожевенные заводы /бывш. И. М. Вешторт/. Арендатор: И. М. Вешторт» [ВЛ]). Не всем, правда, удается такое возвращение, пусть и временное. Неудача, например, постигла бывшего владельца фортепианной фабрики А. И. Гергенса, трудившегося в 1924-м на скромном посту завхоза 194-й школы: он попался на том, что утаивал от властей целый склад своей былой продукции — десять роялей и два пианино. И не только не вернул себе свое производство, но и был привлечен к ответственности. (Тем временем власти сами решили производить рояли — и как раз в 1924 году создали на основе бывшей фабрики «Я. Беккер» новую фабрику с подходящим именем — «Красный Октябрь».)

Товарн. знак зарегистр. в В.С.Н.Х.
за № 0051.

Подделка преследуется по закону.

ЗУБНОЙ ПОРОШОК САНТО
НАИЛУЧШЕГО КАЧЕСТВА.
ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ.

**Парфюмерная и Косметическая
Лаборатория Санто.**

Петроград, Гусев, 6, тел. 140-83.

М.О.КАЧЕЛЬНИК.

Многие частники пользуются настоящей славой — к примеру, семейство Лор. На домашних праздниках, вспоминает современник, «если <...> угощали пирожными, то старались купить их у Лора — знаменитого частника на Невском (теперь “Север”)» [ВП]. Не только на Невском: в 1924 году у господ Лор были несколько кондитерских — на канале Грибоедова, на 2-й Красноармейской, в других частях города. Само семейство жило на Среднем проспекте Васильевского острова (где находилось одно из их заведений) — и, может, не случайно именно в василеостровском фольклоре их кондитерские оставили след.

Вадим Шефнер вспоминает:

«На углу Среднего проспекта и Восьмой линии была кондитерская Лора, славившаяся вкусными пирожными. Рассказывали, что как-то одна дама, купив там пирожное “эклер” и немедленно приступив к его съедению, обнаружила в нем запеченного таракана. Она немедленно кинулась с этой находкой к продавцу <...>

— Милая, вы ошиблись! Никакой это не таракан, это — изюминка! — ласково возразил ей продавец и, выковырнув из “эклера” эту “изюминку”, с явным аппетитом разжевал ее и проглотил. Так была спасена репутация славной кондитерской Лора» [ВШ1].

История, конечно, апокрифична: нечто подобное приписывали еще знаменитому до революции булочнику Филиппову, владевшему заведениями в обеих российских столицах. Желаящие могут справиться сами: Владимир Гиляровский, «Москва и москвичи»...

Но тем временем все растущая активность государства в экономике остро ставит вопрос: сможет ли

БУЛОЧНАЯ - КОНДИТЕРСКАЯ и КОНФЕКТНАЯ МАСТЕРСКАЯ

≡ Л О Р ≡

принимает заказы на изготовление всевозможных булочных, кондитерских и конфектных изделий от учреждений, различных предприятий и частных лиц.

АДРЕС: В. О., Средний пр., д. 34/43.

КОНТОРА: В. О., Средний пр., д. 34/43. кв. 13.

Тел. № 534-15.

ОТДЕЛЕНИЯ:

1. Ул. декабр. Пестеля (б. Пантелеймоновская), д. 14. Тел. № 534-09.
2. Проспект 25 Октября (б. Невский), д. 44. Тел. № 556-82.
3. Советский пр. (б. Суворовский), д. 15. 24. Тел. № 131-13.
4. Петрогр. стор., Пр. К. Либкнехта (б. Большой), д. 27. Тел. № 146-28.
5. Международный пр. (б. Забалканский), д. 27. Тел. № 177-71.
6. Петрогр. стор., Пр. К. Либкнехта (б. Больш.), д. 61.
7. Пр. Нахимсона (б. Владимирский), д. 16.
8. Пр. 25 Октября (б. Невский), д. 77.

ужиться это государство с частным предпринимателем? Поводов для раздражения у власти хватает. На декабрьском пленуме Ленсовета звучат такие цифры: «надбавки на ряд товаров в частной торговле были в октябре месяце следующие: на махорку — 97%, на бумазею — 88%, на ситец — 97%». Истоки возмутительного явления объясняются тут же: «основная причина заключается в недостатке товаров» [КГ:17.12]. Дефицит: он заставляет граждан переплачивать частнику.

Пока еще государство терпит — состоявшийся в мае XIII-й съезд партии признал неизбежность роста «новой буржуазии» в эпоху НЭПа. Но терпит из последних сил: в конце концов, ведь это за счет рабочего набивает себе карман его классовый враг!

И понемногу начинается вытеснение частника из самых прибыльных сфер. Инструменты для этого под рукой, ведь крупные частные торговцы не слезают с государственных кредитов. Стоит ограничить кредитование — частник начнет задыхаться. Да и это не все: постоянно растущие налоги дополняют картину. Официальная советская статистика: если в конце 1923 года подоходный налог с владельца торгово-промышленного предприятия составлял в среднем 872 рубля, то летом 1924-го уже 1351 рубль!

Частник начинает отступать. Особенно тяжело ему в торговле — там, откуда и идут реальные деньги. Государство делает ставку на свою, государственную торговлю и особенно на развитие потребительской кооперации, которой создаются все условия для развития — выделяются льготные кредиты, предоставляется недвижимость. На первых порах членство

в кооперации носит «добровольно-принудительный» характер, и благодаря этому к весне 1924 года в ленинградской кооперации насчитывается под 280 тысяч пайщиков. Стоило, правда, перейти на действительно добровольное членство, да повысить при этом паевые взносы, как цифры упали: 150 тысяч. Почему упали? Прежде всего оттого, что в кооперации цены высоки — иногда на треть выше, чем у частных. Да и качество товара хромает: например, частенько

ПЕПО

Крупнейшая Кооперативная Организация
:: Советской Республики ::
.....

ГЛАВНАЯ ЦЕЛЬ ПЕПО

дать трудящимся,
через свои предприятия,
все лучшее и по до-
:: ступной цене ::
.....

ПЕПО ведет экспортные и импорт-
:: ные операции с заграницей ::
.....

В Петрограде ПЕПО является мощ-
ной торговой организацией, рознич-
ные магазины которой разбросаны
:: по территории города. ::
.....

ПРАВЛЕНИЕ ПЕПО —
:: Набережная Рошалья, д. № 8 ::

плох хлеб. Проблема! На губернской партийной конференции Григорий Зиновьев обращает особенное внимание на непорядок:

«Мы начали поход против частного капитала, он может удался только лишь в том случае, если мы правильно поставим вопрос о кооперации <...> Сейчас рабочим нужна кооперация, как начало социализма...» [КГ:11.05].

Объединенными усилиями дело идет на лад. Используются все средства для привлечения пайщиков: кооперативы, например, выдают постоянным клиентам при каждой покупке талоны — некоторое количество которых дает право на льготы. Число пайщиков снова растет. Капитал питерских кооператоров к концу года составляет 750 тысяч рублей (втрое больше, чем на 1 мая). Государственная и кооперативная торговля все сильнее захватывают рынки — и оптовый, и розницу.

Решительным ударом для частных торговцев становится введение государством предельных цен на хлеб, а затем и на соль, сахар, подсолнечное масло — так называемые товары «бюджетного набора». По этим ценам начали торговать государственные и кооперативные магазины. Предельные цены были заметно ниже рыночных — и частник вынужден был снижать свои расценки, а потом и вовсе уйти из торговли этими товарами. В его руках оставались, правда, другие продукты — например, 60% проданного в городе мяса еще шло через частных (но в 1925-м и эта цифра на четверть уменьшилась).

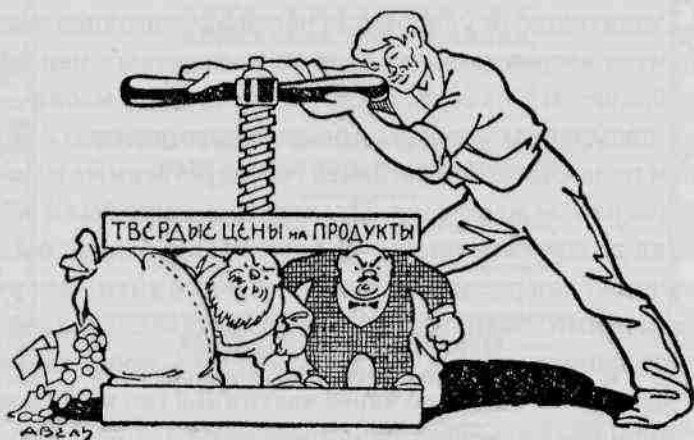
Игра с ценами — главный инструмент государства в торговых делах. Продукцию государствен-

ных предприятий начинают отпускать ниже себестоимости: дешевые ткани, дешевый табак, карамель — товары массового спроса. Отыгрываются на товарах дорогих, доступных нэпманам. Шоколад, например, даже оптом в полтора раза дороже себестоимости (а карамель, для сравнения, дешевле себестоимости на треть).

Ценовые войны набирают силу. Вот еще факт:

«Несколько недель тому назад потребительская кооперация решила повести решительное наступление на овощной рынок, всецело захваченный частными торговцами. Теперь наступление уже началось <...> Цены на все овощи будут значительно ниже рыночных...» [КГ:29.11].

И еще пример: судьба частных торговцев текстилем. Еще в мае 1924-го им принадлежало 43,5% текстильной розницы Ленинграда, а уже в июле — всего

«Снизятся!» Карикатура из вечернего выпуска «Красной газеты». 28 февраля 1924 года

19%. Причина нам знакома: низкие государственные цены; впрочем, было и другое обстоятельство — на оптовом рынке частникам отпускали все меньше и меньше товаров, и газетные заголовки типа «Ни грамма шерсти частнику!» стали обиходным явлением.

Как выжить в такой ситуации? Понятно, что тут частник пытается обмануть давящее его государство, начинает обходить законы — прежде всего избегать уплаты налогов. Обувные торговцы, например, прибегают к услугам нелегально работающих «квартирников» — надомных рабочих. И дешевле, и налоги платить не надо! Но тут уже на подмогу государству поспекает профсоюз кожевников — и устраивает в апреле забастовку работников частных обувных магазинов; она длится неделю и охватывает 69 заведений. Действиями руководит специально созданный стачечный комитет (он, разумеется, поддержан властями).

Забастовка шла публично, открыто. У магазинов были выставлены пикеты бастующих. «На окнах и витринах пикетчики наклеивали плакаты, призывающие граждан не покупать обувь в этом магазине. У входа они объясняли всем причину забастовки и бойкота и предлагали покупателям обратиться за покупкой в другой, не пикетируемый, или государственный магазин» [НП]. Итог очевиден: владельцы были вынуждены уступить. А труженики других частных заведений взяли себе эту победу на заметку...

С неуплатой налогов борется и само государство, благо бороться есть за что: сумма недоимок по Ленинграду составила к сентябрю 2,7 миллиона новых

рублей. Не стоит думать, что провинившимся торговцам жилось легко; слова «фининспектор» и «финагент» звучали тогда для нарушителей настоящим кошмаром. Финагенты описывали имущество, находя скрытые от государства богатства.

«В лавке старьевщика, имевшего недоимку в 18 червонцев, было найдено под прилавком много золотых вещей и денег.

В Мальцевском рынке мясоторговец, указывавший на безденежье и отсутствие товара и имевший в лавке лишь 20 фунт. мяса, скрывал в кладовой свыше 20 пуд. мясных туш» [ВКГ:26.09].

Можно, конечно, пожалеть частника. Но вот идеализировать его не стоит. Пресса 1924 года переполнена жалобами на низкое качество частной продук-

«К забастовке в обувных магазинах. Сдаюсь!» Карикатура из вечернего выпуска «Красной газеты». 8 апреля 1924 года

ции — от обуви до хлеба. А вот и мнение специалиста: в мае профессор Левин доложил коллегам о результатах только что состоявшегося исследования молока в 217 ленинградских лавках. Из 82 проб, взятых у участников, 44 оказались разбавленными. (Рыночные торговцы, правда, отличились еще больше: они разбавили 87% проб. Зато в кооперативной и частной торговле виновных оказалось меньше всего — 9 из 24-х.). И еще: количество отравлений некачественной колбасой в 1924 году было так велико, что пресса всерьез была тревогу. Наконец, еще одно сообщение прессы:

«Органами дознания обнаружена тайная лаборатория по выделке парфюмерии: заграничной пудры Симон, духов Сиу и проч. В д. 27, кв. 57 по улице Пестеля найдены препараты, штампы, этикетки и проч. принадлежности фабрики» [ВКГ:23.12].

А подвести итог жизни частных в 1924-м помогает статистика: за три первых месяца года в городе закрылось три тысячи частных торговых предприятий — в то время как и кооперативная и государственная торговля все время росли в объеме. Одним из разорившихся частных предприятий стал знаменитый с пушкинских лет ресторан «Донон» на Мойке, 24, принадлежавший семейству Бетан. В марте в вечерней «Красной газета» появилось объявление о предстоящем в воскресенье 23 марта аукционе, на котором «будет продаваться обстановка ресторана “Донон”: посуда мельхиоровая, фарфоровая, хрустальная и медная, столовое белье, вина и проч.» [ВКГ:21.03].

РЕСТОРАН „ДОНОН“

Мойка, 24.

■
Изысканная французская кухня.

ЗАВТРАКИ,

ОБЕДЫ.

■
ОРКЕСТР под управлением гр. *ФИДЛОН*.

Рекламное объявление ресторана «Донон» в справочнике «Весь Ленинград на 1924 год»

Та же газета через несколько дней ернически запечатлела сценки аукциона:

«Старичок в черном, в очках. Волнуется. В руках он держит сильно потрепанный бумажник и дребезжащим голосом набавляет цену на какую-то тарелочку. “Хочу оставить на память хоть одну, — с гербом ресторана! Все состояние здесь проел, на этих тарелках!...”» [ВКГ:27.03].

И вообще, заключала газета: «“Донон” умер естественной смертью. Он никому не был больше нужен в Ленинграде...»

КРУПНЫМ ШРИФТОМ

Столько уж мы цитировали ленинградскую прессу — что пора уже рассказать о ней. Как она живет, кто в ней трудится?

Прежде всего напомним: нынешняя электронная пресса — радио, телевидение — тогда лишь нарождалась. Телевидение вообще было только в экспериментах; радио же как раз нащупывало пути к слушателю.

Итак, радио, одно из чудес нового времени. Радиолaborатория на улице Красных Зорь работает без устали; и вот уже ночью с 12 на 13 апреля к ней съезжается разношерстная публика. Собралось две с половиной тысячи человек — послушать по прямой трансляции музыкальный концерт из Парижа. Вначале — вспоминают очевидцы — пошумело немного, но потом слышимость стала отличная.

«Можно было подумать, что это не действительность, а чудесная сказка из тысячи и одной ночи. И недаром, несмотря на глубокую ночь и непролазную грязь, около двух тысяч человек стояли, как замороженные, слушая звуки, прилетевшие к нам с другого конца Европы...» [ВКГ:14.04].

И та же вечерняя «Красная» обозначила политическое значение произошедшего: «Если авиация — это глаза Советской России, то радио — это ее язык и уши» [ВКГ:14.04].

Пропагандой радио занимается созданное в том же году Общество друзей радио — занимается активно. Еще один шаг вперед: «впервые в С.С.С.Р. публич-

ные показательные радио-концерты» [ВКГ:28.08] состоялись 28 августа в саду у Народного дома. (Сад, кстати, в 1924 году популярный: несмотря на плату за вход, в нем бывало летом до 18 тысяч человек за вечер — из коих семь тысяч посещали тамошние «американские горы».) По случаю радиоконцерта публики еще больше, чем обычно: «Море голов. В саду так тесно, что нет возможности передвигаться» [ВКГ:29.08].

Правда, после гуляния началось судебное разбирательство: Союз музыкальных и драматических писателей потребовал у Общества друзей радио выплаты гонорара за произведения, исполненные в концерте. Суд поначалу озадачился — а надо ли платить за то, что прозвучало по радио? — но потом решил дело положительно: «за все произведения, исполненные по радио, автор имеет право на получение гонорара» [ВКГ:16.02.1925]. Гонорар, впрочем, вышел тогда грошовый: полтора процента от общих сборов — всего 3 рубля 13 копеек...

В сентябре техническую новинку подхватил популярный «Свободный театр» (главная звезда которого — Леонид Утесов): в сотрудничестве с Обществом друзей радио он устроил у себя радиоконцерты. «Ежедневно 3 концерта невидимых исполнителей» [ВКГ:16.09] — такая реклама не могла не привлечь публику. Актеры, начав представление на сцене, уходили за кулисы, в импровизированную студию — и уже там продолжали выступать. А публика слушала стоявший на сцене радиоприемник, доносивший актерские голоса...

Но все это было лишь предисловием к главному событию: осенью (11 октября, как сообщила печать)

началась запись желающих приобрести «любительские радио-станции» — приемники, а с 24 ноября в эфир пошли регулярные радиопередачи. На первых порах это были небольшие радиоконцерты, шедшие в эфир в восемь часов вечера; первый из них, звучавший как раз 24 ноября, состоял из двадцати номеров, исполненных артистами гостеатров. Счастливицков, услышавших этот концерт, было не так уж много: даже к началу 1925 года приемников насчитывалось «на руках» всего несколько сотен. И все же, все же первый шаг к развитию радио был сделан, и уже появлялись первые громкоговорители на улицах — общедоступные...

Но как же пресса традиционная — прежде всего газеты?

В Ленинграде газет немало. Главная по статусу — «Ленинградская правда» под руководством Сафарова. Она четко проводит линию Зиновьева, ради чего и с московской «Правдой» иногда борется.

«Ленправда» не очень интересна, суховата. Имеет претензию выглядеть большой газетой вровень со столичными, но денег на корреспондентскую сеть за рубежом у нее не хватает. Поэтому проблема решается подручными средствами: сотрудник редакции читает заграничную прессу и пишет по ее материалам «репортажи собкором с мест событий» — из Лондона, Берлина, Вены, Парижа, Нью-Йорка... В 1924 году эту роль исполняет Николай Полетика.

Среди сильных сторон «Ленинградской правды» — театральная отдел, которым руководит критик и драматург Адриан Пиотровский. Тот же Полетика вспо-

минал: «При Пиотровском театральный отдел “Ленинградской правды” был своего рода клубом... Здесь решались судьбы новых пьес и новых постановок. Здесь я познакомился с Любовью Дмитриевной Блок (женой поэта) и М. А. Бекетовой (тетка поэта), с С. Я. Маршаком, с Евгением Шварцем, с О. Э. Мандельштамом» [НП2].

Вторая газета города — «Красная газета», она издается сразу в двух выпусках, утреннем и вечернем, и обоими руководит еще один старый большевик, в прошлом главный комиссар Балтфлота Иван Флеровский. Руководит только в начале года: весной на смену ему приходит другой партиец со стажем Моисей Лисовский.

Особенной популярностью у публики пользуется вечерний выпуск «Красной газеты». От утреннего он отличается заметно: здесь больше бытовых подробностей, больше хроники городских происшествий и очерков о судебных процессах, больше мелочей жизни. «Вечерка» пользуется некоторыми свободами; характерный пример: в то время, как более серьезные газеты поместили официальный репортаж о состоявшемся на площади Урицкого «Дне Спартака» (27 июля), эта газета рассказала только лишь о случившемся там происшествии — полил дождь, публика бросилась под трибуну, возникла пробка на деревянной лестнице, та рухнула, серьезно пострадавших не было.

Не случайно мемуарист вспоминает о вечерней «Красной» как о «газете очень живой, интересной и пользовавшейся большим успехом» [ВП]. Читатель у этой газеты самый разный — во всяком слу-

чае, начальник городского уголовного розыска свидетельствует, что «карманники все читают “Вечернюю Красную”...» [КН: №13].

Тираж «Вечерки», правда, не так уж велик — 60 тысяч. «Ленправда», да и утренняя «Красная» выходят тиражом в два раза большим — но тут уже стоит учесть подписку на них, проводившуюся предприятиями (в то время как «Вечерка» опиралась на розницу).

«Красная газета» занимается не только своим прямым делом. При ней существует целое издательство, и она издает несколько журналов — «Зори», «Красная панорама», «Красный ворон», «Литературный еженедельник», «Наука и техника». Печатаются в этих журналах первостатейные авторы; Михаил Зощенко, например, — постоянный автор «Красного ворона» и сменившего его как раз в 1924 году юмористического журнала «Бегемот»...

В числе других приметных газет города — комсомольская «Смена», пионерские «Ленинские искры» (они родились как раз в 1924-м, 31 августа, выходили по субботам и печатались «крупным шрифтом на хорошей бумаге». Говорят, что имя этой газете придумала сама товарищ Лилина).

Издаются и национальные газеты: финская «Вапаус», латышская «Proletariata Zinna», эстонская «Эдази».

Помимо общей прессы (ее сейчас назвали бы, наверное, общественно-политической) в Ленинграде издается периодика более специального характера. Например, театрально-музыкальная пресса: здесь

особо замечен журнал «Жизнь Искусства», а есть еще «Еженедельник академических театров», «Музыка и театр» и примыкающая к ним «Кино-неделя».

Женские журналы представлены не только официозом под названием «Работница и крестьянка», но и частными изданиями: это «Вестник моды» и «Журнал для женщин». Выходит и множество других журналов, бюллетеней и прочих периодических изданий — «Артельное дело», «Гигиена и здоровье рабочей семьи», «Красная деревня», «Красный журнал для всех» (в котором Михаил Булгаков впервые печатает свой рассказ «Ханский огонь»), «Красный студент», «Шахматный листок» и так далее...

Особое место во всем этом многообразии занимают журналы для подрастающего поколения. Их тоже немало — от хорошо знакомого нам «Юного Пролетария» до выходящего с дореволюционных еще пор «Мира приключений».

Но совершенно особняком стоят журналы «Воробей» и сменивший его в середине 1924 года «Новый Робинзон». Их возглавляет Злата Лилина, но идеолог и вдохновитель журналов вовсе не она — а уже знаменитый Самуил Маршак.

«Журнал “Новый Робинзон” (носивший сначала скромное и непримечательное название “Воробей”) сыграл немаловажную роль в истории нашей детской литературы... На его страницах впервые стали печататься Борис Житков, Виталий Бианки, М. Ильин, будущий драматург Евгений Шварц» [СМ2] — это свидетельство самого Маршака.

«В 1924 году весной вокруг Маршака... начинал собираться первый отряд детских писателей» [ЕШ] —

такое определение принадлежит Шварцу, и относится оно именно к участникам «робинзонады».

И еще из Шварца: «Каждая строчка очередного номера обсуждалась на редакционных заседаниях так, будто от нее зависело все будущее детской литературы... Только так и можно было работать, поднимая дело, завоевывая уважение к детской литературе...» [ЕШ].

НЕСОВРЕМЕННЫЙ «РУССКИЙ СОВРЕМЕННИК»

Маршак, Шварц, Житков, Бианки — это только начало длинного списка литературных имен тогдашнего Ленинграда. Есть в этом списке имена и звончей — например Анна Ахматова. Правда, она в 1924-м находится чуть в стороне от бурной литературной жизни и стихов пишет мало. Да и живет трудно — запись в дневнике Корнея Чуковского от 14 января 1924 года подтверждает это в полной мере:

«Десять дней назад Ахматова, встретив меня во “Всемирной”, сказала, что хочет со мной “посекретничать”. Мы уселись на особом диванчике, и она, конфузясь, сообщила мне, что проф. Шилейке нужны брюки: “его брюки порвались, он простудился, лежит”. Я побежал к Кини, порылся в том хламе, который прислан амер. студентами для русских студентов, и выбрал порядочную пару брюк, пальто — с мех. воротником, шарф и пиджак — и отнес все это к Анне Ахматовой. Она была искренне рада» [ДЧ]. (Поясним пару фамилий: Шилейко — востоковед

и второй муж Ахматовой; Кини — американский филолог, сотрудник American Relief Administration (ARA), организации, помогавшей голодающим в России. Ну а «Всемирная» — знаменитое горьковское издательство «Всемирная литература», дававшее в двадцатые работу многим писателям...)

Трудно представить, чтобы такая жизнь могла казаться кому-то процветанием. Но так казалось позже самой Ахматовой — после того, как судьба свела ее с журналом «Русский современник». Это был лучший литературный журнал года; выходил он в Ленинграде с мая 1924-го. Печатались на его страницах Горький, Мандельштам, Пастернак, Цветаева, Ходасевич, Замятин, Бабель, Пильняк, Чуковский, Тынянов... И Ахматова: она опубликовала в «Русском современнике» два своих стихотворения, одно из которых известно ныне как «Новогодняя баллада».

И месяц, скучая в облачной мгле,
Бросил в горницу тусклый взор.
Там шесть приборов стоят на столе,
И один только пуст прибор.

Это муж мой, и я, и друзья мои
Встречаем новый год.
Отчего мои пальцы словно в крови
И вино, как отравы, жжет?

Хозяин, поднявши полный стакан,
Был важен и недвижим:
«Я пью за землю родных полян,
В которой мы все лежим!»

<...>

Скорбное, сдержанное стихотворение, совсем не созвучное бодрому духу эпохи. Но, может, на это не созвучие никто бы не обратил внимания, если б не одно обстоятельство. Издатель журнала Николай Магарам решил громко заявить о рождении своего детища — и устроил в Москве литературные вечера.

Дурные предчувствия появились у сотрудников журнала еще до вечера:

«Москва взбудоражена — кажется, мы чересчур разрекламированы... Особенно худо, если увидят в нашем выступлении контрреволюцию. Это будет гнуснейшая подтасовка фактов» (запись в дневнике Чуковского).

Контрреволюцию увидели. Особенно в выступлении Ахматовой.

«После моих вечеров в Москве (весна 1924 года) состоялось постановление о прекращении моей лит[ературной] деятельности. Меня перестали печатать в журналах и альманахах, приглашать на лит[ературные] вечера. Я встретила на Невском М. Шаг[инян]. Она сказала: “Вот вы какая важная особа: о вас было пост[ановление] ЦК: не арестовывать, но и не печатать”» [АП]. Это из записных книжек Ахматовой.

Плохая новость оказалась верной: Ахматову практически не печатали долгих полтора десятилетия. После этого она и назвала свою жизнь до поездки в Москву процветанием — prosperity...

А что уж говорить о самом «Русском современнике»! Он практически сразу попал под критический огонь: враждебен рабочему классу! «Правда» утверж-

дает, что в журнале «нэповская литература показала свое подлинное лицо» [ДЧ]. Немало эмоций вызывает участие в журнале эмигрантов. Едва ли не самый сдержанный отзыв помещает «Красная Нива»:

«Журнал вышел действительно любопытным во многих отношениях <...> Перед нами попытка создать чисто литературно-художественный журнал, без всякой примеси политики. Конечно, это почти безнадежная попытка <...> Есть и в “Русском Современнике” определенная, если угодно, не политическая, а классово-культурная линия...» [КН:4].

Атака с каждым днем набирала обороты. Не помогло и присутствие Горького, и даже то, что он напечатал в журнале свой очерк «Владимир Ильич Ленин». Тем более, что сам этот очерк был воспринят властями не очень одобрительно (хоть и выпущен в том же году отдельной книжкой).

Судьбу журнала берет в свои руки цензурное ведомство — Главлит и его ленинградское представительство — Гублит. Цензоры запрещают журналу одну публикацию за другой; наконец, редактор «Русского современника» Корней Чуковский слышит откровенное: «Ваш журнал весь вреден, не отдельные статьи, а весь, его и нужно весь целиком вычеркнуть. Разве вы можете учесть, какой великий вред может он причинить рабочему, красноармейцу?» [ДЧ].

Дневник Чуковского в эти дни полон горьких заметок о журнале. «Нас так ругают (Современников), что я посоветовал Замятину написать статейку: “Что было бы, если бы Пушкин. «Я помню чудное мгновение» — было напечатано в «Современнике»”.

Я помню чудное мгновенье
 (небось какой-нибудь царский парад)
 Передо мной явилась ты
 (не великая ли княжна Ксения Александровна?)
 Как мимолетное виденье
 Как гений чистой красоты
 (чистая красота! — дворянская эстетика)
 Шли годы... бурь порыв мятежный
 (Октябрьск. рев.)
 Рассеял... мечты
 (о реставрации монархии)

и т. д. Ибо наши критики именно так и поступают» [ДЧ].

«Русский современник» дожил лишь до четвертого, декабрьского номера; пятый был запрещен. Но запомнился журнал надолго — не только его участникам, но и оппонентам.

Даже шесть лет спустя, в очередном томе советской «Литературной энциклопедии», «Русскому современнику» припомнили грехи (почему-то в настоящем времени):

«Тщательно избегает политических вопросов. “Неприятие” революции сказывается именно в воздержании от “политики”, в бегстве от советской действительности в область “чистого искусства” (Ахматова, Клюев, Сологуб), в художественном “отрицании” этой действительности (Е. Замятин, Б. Пильняк), в критических нападках на молодую пролетарскую лит-ру (Ю. Тынянов), в намеренном подчеркивании бытовой отсталости (В. Финк) и т. д. и т. п.».

ПОД ОПЕКОЙ ГЛАВЛИТА

И все-таки в эту пору Главлит еще относительно либерален. В конце концов, тот же «Русский современник» поначалу разрешили издавать, хоть и было очевидно, что пролетарской литературе особого места в нем не найдется.

Да и каких только других вольностей не случилось в 1924-м! Печатная продукция пестра почти подореволюционному. В чем-то даже пестрее — за счет запрещавшихся до семнадцатого года революционных сочинений. Дистанция от сборника стихов «Первомайский звон» до «Тропы мудрости» Германа Гессе или поэтической книжки Михаила Кузмина «Новый Гуль» (посвященной тогдашней любви поэта Льву Ракову, будущему директору Публички и основателю Музею обороны Ленинграда) огромного размера.

Есть в числе питерских книжных новинок и «Мушина свадьба», новая стихотворная сказка Корнея Чуковского, изданная с яркими рисунками Владимира Конашевича. Нынешнему читателю она известна как «Муха-Цокотуха». Это только через год сказка попадет под огонь Гублита: сама Муха — это-де переодетая принцесса, комарик — переодетый принц, и к тому же «рисунки неприличны: комарик стоит слишком близко к мухе» [ДЧ]. А потому переиздание сказки очень нежелательно. Впрочем, пошумят-пошумят — и разрешат...

Совсем благополучно живут в 1924-м пролетарские литературные издания — особенно те, что рож-

дены под эгидой всемогущих властителей. Демократический ныне журнал «Звезда» выходит как раз с начала 1924 года:

«Возобновляя вековую традицию толстых журналов в Петрограде после пятилетнего перерыва, вызванного эпохой революции и гражданской войны, “Звезда” ставит своей основной задачей служить делу марксистского воспитания новой, выдвинутой революцией, рабоче-крестьянской интеллигенции» [3:1].

Содержание первого номера задаче соответствует: две статьи самого Григория Зиновьева (в том числе «Германия накануне революции» — дань тогдашнему убеждению верхушки РКП(б)), одна — редактора «Петроградской правды» Сафарова, а одна и вовсе — Ленина! При таком составе авторов можно и полиберальничать чуток: напечатать, например, стихи Владислава Ходасевича. Тем более, что стихотворение Ходасевича в номере одно, а вот стихов Ильи Ионова — целых три!

Еще один новорожденный года — литературный журнал с характерным для того времени именем «Резец», много печатавший молодых пролетарских литераторов (много лет спустя на его страницах дебютирует Даниил Гранин). «Резец» вообще богат на дебюты. В сентябре 1924-го на его страницах печатается «магический квадрат» — чуть ли не первый в советской печати близкий родственник кроссворда.

о	о	о
к	к	с
т	у	у

Конечно, на привычный кроссворд этот квадрат похож мало, но все-таки... Тем более, что и в задании сказано: «Поставить буквы так, чтобы получились слова, которые можно было бы прочесть сверху вниз и слева направо». Иными словами, пересекающиеся слова, крестословица, crossword. Одно только но: кажется, в самом квадрате случилась опечатка. Ну никак не удалось автору этих строк решить задание...

А вот с чем Главлит борется и в 1924-м упорно и неотступно, так это с контрреволюцией и бульварной литературой. Удивляться тут нечему, а по второму пункту и возражений нет: бульварная ведь нужна не столько читателю, сколько издателю. Прибыли!

Активность цензоров во многом объясняется тем, что читательский интерес к печатному слову громадный (это иллюстрирует забавная история: в феврале кронштадтские моряки устраивают торжественные похороны «замученных книг». «На сцену был вынесен гроб, наполненный старыми изорванными, растрепанными с вырванными страницами и исчирыканными карандашом книгами из краснофлотских библиотек Кронштадта <...> Два-три года тому назад они поступили совершенно новенькие в библиотеки кронштадтской базы, а теперь стали уже никуда негодными» [ВКГ:11.02]. Гроб этот был торжественно вынесен из зала — для сожжения).

По части бульварной литературы тревогу цензоров разделяет и пресса: «Дурман базарной литературы представляет собою серьезнейшую опасность <...> С этой отравой современного трудового поколения нечего церемониться» [ЖИ: №4].

Есть, правда, и иная позиция: а что, если придать бульварной литературе советские интонации? Комсомольцы «Красного выборжца» еще в августе 1923 года вынесли на этот счет резолюцию: «При НЭПе поднимает голову новая и старая буржуазия. Стараясь использовать все возможности, она захватывает в свои руки издания книг и через книги развращает умы молодежи и взрослых. В противовес необходимо создать революционных пинкертонов» [НЛ].

Увы, с революционными пинкертонами плохо — с запретами все же попроще. Но и не жаль, популярнейший в те годы Тарзан может вполне быть отлучен от советского читателя — потеря небольшая!

И снова о классовом водоразделе: его уже нельзя не заметить самым невооруженным глазом. Способствуют его углублению и сами писатели — такие, например, как трибун революции Маяковский. В Ленинграде он выступает в мае 1924-го — в зале Филармонии, четырежды. Он не только читает старые и новые свои стихи, но и делает доклад «О современной поэзии», в котором отчаянно ругает ленинградскую литературу. Основная его идея: «После великих реалистов Некрасова, Достоевского Петербург опал, затих, стал реакционен литературно» [М13]. Или вот еще, подробнее, в пересказе вечерней «Красной газеты»:

«В Ленинграде, по мнению Маяковского, после расцвета революционной поэзии в Москве “веет Чухломой” <...> Наиболее реакционный поэт Сологуб и наиболее неинтересный и бесцветный Блок — продукты Ленинграда, давшего целый ряд реакционных фигур <...> С переходом столицы в Москву ленинградское

искусство окончательно пало» [ВКГ:21.05]. Маяковский агитирует, конечно, за родной ему «Левый фронт искусств» — ЛЕФ.

Живет он в эти дни совсем близко от Филармонии — в Европейской гостинице, где он всегда занимал 26-й номер. Пишет Лиле Брик грустное: «Как здесь тоскливо одному. Это самый тяжелый город...» [М13]. Бывает в гостях у своего приятеля, журналиста Адольфа Меньшого. Сочиняет, наконец, цитированную уже поэму «Владимир Ильич Ленин»; отрывок из нее впервые публикует 7 ноября молодежная газета «Смена» — а первое отдельное издание выйдет в феврале 1925-го в ленинградском отделении Госиздата.

Ленинградцы в ЛЕФе Маяковского тоже участвуют — Юрий Тынянов, например, в 1924-м напечатал в левовском журнале статью о языке Ленина. Впрочем, в том же самом году Тынянов решительно ушел от «проклятых вопросов» современности — без малейшего для себя ущерба. Повод для этого возник случайно. Юрий Николаевич в ту пору читал лекции, и в том числе о пушкинском приятеле Вильгельме Кюхельбекере. Одну из таких лекций услышал вездесущий Корней Чуковский; через несколько дней он предложил Тынянову написать небольшую детскую книжку о Кюхельбекере для издательства «Кубуч» (имя, напоминающее о моде на аббревиатуры, раскрывается просто: Комиссия по улучшению быта учащихся).

Итог всем известен: годом позже, к столетию восстания декабристов, на свет появился великолепный «Кюхля». И родился писатель Тынянов — возможно, лучший исторический писатель в нашей литературе...

Есть и еще блистательные литературные имена, тесно связанные с Ленинградом 1924 года. Как они?

Евгений Замятин. Для него 1924-й — год особый, если даже вывести за скобки сотрудничество в «Русском современнике». В Нью-Йорке впервые выходит в свет его знаменитый роман «Мы» («We» в переводе на английский) — и книга эта имеет успех. Ее обсуждают и за границей, и дома, только вот с разными интонациями. В России этот роман будет издан лишь в 1988-м...

Осип Мандельштам переезжает из города в город: Киев, Москва, наконец Ленинград. Здесь задерживается надолго. Пишет стихи. Зимой 1924–1925 годов рождается и то стихотворение, с которого начинается эта книжка — «Вы, с квадратными окошками...» (вчерне оно написано 17 декабря). Доделывает «Шум времени», свои автобиографические зарисовки; они выйдут в апреле 1925-го в питерском издательстве «Время» — любопытна эта перекличка имени книги с названием издательства! Безупречная, блестящая проза:

«Я помню хорошо глухие годы России — девятые годы, их медленное оползание, их болезненное спокойствие, их глубокий провинциализм — тихую заводь: последнее прибежище умирающего века. За утренним чаем разговоры о Дрейфусе, имена полковников Эстергази и Пикара, туманные споры о какой-то “Крейцеровой Сонате” и смену дирижеров за высоким пультом стеклянного Павловского вокзала, казавшуюся мне сменой династий...» [ОМ].

Время, что ли, способствует мемуарам? — в июле 1924-го парижская газета «Звено» начинает печатать

воспоминания еще одного поэта, Георгия Иванова; правда, эмигрант пишет уже о послереволюционном Петрограде, позволяя себе при том самые невероятные фантазии...

Еще одно заметное имя — Федор Сологуб (тот самый «наиболее реакционный»), отмечающий 40-летие своей литературной деятельности. Коллеги чествуют его дружно; адреса и телеграммы с дифирамбами летят со всей России. Торжественное заседание проходит в Александринском театре — не без ляпсусов:

«В концертном отделении исполнено было, между прочим, стихотворение “Их расстреляли”, как произведение Ф. К. Сологуба. В действительности же это стихотворение принадлежит не Сологубу, а Дм. Цензору <...> Дм. Цензору, присутствовавшему на чествовании Ф. К. Сологуба, пришлось невольно разделить лавры с почтенным юбиляром» [ВКГ:14.02].

Почтенный юбиляр, конечно, задет. Он вообще слышет человеком желчным и долго помнящим обиды. Насчет злопамятности — это свидетельство Владислава Ходасевича, который проиллюстрировал свой тезис эпизодом того же торжества в Александринке.

«Еще в 1906 или 1907 году Андрей Белый напечатал в “Весах” о Сологубе статью, которая показалась ему неприятной. В 1924 году, т. е. лет через семнадцать, Белый явился на публичное чествование Сологуба... и произнес, по обыкновению своему, чрезвычайно экзальтированную, бурно-восторженную речь (передаю со слов одного из присутствовавших). Закончив, Белый осклабился улыбкой, столь же восторженной и неискренней, как была его речь, и принялся изо всех сил жать Сологубу руку.

Сологуб гадливо сморщился и произнес с расстановкой, сквозь зубы:

— Вы делаете мне больно.

И больше ни слова. Эффект восторженной речи был сорван. Сологуб отомстил» [ВХ].

Неужели же «наиболее реакционному» никто так и не указал на его реакционность? Указали, пусть и запоздало. Юбилейную идиллию нарушил московский журнал «Крокодил»:

«Писателю Сологубу.

(Неподнесенный адрес).

Дорогой и неоценимый!

Если вас не способна оценить советская власть и рабоче-крестьянское правительство, если ваше полувековое служение делу изучения и художественного воплощения изгибов и заноз страсти не находит отклика в некультурной рабочей среде, то мы, а с нами и весь интеллигентский мир приносят вам свое искреннее уверение в нелицеприятном поклонении.

Кружки поэтов и писателей: Ничевоки, Никудышники, Вензелисты, Презерватисты, Союз неугасимой лампы, Сюсюканты, Пивопивисты» [К:9].

И еще один юбилей: практически в те же дни, что и Сологуб, отмечает свое 80-летие Анатолий Федорович Кони. Тут уж идиллия полная. Старца чествуют два дня: вначале в Академии наук, потом в Доме ученых. Много говорят о Кони как о юристе и общественном деятеле, но не меньше — как о писателе и мемуаристе. Сами приветственные речи тоже вполне литературны. Стихи читает Татьяна Щепкина-Куперник, а академик Сергей Федорович Платонов провозгла-

шает приветствие, написанное им в стиле XVII столетия: «И тебе, господине, мы ныне вопием всеми гласы нашими: “Убеляре, ветхий денми, а духом младый, здравствуй на многая лета! Не еретик ты злый, а раб добрый, из пяти талантов сотворивый десять и глаголами и дела своими непрестанно Бога славивый! Душе благосекнолиственная, люди любившая и люди учившая не на зло, а на добро, не на кривду, а на правду, радуйся на многая лета”!..» [АК].

Но сколько же их всего в 1924-м, официально признанных писателей — будущих «инженеров человеческих душ»? Судя по сообщениям прессы, в стране — 1878, а в Ленинграде — 276. Не вспомнишь, пожалуй, и десятую часть из этого числа!

Право на принадлежность к писательскому сословию дает членство в союзе писателей. Таких союзов несколько. Питерское отделение главного, Всероссийского союза писателей, возглавляет в начале года критик Аким Волынский (а в правлении — Ахматова, Лозинский, Федин). Есть отделение московского Общества русских драматических писателей и оперных композиторов — ориентированного сугубо на деятелей сцены (а параллельно с ним существует во главе с А. К. Глазуновым питерский Союз драматических и музыкальных писателей). Конечно, всюду действует и отделение Ассоциации пролетарских писателей (основное именуется кратко РАПП, питерское — ПАПП, а потом ЛАПП).

Едва ли не самое необычное объединение — Вольная философская ассоциация (она же — Вольфила), созданная на исходе 1919 года и объединявшая в боль-

шинстве своем все тех же писателей и поэтов. Блок, Белый (а также Петров-Водкин и Мейерхольд) были в разные годы ее участниками. Впрочем, история Вольфила как раз в 1924 году и завершилась. В мае ленинградское отделение Главнауки отказалось регистрировать Вольфила в качестве научного общества, состоящего при Главнауке. Как следствие — ассоциация была закрыта; имущество ее перешло к Союзу писателей. Так прекратил существование еще один островок свободомыслия...

ЕСЕНИН — О МЕРЗОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ

Из заметных литературных фигур года мы не называли, пожалуй, лишь Сергея Есенина. Для него в этом году Ленинград играет особую роль: сюда он буквально бежит из Москвы, здесь общается с первыми лицами города и беспокойно пытается обрести себя и свое место в новой жизни.

Самое заметное есенинское событие года — выступление его 14 апреля в зале бывшей Городской думы (именовавшемся тогда залом Лассалья). Вот уж какому событию повезло на мемуаристов! Владимир Пяст, Надежда Вольпин, Вольф Эрлих, Владимир Чернявский, И. Романовский — сколько еще есенинских знакомцев написали об этом вечере? Поневоле подумаешь: может, и вправду это было событие необычайное...

Накануне выступления по городу были расклеены афиши, объявления напечатаны в газетах:

«Сергей Есенин прочтет стихи <...> и скажет слово о мерзости и прочем в литературе. Вызов не попутчикам» [БЕ].

Публики собралось немало, «на подступах к залу появились традиционные фигуры, атакующие прохожих вопросами: “Нет ли лишнего билетика?” ...» [БЕ]. Но вот Есенина пришлось поискать. В Европейской гостинице он оставил записку:

«Я ждал. Ходил 2 раза.

Вас и не бывало. Право, если я не очень нужен на вечере, то я на Николаевской, кабачок слева внизу» [Е6].

За поэтом отправился один из организаторов вечера И. Романовский:

«Бросаюсь по Невскому, захожу во все пивные и рестораны <...> Наконец, в каком-то ресторане вижу за столом большую компанию и среди них Есенина. Бросаюсь к столу и взволнованно, даже не поздоровавшись, выкрикиваю:

— Сергей Александрович! Пора! Зал полон... мы уже опаздываем!

Это было преувеличением, до начала оставалось еще минут сорок, если не больше.

Есенин хладнокровно отвечает:

— Приду. Не беспокойтесь. Все будет в порядке» [БЕ].

Поэт пришел в зал с опозданием. «Но в каком виде...» Пришлось приводить его в порядок.

Как выступал? Вот впечатление очевидца, напечатанное по горячим следам вечерним выпуском «Красной газеты»:

«С. Есенин вышел на эстраду совершенно... больным и не будучи в силах читать стихи, все первое от-

деление находился в полубессознательном состоянии. Не лучше было потом и “слово” Есенина, где он нечленораздельно говорил или, вернее, выкрикивал что-то о Блоке и о каких-то штиблетах (?).

Часть публики, возмущенная происходившим, демонстративно покинула зал. Оставшиеся, собравшись у эстрады и потребовав прекращения Есенинских “Воспоминаний”, прослушали его немногочисленные стихи, испещренные массою смачно подчеркнутых совершенно непечатных слов» [ВКГ:16.04].

Все ли, однако, так мрачно? Послушаем друзей Есенина.

Вольф Эрлих:

«В этот вечер было сказано больше чуши, чем во все остальное время года» [КЖ].

Надежда Вольпин:

«Сергей не сразу приступает к чтению стихов. Сперва — разговор с аудиторией. Сказать по правде, довольно бессвязный <...> Оратор топчется на месте. То встанет, то снова сядет на эстраде к столу, боком к слушателям: те в нетерпении. Да уж ладно, кричат ему, все понятно, прочитайте лучше стихи» [КЖ].

Как вспоминал И. Романовский, Есенин рассказывал и о разговорах с Григорием Зиновьевым:

«Он <...> встречался с первым секретарем обкома партии, вел с ним продолжительные разговоры о поэзии, о литературе, об искусстве. Стал пересказывать содержание этих разговоров, начал запинаться... Понял, видимо, что сбивается, растерялся, попытался поправиться, повторял уже сказанное, неожиданно переходил на другую тему, перескочил к встречам с Луначарским» [БЕ]. (Поправим неточность мемуа-

риста: Зиновьев не мог быть первым секретарем обкома, ибо области тогда еще не существовало — была губерния.)

А вот и еще один воспоминатель, Владимир Чернявский: он описывает «отрывистые, по-пьяному заумные фразы Сергея» [ВЕ], едва не приведшие к скандалу.

Но тогда отчего же такое внимание мемуаристов — к вечеру, провальному с самого начала?

Владимир Чернявский:

«Когда дело подошло, казалось, вплотную к скандалу, он сам крикнул: “Я буду читать стихи!” <...> Читал он прекрасно, с заражающим самозабвением <...> Ему рукоплескали шумно, восторженно. Поэт в глазах требовательного обывателя заслонил пьяного скандалиста...» [ВЕ].

Надежда Вольпин:

«Возможно, именно неудачное начало определило тем больший успех выступления: стихи Есенина прослушаны были с жадным вниманием, с восторгом. Хмель, казалось, рассеялся...» [КЖ].

Владимир Пяст:

«Широко раскрытыми неподвижными глазами глядели слушатели на певца и ловили каждый его звук. Они не отпускали его с эстрады, пока поэт не изнемог. Когда же он не мог уже выжать больше ни звука из своих уст, — толпа схватила его на руки и понесла, с шумными восклицаниями хвалы, — вон из зала, по лестнице вниз, до улицы» [ВЕ].

Успех!

Еще красочнее описал финал вечера И. Романовский — хотя свидетельство его несколько расходится со словами Пяста:

«Мы вместе с Есениным вышли через служебный вход <...> Нас встретил оглушительный шум и визг. У служебного выхода поджидала Есенина толпа восторженных слушателей, главным образом девиц. Они дружно ринулись на поэта, подняли его на руки и понесли. Одну из поклонниц озарила “светлая” мысль — она стала расшнуровывать один из ботинок Есенина, желая, видимо, унести с собой шнурок в качестве сувенира. Ее пример вдохновил другую почитательницу поэтического таланта Есенина, она решила снять с поэта галстук, воспользовавшись его беспомощным состоянием на руках у поклонников и поклонниц. Энергичная девица ухватила за нижний конец галстука и сильно потянула его к себе. В результате возникла удавная петля, Есенин стал задыхаться, лицо его побагровело <...> Я, испугавшись, как бы она совсем не удавила поэта, резко и сильно ударил ее по руке, она вскрикнула и выпустила галстук. Вот так донесли на руках Есенина до гостиницы. Поклонники хотели внести его в номер, но швейцар и служащие гостиницы заставили их разойтись» [БЕ].

Самым же кратким описателем вечера 14 апреля был сам Есенин в письме к Галине Бениславской: «Вечер прошел изумительно. Меня чуть не разорвали» [Е6].

После этого Есенин уже не привлекал к себе в Ленинграде такого шумного внимания. Жил на Гагаринской улице у своего друга Александра Сахарова. Работал над «Песнью о великом походе», часто и подолгу бывал в Госиздате. И выступал со стихами — в Ленинграде, в Сестрорецке. Ровно через три месяца

очередное есенинское выступление удостоилось внимания прессы, на сей раз благожелательного. Газета не преминула особо заметить:

«Знаменитый Сергей Есенин “соблюдал себя” на сей раз и потому его стихи имели огромный успех у публики» [ВКГ:15.07].

Это выступление было не совсем обычным. 14 июля, в день большого петергофского гуляния, на пароходе, шедшем в Петергоф и обратно, было устроено особое «литературное утро» — в пользу Литфонда. Писатели общались с читателями (заплатившими по два рубля за билет), читали свои сочинения. Были в их числе Алексей Толстой, Владимир Пяст, юный пролетарский поэт Иван Приблудный и — Есенин.

И снова срывы. Об одном из них оставил воспоминания И. М. Майский, тогдашний редактор журнала «Звезда». Летом 1924 года Есенин предложил журналу «Песнь о великом походе», Майский согласился и сразу же заплатил гонорар, чем чрезвычайно обрадовал поэта. О том, что было дальше, Майский рассказал многословно и красочно; его мемуар дополняет собой не только биографию Есенина, но и портрет Ленинграда 1924 года.

«Прошло несколько дней. Есенин не появлялся. Однажды я сидел в редакции и правил какую-то рукопись. Вдруг дверь отворилась, и в мой кабинет, нерешительно озираясь, вошел странный человек. По лицу, манерам, костюму видно было, что незнакомец не имеет никакого отношения к литературному миру. Уставившись на меня, он спросил хриплым голосом:
— Как бы мне повидать тут товарища Майского?

— Я именно и есть товарищ Майский, — ответил я. — А в чем дело?

— Я вам записку принес. — И незнакомец передал мне клочок смятой и грязной бумаги.

Я разгладил записку. На ней почерком Есенина было написано:

“Дорогой Иван Михайлович, выручай! Не выпускают. Пришли 100 рублей. Сергей”.

<...>

Я подверг посланца тщательному допросу и в конце концов выяснил, что Есенин сидит в одном из притонов, которые в те нэповские времена еще существовали в Ленинграде, что он там пропился и задолжал и что “хозяйка” притона не выпускает его, пока он не расплатится.

Отправлять сто рублей (тогда это была крупная сумма) с этим подозрительным типом я не считал возможным. Однако действовать надо было быстро. Я тут же, в Ленгизе, раздобыл необходимые деньги, забрал с собой одного из служащих, отличающегося высоким ростом и большой физической силой, и скомандовал посланцу Есенина:

— Вези нас туда!

Посланец был явно смущен, но не решился ослушаться. Мы взяли на Невском извозчика и спустя полчаса входили в большой полутемный зал с плюшевой мебелью и какими-то золотыми разводами на стенах. Едва мы переступили порог, как из угла ко мне бросился Есенин. Но в каком виде! На нем была какая-то пестрая рубашка, белые кальсоны и тапочки на босу ногу. Волосы взъерошены, лицо бледное и испитое.

— Ну, слава богу, вы приехали! — воскликнул Есенин. — Я не смел вас просить об этом.

<...>

Несколько минут спустя Есенин ехал со мной на извозчике. На нем был затрепанный костюм с чужого плеча — узкий и короткий, который соблаговолила дать ему “хозяйка”. Мне очень хотелось сказать Есенину то, чего он заслуживал, но я взглянул на него и не решился...

<...>

Больше Есенина я не встречал» [Е6].

Необходимое дополнение: «Песнь о великом походе» в журнале «Звезда» была напечатана — в пятом номере 1924 года.

РЕПЕРТКОМ И ДРУГИЕ

«Те нэповские времена» принесли городу не только притоны с плюшевой мебелью, не только бульварную литературу. Они повлияли и на театр, в ту пору искусство очень массовое (за год в Ленинграде — 1 953 000 посещений). Не случайно пролетарские критики били в набат:

«Театр подпал под влияние Нэпа. Он, в руках ловких театральных дельцов, стал предприятием, торговой конторой <...> Нынешний нэпман дорого оплачивает театральных дельцов за их изобретательность, но неизменно требует себе удовольствия. Подайте ему хорошеньких голых женщин в чудной кафе-шантанной обстановке, и сборами ваш театр будет обеспечен» [ЖИ:№3].

Конечно, за скобки этих высказываний нужно вывести серьезные, государственные театры: они веяниям НЭПа не слишком подвержены. Но вот маленькие труппы, действительно, выживают, как могут — и всячески потворствуют вкусам клиентуры...

Критиков возмущает при этом обилие развлекательных трупп — три опереточных (зачем столько в пролетарском Ленинграде?!), десятки всяких кабаре. Реплики обращены не в воздух — к государственной Репертуарной комиссии (Реперткому), все жестче берущей театральные программы под свой контроль. Поэтому очевидно, что в большинстве своем развлекательные театрики обречены. Кажется, не случайно в том же 1924-м закроется популярнейшее ночное кабаре «Балаганчик», находившееся на Садовой, 12; там играли Рина Зеленая, Сергей Мартинсон, Семен Тимошенко (будущий режиссер «Вратаря», «Небесного тихохода» и других фильмов), а режиссером был один из создателей «Бродячей собаки» Николай Петров...

Среди звезд питерских легких театров особенным успехом пользуется Леонид Утесов. Он играет попеременно в Свободном театре и Музыкальной комедии —

Пр. 25-го Окт., 72. Телефон 350-57.	СВОБОДНЫЙ ТЕАТР	НАЧАЛО СЕРИЙ: 8½ и 10½ ч. в.
Со вторника, 11 по воскресенье, 16 марта.		
<h1>ГРИГОРИЙ АФОНИН</h1> <p>в гротеске „Пустая комната“</p>		
ЦЕЛЬНАЯ НАТУРА	скиты в 1-м действии А. С. Любош.	участвуют: Галактионова, А. П. ХОВАНСКИЙ и А. С. ЛЮБОШ
Григорий АФОНИН в своем новом репертуаре	В. ДАКСЕРГОВ.	Иван Степанович ГУРКО в своем «либрэ»

Реклама 1924 года

СВОБОДНЫЙ ТЕАТР

(Просп. 25 Окт., 72).

Телеф. 5-50-57.

Со вторника, 18 по воскресенье, 23
марта.

1. „Товарищ Хлестаков“, современная пародия Вас. Регина. Хлестаков — В. И. Воронов. Городничий — Гамалей. Жена городничего — Верховская.
2. Леонид Осипович Утесов прочтет новые рассказы Мих. Зощенко.
3. Борисов и Задольский — дуэт сатириков.
4. Григорий Афонин — в новых рассказах.

Начало в 8½ и 10½ час. веч.

Реклама 1924 года

в обоих на первых ролях. К этому времени относится любопытный и даже драматический эпизод утесовской жизни:

«Вчера, во время представления „Девушка сыщик“ в театре „Музыкальной комедии“ произошел несчастный случай с Л. О. Утесовым. По ходу действия Л. Утесов во втором акте балансирует через всю сцену, держась руками за канат. Во время этого трюка у Утесова сделалось головокружение и он, сорвавшись с каната, упал на сцену с высоты 4 1/2 арш. От падения Утесов потерял сознание, но вскоре пришел в себя и довел сцену до конца. Утесов получил сильное сотрясение организма» [ВКГ:22.11].

Четыре с половиной аршина — это около трех метров: осязаемое падение. Однако в мемуарах своих Утесов об этом эпизоде, кажется, не вспоминает...

И все-таки критики преувеличивают масштаб нэповского разгула в театре. В городе полтора десятка фабрично-заводских театров, где легкому жанру места нет (они работают при «Красном Треугольнике», «Печатном дворе», Охтинском пороховом заводе, Октябрьской железной дороге и так далее). Идеологически строгим спектаклем «Джон Рид» открывается в январе 1924-го Красный театр — новая труппа, ставшая потом (после нескольких слияний и реорганизаций) одной из основ Театра имени Ленинского комсомола, нынешнего «Балтийского дома».

Да и самыми популярными театрами города остаются не новые легкие театрики, а традиционные большие труппы. По продажам билетов лидирует бывший Мариинский; с заметным отставанием идет за ним бывший Александринский. А на третьем и четвертом местах, снова с отрывом, — созданные в первые революционные годы Малый оперный и БДТ.

Самые популярные театры, однако, особых творческих свершений не демонстрируют — несмотря на блистательные актерские труппы. Разве что бывший Мариинский, торопясь успеть за временем, ставит в конце октября балет «Красный вихрь» на музыку композитора В. Дешевова — первый балет на советскую тему! Блин, впрочем, выходит комом: балет выдержал лишь два представления.

Больше всего внимания в этой четверке привлекает БДТ. Правда, события тут происходят прежде все-

го околотеатральные — около театра они и в прямом и в переносном смысле.

«Набережная Фонтанки от Чернышева моста до Лештукова пер. представляла утром в воскресенье, 6 апреля, необычайное зрелище. Огромная толпа народа теснилась на противоположной Большому Драматическому театру стороне и, не поддаваясь увещеваниям усиленных нарядов пешей и конной милиции, не желала расходиться.

— Сумасшедшие на свободе, — раздавалось в толпе.

И, действительно, полный человек в круглых очках и шубе убегал от толпы людей, преследующих его с собакой, падая в грязь и снеговые кучи. Юркий человечек в прозодежде и с моноклем в глазу бегал тут же, иногда для пущего эффекта продолжая свой путь на руках. <...>

Зрелище это продолжалось с 8 час. утра почти до 1 часа, забавляя все растущую толпу зрителей.

Объяснилось это весьма просто.

Управление Большого Драматического театра производило съемку специальной кино-фильмы, которая войдет в состав «Бунта машин», этой новой пьесы, премьера которой назначена на 14 апреля.

Полный человек в шубе был А. Н. Толстой, автор пьесы. Юркий человечек — художник Ю. П. Анненков...» [ВКГ:9.04].

Премьера «Бунта машин» имела вполне предсказуемый успех. Однако потом грянул судебный процесс. Выяснилось, что некто Кроль перевел пьесу Карела Чапека «ВУР» — и отдал перевод Толстому для редактирования. Составлен был даже договор, по которому авторские от постановки они получали пополам. Но

НОВАЯ ПОСТАНОВКА

Гос. Большого Драмат. театра

„БУЖИ ЖИЖИ“

пьеса Ал. Н. Толстого.

Реклама 1924 года

Толстой поступил иначе: создал свою пьесу, идею которой заимствовал из «ВУРа».

Кроль подал в суд, требуя авторские. Процесс был долгий, и только 8 декабря дело завершилось: губернский суд, выслушав многочисленных экспертов, в числе которых оказались Евгений Замятин, Корней Чуковский, Павел Щеголев, в иске отказал...

Параллельно с этим судом шел еще один громкий процесс, в котором мелькало имя БДТ — но об этом речь у нас впереди, в одной из предстоящих глав...

Чтобы завершить театральные сюжеты, вспомним напоследок о таком эфемерном, но ярком явлении, как гастролы. Приезжает первая студия МХАТа — и играющий в ее труппе Михаил Чехов имеет триумфальный успех. Визит в Ленинград прославленного немецкого артиста Александра Моисси можно оставить для театроведческих исследований, хотя в городе и он имел успех. А вот майские гастролы Театра имени Мейерхольда со своими новыми спектаклями оказались куда как заметнее. Особенно впечатлил публику

«Лес» Островского; новый, только что поставленный спектакль быстро обрел и сторонников, и врагов — известнейший питерский театральный режиссер Евтихий Карпов, например, в середине второго акта встал со своего места в первом ряду и демонстративно прошествовал к выходу.

Выступали мейерхольдовцы в Большом зале Консерватории. В труппе блистали Мария Бабанова, Зинаида Райх и особенно Игорь Ильинский. Участие Ильинского в «Лесе» — в роли Аркашки Несчастливцева — красочно описал уже упомянутый в этой главе художник Юрий Анненков:

«Длинный и узкий, подвешенный на колосниках парпет, подымавшийся полукругом через всю сцену и уходивший за кулисы, создавал впечатление дороги и порою моста, на котором усталый Аркашка присел, сбросив ногу через край парпета, и занялся рыбной ловлей. Но ни удочки, ни червей, ни рыб, ни реки на сцене не было. Он нанизывал червя на крючок удочки, закидывал ее в реку, следил за движением поплавка, забрасывал его снова, когда течение реки уносило его слишком далеко, и, наконец, заметив, что рыба клюнула, напрягал все свое внимание и ловко выдергивал удочку из воды с болтавшейся на крючке рыбой. Аркашка подхватывал рыбу, и трепетавшая кисть руки, полузажатая в кулак, превращалась в глазах зрителя в трепетавшуюся, бившуюся в руке рыбу. Придерживая под мышкой трость удочки, Аркашка вынимал крючок изо рта рыбы и совал ее в несуществующий мешок. Это зрелище превращалось в подлинную галлюцинацию и осталось (по крайней мере, для меня) незабываемым...» [ЮА].

...И ДРУГИЕ ИСКУССТВА

Другие искусства не столь плодovitы в этом году, как литература и театр. Но и на них атмосфера переходного времени влияет заметно.

Живопись.

Открывшаяся 8 января 1924 года выставка петроградского филиала АХРР, Ассоциации художников революционной России, времени соответствует «на все сто». Не случайно констатируют «Известия»:

«Петроград впервые видит действительный быт фабрик и заводов. Здесь: электрификация деревни, создание Волховстроя, литье чугуна, работа красных директоров <...> Необходимо констатировать, что наши художники за последнее время сдвинулись с мертвой точки, перейдя от буржуазного творчества к изображению подлинного быта и жизни трудящихся» [ЗС].

Эти столь своевременные работы уже в конце января были отправлены в Москву — на общую выставку АХРР.

До поры до времени власти считают вполне революционным и Казимира Малевича. В 1924 году Казимир Северинович — директор Государственного института художественной культуры (сокращенно он зовется ГИНХУК и помещается на Исаакиевской площади, тогда площади Воровского). Под крылом Малевича трудятся Владимир Татлин, Михаил Матюшин и другие авангардисты. Впрочем, сам Малевич в своих записных книжках 1924-го пишет насчет революционности осторожно:

«Вожди, стараясь подчинить искусство своим целям, учат, что искусство можно разделить на классо-

вые различия, что существует искусство буржуазное, религиозное, крестьянское, пролетарское... В действительности происходит борьба двух классов, и у той и у другой стороны есть то искусство, которое отражает и помогает тому и другому... Ну, а новое беспредметное искусство ни тем, ни другим не служит, оно им и не нужно» [ВМ].

Последние слова — по сути, предсказание будущей судьбы супрематизма Малевича в советской стране...

Но вот и вполне буржуазное творчество: 1 июня в Аничковом дворце открывается выставка группы художников «Мир искусства» — вернее, остатков группы «Мир искусства». Экспонированы работы Бенуа, Добужинского, Кустодиева, Петрова-Водкина, Остроумовой-Лебедевой, Чехонина — всего около трехсот полотен. Чистый доход от выставки направляется обществу «Долой неграмотность»; билеты стоят от 1 рубля 20 копеек (в день открытия) до 10 копеек.

На открытии этой выставки народу немало и никто еще не знает, что экспозиция в Аничковом — последняя для «Мира искусства». Впрочем, нет, финальные аккорды витают в воздухе: не случайно один из первейших «мирискусников» Александр Бенуа 19 апреля 1924-го завершает рукопись «Возникновение “Мира искусства”», где подводит свой итог жизни объединения.

Вообще же Бенуа руководит в тот год картинной галереей Эрмитажа; это в 1926 году он отбудет в Париж — навсегда. В отличие от него Мстислав Добужинский, один из самых деятельных «мирискусников», покидает Ленинград и Россию как раз в 1924-м. 19 ноября товарищи устраивают ему торжественные проводы;

первого декабря с Варшавского вокзала художник отбывает из города...

И еще о живописи. В числе выставок года — экспозиция репинских работ в Русском музее, открытая по случаю 80-летия художника (выставлено 178 работ; за четыре месяца выставку посетили 11 тысяч человек). По городу ходят слухи, что сам Илья Ефимович вот-вот вернется в Россию — слухи неверные...

Музыка.

Главная потеря года — первый руководитель питерской Филармонии и главный дирижер Мариинского театра Эмиль Купер. Уехав за границу в отпуск, он и не думает возвращаться. В печати то и дело появляются критические замечания в его адрес (когда же вернется!), но потом всем становится ясно: никогда.

Тем временем начинает наведываться в город еще один дирижер — немец Отто Клемперер. Первый его концерт проходит в ноябре и имеет огромный успех. «Выступивший в последнем симфоническом концерте дирижер Отто Клемперер был предметом давно невиданных оваций. Это, бесспорно, один из крупнейших дирижеров современности...» — цитата из отклика «Ленинградской правды» 12 ноября 1924 года. «Красная газета» о том же: «Большой зал Филармонии был свидетелем внушительнейшей, давно у нас неслыханной овации» [КГ:8.11]. После этого Клемперер становится желанным гостем в Ленинграде; он будет приезжать сюда многократно...

Из прочих музыкальных событий года отметим неоднократные и триумфальные концерты в Филармонии еще одного (будущего, с 1925 года) эмигранта — пианиста Владимира Горовица. «Публика, перепол-

нившая зал Филармонии, неистово выражала свои восторги» [МТ:№19]. Вот и мнение музыканта: «Творчество этого юного виртуоза было на недостижимой высоте. Он обладал пленительным по красоте звуком <...> Успех Горовица был феерический, где бы и сколько он ни играл. Попасть на его концерт считалось редкой удачей» [МР]. Не удивительно, что любые слухи о Горовице схватывались на лету. В начале февраля, например, заговорили о его... кончине. «Слухи о трагической гибели молодого пианиста появились в Ленинграде еще в субботу вечером <...> Об этом говорилось в театрах и концертах» [ВКГ:5.02]. Выяснилось, однако, что Горовиц всего-то болел воспалением легких, отчего отменил некоторые концерты — и слухи не имеют под собой оснований...

Вот отличие от Горовица другой даровитый пианист — Дмитрий Шостакович — вынужден подрабатывать в кинотеатрах: «иллюстрировать» тогдашние немые фильмы. В октябре 1924-го он устраивается в «Сплendid-палас» (нынешний киноцентр «Родина»); впрочем, там он удерживается не слишком долго. Изредка он выступает с концертами — с успехом...

Закончим о Филармонии. Она несет убытки; для покрытия их уже второй сезон дает летние концерты в Саду Отдыха (он же сад Аничкова дворца). В 1924-м там необычайно быстро — за пять недель — строится крытый театр на 1300 мест; там по договору с Филармонией начинает выступать «Музыкальная комедия». Оперетта прибыльнее классики...

Цирк.

Знаменитый цирк на Фонтанке к 1924 году увял окончательно: группа артистов, взявшая над ним уп-

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЦИРК Телефон № 162-64. Начало в 8 час. 00. Касса открыта с 3-х ч. дня до окончания пред- ставления.				Со вторника, 11 по воскрес., 16 марта Неделя новых мировых гастролеров			
* МИРОВОЙ АТРАКЦИОН * 8 ЛЕОТАРИС 8 «Кадриль в воздухе».							
Е. И. М. МИШЕЛЬ эксцентрики.		МОЖАРОВ И ЧАЛИ комический пассаж. ДЖОН ГАСТОН виртуоз на роликах.		ФРАНЦ, ФЕРРИ, КОКО комики.			
ЗОЛЛО лучший русский дрессировщик.		5 ТАФАНИ единственные в С.С.С.Р. акробаты.		ЖЕННИ ЕГЕР мировая жонглерша			

Реклама 1924 года

равление, с проблемами не справляется. Москва решает взять ситуацию под свой контроль и цирк национализировать; директором приглашают известного дрессировщика и наездника Вильямса Труцци.

Тут все сложилось как нельзя лучше. В середине 1924-го Труцци приезжает в Ленинград; интенсивная подготовка к новому сезону — и уже осенью цирк возвращает себе популярность. Такой скоростью многие были удивлены:

«Цирк неожиданно ожил <...> Текущая программа состоит почти сплошь из первоклассных номеров; в этом смысле можно даже сказать, что она страдает перегрузкой: публика устает удивляться, и последние номера, как всегда, самые боевые, принимают ее слишком холодно (относительно, конечно!)» [ВКГ:24.11].

Кино.

Впрочем, даже вернувшему себе успех цирку далеко до другого вида искусств — в глазах государства важнейшего. Почему «из всех искусств для нас важнейшим является кино»? Газетный репортаж об откры-

тии в 1924 году кинотеатра «Великан» приоткрывает смысл ленинской фразы:

«Изголодавшаяся по хорошей, первоэкранной фильме, огромная трехтысячная толпа бурно вливается в зал. Трещат двери, дребезжат разбитые стекла и мелкими щепками рассыпаются вновь выкрашенные заботливо рамы. В углу пронзительно кричит кто-то, прижатый толпой... И единственное, что примирило публику и с беспорядком, и с невероятной духотой в зале — это прекраснейшая фильма...» [ВКГ:18.08].

Да, кино у публики пользуется ошеломляющим успехом — оно просто, доступно, понятно всем, даже неграмотным. Значит — безотказное средство агитации и пропаганды.

Одно только неладно: в ту пору в ходу не отечественное, политически правильное кино, а заграничное, голливудское и европейское. Вот и в «Великане», открытом 15 августа в помещении Народного дома имени К. Либкнехта и Р. Люксембург, первым делом показывают американский «Остров погибших кораблей». Среди других популярных новинок 1924-го — «Нибелунги» великого режиссера Фрица Ланга, «Багдадский вор» с Дугласом Фэрбенксом. Последняя картина даже попадет у нас в фольклор, во много раз перелицованную песню с неизменным куплетом:

Я Мишу встретила на клубной вечеринке,
Картину ставили тогда Багдадский Вор,
Ах, очи карие и желтые ботиночки
Зажгли в душе моей пылающий костер...

Впрочем, и наши уже снимают — спешат восполнить досадный пробел. В городе аж три кинофабри-

„ПАРИЗИАНА“
Пр. 25 Октября, 80.

Со вторника,
1-го апреля

ОДНОВРЕМЕННО I и II серии—13 частей,
Исключительного, захватывающе-интересного фантастического кино-романа

„НЕВЕСТА СОЛНЦА“

в 4-х сериях, 25 частях
с участием королевы американского
экрана, бесстрашной
РУФЬ РОЛАН.

Спец. музык. иллюстрация, исполняемая
усиленным оркестром под управл.
А. В. Штеймана.

Начало сеансов: 1-го—в 8 ч. веч., 2-го—в 10 ч. в.,
в праздники 3 сеанса: 6, 8, 10 ч. веч.

ки! Крупнейшая — «Севзапкино» (нынешний «Ленфильм»); ее продукция включает в себя не только художественные ленты, но и хронику: за одно первое полугодие 1924 года она снимает 157 документальных фильмов.

(Тут, кстати, впервые случается конфуз: в апреле в одном из кинематографов, где показывали хронику, «муж на экране увидел свою жену гуляющей под руку с молодым человеком» [ВКГ:19.04]. Поскольку супруги были на сеансе вместе, вспыхнула ссора, затем переросла в потасовку — и «с большим трудом администрации удалось вывести из зрительного зала дерущуюся парочку».)

Среди картин 1924 года, снятых на «Севзапкино» — «Микроб коммунизма», «Красные партизаны» («большая историко-революционная художественная картина», где занято до 20 тысяч человек), «Руки прочь». А 19-летний Григорий Козинцев стал в 1924-м самым молодым режиссером отечественного кино, сняв на «Севзапкино» вместе с Леонидом Траубергом «Похождения Октябрины».

Другие две кинофабрики не столь заметны. «Кино-Север» (снимающий тоже и хронику, и художественные картины — в числе которых «Сердца и доллары», «Самый юный пионер») в июле вливается в «Севзапкино». Ленинградская фабрика «Госкино» (начавшая работу в феврале 1924 года) дебютирует агитфильмом «Путешествие трудовых копеек»; она делает упор на хронику.

Кстати, в том же 1924-м рождаются и первые ленинградские мультфильмы — «Семь лет Октября» и «Алименты», снятые с участием Пролеткульта...

Интересует ли зрителя отечественное кино? Вот красноречивый пример: в самом начале 1924 года большим успехом пользуется новый историко-революционный фильм «Дворец и крепость». Его показывает монопольно одна «Паризиана» — и ажиотаж такой, что на премьере присутствует конная милиция...

Напоследок одна лишь цифра. В 1924 году, мы помним, в театры Ленинграда куплено было 1 953 000 билетов. А вот в кинотеатры — около шести миллионов. Да, из всех искусств...

«ЧАЙКА», НЕСУЩАЯ ГИБЕЛЬ

И все-таки особый для 1924 года вид искусства — балет. Художественных триумфов танцорам этот год не принес; в балетную летопись вошел он по иной причине. Из-за разного рода бед и неурядиц, преследовавших это безобидное во многих отношениях искусство. Даже приметные факты способны впечатлить.

В конце января газеты сообщают о происшествии с балериной бывшей Мариинки (в театре с 1909 года) Еленой Люком. Выступая в Москве, она порвала связки на левой ноге: травма нешуточная. Разумеется, представления отменили, а Люком заменили дублерами...

В апреле ленинградская милиция расследует убийство. Жестокое, бессмысленное. Выясняется, что одна из соучастниц преступления — 19-летняя балерина, ученица балетной студии Ивана Чекрыгина А. Воронова-Завьялова. Суд приговорит ее «за укрывательство» к четырем годам условно...

В мае 1924-го в Ленинград из Пскова едет Айседора Дункан. По пути автомобиль попадает в канаву, у Дункан — сотрясение и «ушиб правого глаза»...

Наконец, пресса сообщает о расследовании происшествия, случившегося еще 11 декабря 1922 года: тогда на улице Халтурина милиционер Пикелев застрелил студента А. А. Спесивцева. Убил случайно: принял его за другого человека, бросившего на тротуар подозрительный узел. Следователи размышляли долго и пришли к выводу, что «в данном случае произошла ошибка» [ВКГ:28.02]. Погибший студент — брат примы Мариинского театра Ольги Спесивцевой...

Но и этого мало: пик балетных бед наступает только в июне, и тогда о себе грозно напоминает Нева — кажется, впервые в этом году.

...День 16 июня 1924 года начинался безоблачно. Ленинградский техник Клемент (но вот уже первая загадка: Клемент, Клемет, Климец — так по-разному именуют его газеты), бывший «военмор», занимавшийся ремонтом моторных лодок, пригласил своих знакомых прокатиться с ветерком на одной из них, недавно отремонтированной. Уселись в лодку у Аничкова моста, поплыли по Фонтанке в направлении Летнего сада — к Неве: увы, путь был перегорожен баржей. Повернули назад — к Калинкину мосту.

Беспечной, однако, прогулку не назовешь: вскоре подвесной мотор лодки стал перегреваться — непорядок! Начали заниматься мотором, охлаждать его, да и увлеклись этим; лодка тем временем выплывала уже из Фонтанки к фарватеру Невы.

Тут все и произошло.

На следующий день газеты оповестили читателей о трагедии в устье Невы. Около 17 часов лодка с пятью пассажирами попала под пароход «Чайка», следовавший в Кронштадт. Приводили слова капитана «Чайки» Хейнонена: он трижды давал свистки, но на лодке не обращали внимания на сигналы, и пошли пароходу наперерез. Даже команда Хейнонена «полный назад» не помогла: нагруженный пароход шел по течению...

Из пассажиров затонувшей лодки спасти удалось только троих. Одним из погибших стал сам Клемент. Второй была 21-летняя балерина Академического театра оперы и балета (Мариинки) Лидия Иванова. («Рассказывали, что тонувший инструктор Клемент поплыл к Ивановой, чтобы ее спасти, но она вцепилась ему руками в горло и они оба пошли ко дну» [ВКГ:2.07].) Тела их найдены не были — ни в тот день, ни днем позже, ни через неделю, когда нанятые театральным руководством водолазы потратили на поиски несколько часов; предполагали, что они остались под «топляком» — в этой части Невы было множество затонувших барж...

Лидия Иванова. В ту пору об этой молодой балерине говорили постоянно. Дебютировав на мариинской сцене в 1921 году, она не успела еще станцевать главных партий — но и без того карьера ее производила ошеломляющее впечатление.

«Какое это было замечательное существо <...> Маленькая, с высоким лбом, с чистым, ясным лицом без морщин и без их возможности, глазастая <...> вся — как нарисованный этюд для альбома будущей великой артистки, она с большого разбега взвивалась на

высоту» [ЛИ], — вспоминал критик и балетоман Аким Волюнский. Танцор Михаил Михайлов говорил о той же высоте проще:

«Ее главными профессиональными достоинствами были высоченный прыжок и огромный шаг: Лида владела искусством подчинять себе воздушную стихию» [ММ].

«Кость от кости, плоть от плоти, любимой дочерью балета была Л. Иванова» [ЛИ], — это уже свидетельствует Михаил Кузмин, поэт и тоже поклонник балетного искусства.

Но не только артистические способности обеспечили ей особенную любовь публики. Воспоминания актера БДТ Геннадия Мичурина приоткрывают тайну ее обаяния: «Многие прекрасные актеры оставляют нас холодными, а вот тот из них, кто трогает наше сердце, задевает нас как человек, а не только как актер, становится близким, родным. Так Петроград полюбил свою Лидочку...» Фанатичные поклонники появились у нее уже в первое полугодие актерской жизни. Но она больше ценила общество друзей — в число которых входили Михаил Зощенко, Геннадий Мичурин, поэт Николай Асеев...

По словам писателя Николая Никитина, «в городе нашем ее звали просто Лидочкой <...> И она стала в нем совсем своей, совсем близкой — от литературной или актерской компании до балтфлотских казарм» [ЖИ: №27]. Он поведал и такую вот историю, случившуюся вечером рокового дня:

«В ночном трактире “Золотой якорь” — на Васильевском острове, где на эстраде играл обычно оркестр из слепцов — произошел такой случай <...> Чужих

там мало, только свои — из порта и моряки с судов, да за отдельными столами на отлетах еще не засыпавшиеся бандиты.

Вот там матрос — с разноцветными клеймами на груди — подошел к оркестру и спросил слепого дирижера:

— Товарищ... Сыграй “Вы жертвою пали”.

И дирижер, не мигая белыми зрачками, сухо спросил моряка:

— По артистке погибшей, что ли...

Моряк коротко, будто он на палубе корабля, отрезал:

— Да.

— Так я сыграю тебе Шопена!

— Ну, валяй, чего сам знаешь!

И матрос вернулся к столику и цыкнул на соседей:

— Заткнитесь! В память артистки будут играть сейчас!

Кабак выслушал траурный марш слепцов молча...».

Любовь публики, однако, не защищала Лидию Иванову от ревности коллег.

Непростые отношения связывали ее с тогдашней примой театра Ольгой Спесивцевой. Дружба? Кажется, да. Соперничество? Безусловно: однажды юная Иванова затмила Спесивцеву в балете «Корсар» — так, что «все вдруг кругом померкло, кроме ее одной» [ЛИ] (Да и вообще: «участие этой юной танцовщицы-актрисы даже в небольшом эпизоде спектакля обычно составляло серьезную конкуренцию для исполнительницы главной роли. Шумные овации зрителей, сопровождавшие вариации Ивановой в “Корсаре” и “Спящей”, не раз обескураживали Спесивцеву и Люком — Медору или Гердт — Аврору...» [ММ].)

Вражда? А вот здесь одни догадки и слухи...

Слухов в жизни Ивановой хватало всегда. Волынский после ее смерти произнес то, о чем думали многие:

«Эту девочку, с первых шагов ее по артистическому пути, окружала трепетная атмосфера <...> Воздух дрожал кругом как бы от встревоженного шопота, от испуганных самолюбий, от растущей зависти, от потрясаемых репутаций <...> Начиналась эпоха интриг, готовились яды, точились флорентинские кинжалы. Слишком все это близко в настоящую минуту, чтобы назвать по именам людей и вещи. Если бы Лида Иванова упала на сцене, во время танца, я первый подумал бы, не подстроено ли это падение искусственно, враждебною рукою, как это иногда случается на театральных подмостках» [ЛИ].

Имена были-таки произнесены. Обстоятельства трагедии способствовали этому не в малой степени. Тело исчезло бесследно — отчего? Почему злополучная лодка, которая, по словам капитана Хейнонена, вначале стояла на месте — по приближении «Чайки» вдруг двинулась пароходу наперерез? Как случилось такое нелепое столкновение: ведь нельзя же и вправду было не заметить сигналящий пассажирский пароход!

Загадки беспокоили многих; простые объяснения казались расстроенным балетоманам слишком простыми. Мысль о том, что собравшиеся на лодке могли быть навеселе, казалась недостойной внимания. Сожражение о том, что в те дни вообще тонули нередко, отбросили за ненадобностью. (Вот, между тем, еще более вопиющий случай от 18 июня того года: «Вечером, катаясь на лодке, по Фонтанке против д. 144 упали в воду г. Зайцев и г. Лурье. На крики утопав-

ших подоспели пожарные Госзнака, вытащившие из воды Зайцева. Г. Лурье утонул» [ВКГ:19.06] — и это на Фонтанке, где тонуть-то особо негде! А 18 августа того же года буксир на взморье налетел на лодку — и двое из пятерых ее пассажиров утонули: полное повторение случая с Ивановой!).

Но молва стала искать виноватых. Тут уже вспомнили обстоятельства театральной жизни Ивановой: «трудно жить на свете, когда сто сердец желают вам гибели» [ЛИ].

Первое имя было поэтому очевидным — Спесивцева. Она была близка с Борисом Каплуном, одним из деятелей новой власти. Неужели же он не помог бы устранить соперницу своей пассии? Оснований под этой версией, кажется, нет никаких — да и случай с несчастным братом Спесивцевой, и почти двухлетнее следствие по нему вряд ли свидетельствуют о ее близости ко «внутренним органам». Кроме того, забывают главное: еще весной 1924-го Спесивцева уехала из России — и за неделю до трагедии пресса сообщала (с опечаткой в отчестве танцовщицы): «Состояние здоровья балерины О. П. Спесивцевой, находящейся сейчас в Италии (близ Генуи) несколько улучшилось. Тем не менее, по совету врачей, она не вернется в Ленинград до наступления зимы» [МТ:№22]. Она не вернулась — никогда...

Другая версия, не менее экзотичная, винила в смерти балерины сотрудников ГПУ. Иванова, возвращавшаяся в разных кругах, общалась и с сотрудниками все-сильной организации. Может, она узнала тайну, не предназначавшуюся ее ушам — затем и стала разбалтывать секрет? Вот и убрали ненужного свидетеля...

Питерские киношники, снявшие недавно фильм о Спесивцевой, походя объединили обе версии в одну: Каплун-де знал о готовящемся убийстве, но поделаться ничего не мог: душой была Лидочка, болтала много...

Столько сломано копий в защиту этих версий, что и вправду подумаешь: не может дым быть без огня. Да вот беда: те, кто убежден в насильственной смерти Ивановой, противоречат друг другу в десятках мелочей. По словам одного из авторов, «погибшего» Клемента видят вечером после катастрофы в ресторане. Но другой современник моториста в ресторане не замечает: пируют лишь удачливые соучастники прогулки (почему бы не отметить спасение?). Кто-то пишет, что Лидочкино тело нашел на дне реки нанятый водолаз, и, конечно, голова ее была прострелена. Но уж слишком литературен этот рассказ! Коллега Ивановой по сцене вспоминает: капитан Хейнонен проговаривается о каких-то нестыковках — но замечает слежку и умолкает. А другая балерина, слушавшая тот же рассказ, записывает иначе — и нет тут никаких странностей, никаких нестыковок...

В вышедшей в 1927 году книге «Лидия Иванова» все тот же Аким Волинский высказывается осторожнее: «Я готов верить, что мотор на фатальной лодке действительно испортился. Но я бы не удивился, если бы, при ином составе пассажиров и при других обстоятельствах, катастрофа не была бы случайною» [ЛИ]. Но статья его об Ивановой называется «Адриенна Лекуврер»: не без подтекста — той ведь, как известно, поднесли отравленные цветы...

Загадочная гибель Лидии Ивановой нашла отражение в русской литературе. Михаил Кузмин напи-

сал целых три стихотворения, связанных с ней. В одном из них он намекает на «спесивцевскую» версию истории:

<...>

Уносится тайком чужой портфель,
Подносится отравленная роза,
И пузырьками булькает со дна
Возмездие тяжелым водолазом.
Следят за тактом мертвые глаза
И сумочку волною не качает

<...>

В этих туманных строчках зашифровано, кажется, все: и Адриенна Лекуврер, и месть соперницы, и сумочка Ивановой, которая действительно осталась после этой прогулки и была возвращена ее родителям (об этом вспоминает Геннадий Мичурин)...

Между прочим, вдова погибшего техника Клемента подала в суд на Северо-Западное речное пароходство, которому принадлежала «Чайка». Свой ущерб в связи с потерей мужа она оценила в 1080 рублей...

А журнал «Жизнь Искусства» скорбно заметил в связи с гибелью Ивановой: «Смерть не могла более жестоко наметить свою жертву. Она вырвала из балетной труппы ту молодую силу, на которую возлагали больше всего надежд» [ЖИ:№26].

Балетная труппа понесла в те дни не одну эту утрату. В первые дни июля Ленинград покинули — навсегда — несколько танцовщиков, и в их числе Георгий Баланчивадзе, будущий Джордж Баланчин...

ИЗ ЗАЛА СУДА

Драматическая история Лидочки Ивановой напоминает о том, что нам давно уже пора перейти к делам милицейским и судебским. Для затравки можно привести дневную хронику правонарушений — скажем, от 14 июля: за сутки «краж без взлома совершено 32, фабрик самогонки обнаружено 2. Драк и дебошей произошло 20» [ВКГ:15.07]. Хорошо, хоть без убийств обошлось, а то ведь они в Ленинграде бывали достаточно часто. За год — по статистике — 169 раз.

И какие случались убийства! Газетные заголовки впечатляют: «Зверское убийство с целью грабежа», «Тайна труп в мешке», «Кровавое побоище», «Кисть руки на льду Фонтанки», «Детский трупик в пакете», «Страшная находка».

Последний заголовок относится к ужасающей истории: 23 июля «части трупа, ноги которого были найдены в пакете на площадке вагона трамвая, а туловище с руками, но без головы в корзине в зале 3 класса Окт. ж.д., были осмотрены судебно-медицинским экспертом... Экспертиза показала, что туловище и ноги принадлежат одному и тому же человеку» [ВКГ:24.07]; через несколько дней, кстати, нашли и голову — на Каменном острове, близ Березовой аллеи, тоже в свертке; еще через несколько дней установили личность погибшего — некто А. А. Горбачев, служащий Управления спальных вагонов прямого сообщения; наконец нашли и убийцу; вся история уложилась в двадцать дней.

Увы, преступность процветает.

Хулиганство, например, признано серьезнейшей

проблемой; на его счету 16,5% всех заведенных милицией уголовных дел. Причина проста — «зеленой молодежи» нечем занять себя. Вот и развлекаются:

«Ломают окна. Привязывают извозчиков. Закрашивают вывески. Вырезают электрические звонки. Выковыривают торцовые плитки из мостовой. Дают пожарные сигналы. Берут лодку под залог просроченного свидетельства об окончании всевобуча за 1920 год и угоняют ее на взморье. А не то — если нет ничего лучше — терроризируют несчастную “девицу”: <...> со спокойной наглостью отбирают у ней ее грошовую, жалкую, подлую, позорную выручку» [ВКГ:16.05].

Особенно разгулялись хулиганы в общественных садах:

«На первом месте по распространению хулиганства стоит Петроградская сторона, где находятся Александровский парк, сад Народного Дома, Петровский остров, затем следуют Лиговка, Обводный канал, Екатерингоф, “Васина деревня” (В.О.), Стекланный сад и район бывшего Семеновского полка» [ВКГ:13.06].

Садовое хулиганство перетекает в преступления потяжелее: майское изнасилование девушки пятью молодцами в саду у Адмиралтейства — пример характерный. У Адмиралтейства, в самом центре города!

Хулиганство в 1924 году расцветает, как никогда, а вот бандитизм понемногу идет на спад. Еще в феврале 1923-го был убит знаменитый Ленька Пантелеев, и это событие несколько охладило боевой пыл налетчиков. Хотя сообщения о налетах все равно попадают на газетных страницах. Да и в литературе.

«Какая-то мрачная фигура вынырнула вдруг из-за угла и остановилась у фонаря.

— Что разорались? — тихо сказала фигура, подробно осматривая парочку.

Машенька в ужасе вскрикнула и прижалась к решетке.

Человек подошел ближе и потянул Васю Чеснокова за рукав.

— Ну, ты, мымра, — сказал человек глухим голосом. — Скидавай пальто. Да живо. А пикнешь — стукну по балде, и нету тебя. Понял, сволочь? Скидавай!

— Па-па-па, — сказал Вася, желая этим сказать: позвольте, как же так?

— Ну! — человек потянул за борт шубы.

Вася дрожащими руками расстегнул шубу и снял.

— И сапоги тоже сымай! — сказал человек. — Мне и сапоги требуются». (Михаил Зощенко, «Любовь», 1924).

Не часто такие происшествия заканчиваются счастливо, но случалось и такое: например, 31 декабря 1924 года «в Лесном у Политехнического института на старшего кассира кооператива “Политехник” Талонова тремя неизвестными было совершено нападение. Один из нападавших выстрелил Талонову в рот, но пуля каким-то чудом застряла в искусственной челюсти Талонова, который выплюнул ее вместе с пулей. Упав во время борьбы на упавший на землю портфель с деньгами, Талонов умудрился выхватить револьвер, который спугнул налетчиков» [КГ:1.01.1925].

Зарабатывают деньги не только налетчики, и зарабатывают на всем — в том числе и на деньгах. За один этот год чекисты раскрыли в Ленинграде несколько подпольных фабрик фальшивомонетчиков, снабжавших продукцией всю страну.

Бытовали и способы обогащения попроще, попривычнее. Кражи всех видов составляют половину питерских преступлений. У циркачки Гизеллы Чинизелли, например, пропали ценные вещи, золото и бриллианты. Выяснилось, что украла их «проживавшая у Чинизелли в качестве жилички бывш. графиня Стеблин-Каменская. У графини-воровки были обнаружены принадлежащие Чинизелли духи, что ее и выдадо. Стеблин-Каменская заключена под стражу».

Простодушные кражи вроде этой часты, но милиции куда больше хлопот доставляют не любители, а профессионалы. Начальник питерского угрозыска свидетельствует, что в городе — более 16 тысяч воров-рецидивистов. «Сошел почти со сцены случайный преступник и на смену ему пришел рецидивист “со стажем”. Преступник-кустарь заменился преступником профессионалом» [ВКГ:6.01.1925]. Причем в отличие от дореволюционных эти рецидивисты стали «дерзче, смелее... Прежде все было — из-за угла, сейчас — в открытую, очертя голову» [КП: №13].

Именно с такими ворами связаны два громких криминальных эпизода этого года.

Первый — дело о кражах со взломом: с июня по октябрь некие преступники взламывали один за другим сейфы и несгораемые кассы. Пострадали от их рук ювелирный, книжный и текстильный магазины, ленинградская контора «Известий ВЦИК», правления Электрического и Красочного трестов.

Улов взломщиков каждый раз был солидным, а больше всего им повезло 26 сентября, когда из сейфа Судостроительного треста они похитили 131 тысячу рублей.

Впрочем, эта кража стала для преступников роковой: благодаря показаниям сторожа уголовному розыску удалось выйти на след. Оказалось, что кражи совершает банда воров-рецидивистов во главе со взломщиком Жоркой Черненьким. Один за другим участники банды были схвачены; Жорку арестовали в пивной на углу Малой Конюшенной (тогда улицы Софьи Перовской) и Невского. Суд приговорил нескольких главарей к расстрелу — неожиданно суровый приговор, который можно объяснить только размахом взломов и тем, что пострадали от воров государственные учреждения.

Второе дело было раскрыто в результате эффектной операции. В сентябрьскую ночь из Музея купеческого быта 1840-х — 1860-х годов (был такой на Васильевском острове) украли картину голландца Рейсдала «Пейзаж с купой деревьев». Организаторов кражи нашли быстро, но они успели спрятать картину и все отрицали. А раз нет улик — нет и обвинения.

Тогда сотрудники угрозыска устроили настоящее костюмированное представление. В Европейскую гостиницу въехал англичанин Джон Латипак, который стал активно интересоваться старинными произведениями искусства. Через несколько дней рыбка клюнула: Латипаку предложили приобрести редкостную картину по сходной цене. Преступники не знали, что Латипак — на самом деле сотрудник уголовного розыска. В итоге Рейсдал оказался в руках милиции; как выяснилось, его прятали в полуразрушенном доме на улице Шкапина. Преступники были арестованы.

Чем же еще примечателен криминальный мир 1924 года? Хватает несунов, но и с ними милиция бо-

рется. «При выходе с Монетного двора был задержан рабочий П. Коровайчик, у которого в вещевом мешке оказалось 233 золотых кружочка, предназначенных для чеканки золотой монеты. Выяснилось, что кроме этого случая Коровайчику удалось вынести с Монетного двора еще 54 кружочка, которые он продал...» [КГ:23.09].

Неплохо поживился Коровайчик! А вот у двух музыкантов размах был поскромнее: после шефского концерта на табачной фабрике имени Урицкого «один из них втихаря набил табаком свою медную трубу, а другой проделал в барабане дырочку и весь барабан наполнил дорогими папиросами «Аллегро». Но не прошел им этот номер, зашухерили молодчиков!» [ВШ].

Проблему с несудами обсуждают регулярно, на многих предприятиях вводят личный досмотр работников. Правда, от этой неприятной процедуры некоторые категории граждан освобождены — и это почетное обстоятельство становится причиной новых краж.

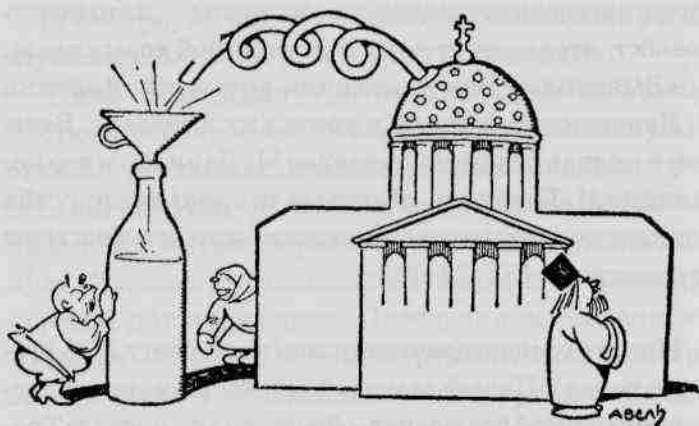
«Выяснилось, что кладовщик-артельщик фабрики И. Ларченко крал ткани и прятал их в подвале. Вечером в подвал спускались завхоз М. Данилов и его помощник И. Гаврилов, обертывали ткань вокруг себя и таким путем выносили, так как были освобождены от осмотра...» [КГ:23.09].

Много в городе самогонщиков (на их счету 11% уголовных дел). Целый самогонный заводик, принадлежавший некоей гражданке, обнаружили в подвале Троицкого собора; конфисковали за год 1980 ведер спирта и 1379 самогонных аппаратов. Удивляться тут особо нечему: самогон варили тогда с небывалым размахом —

боролись, так сказать, с сухим законом. И опять к слову приходится Зощенко:

«Состоя, конечно, на платформе, сообщаю, что квартира № 10 подозрительна в смысле самогона, который, вероятно, варит гражданка Гусева и дерет окромя того с трудящихся три шкуры <...> А еще сообщаю, как я есть честный гражданин, что квартира № 3 тоже, без сомнения, подозрительна по самогону, в каковой вкладывают для скусу, что ли, опенки или, может быть, пельсинные корки, отчего блюешь сверх нормы. А в долг, конечно, тоже не доверяют. Хушь плачь!» («Честный гражданин», 1924).

Милиция, как видим, боролась иногда весьма успешно. Вот, кстати, из хроники уже упомянутого 14 июля:

«К сведению самогонщиков. Самогонный аппарат новейшей конструкции! Справиться в Троицком соборе!» Карикатура из вечернего выпуска «Красной газеты». 12 января 1924 года

«За торговлю и хранение самогонки привлечено к ответственности 2, за неподчинение распоряжениям милиции 13, за появление на улице в нетрезвом виде 39, за уличную беспатентную торговлю 49 и за нарушение трамвайных правил 134. Арестовано по разным делам 68 человек» [ВКГ:15.07].

«Беспатентная торговля» — это пункт в списке нарушений, пользовавшийся тогда особым вниманием властей. Настолько особым, что боролись с нею при плотном содействии ГПУ. Шестого февраля «агенты ГПУ в сопровождении войсковых частей ГПУ и милиции <...> почти одновременно произвели обыск и арест 270 лиц» [ПП:7.02]. На следующий день в прессе было опубликовано поясняющее объявление:

«От Г. П. У.

В Ленинграде произведены аресты лиц, не имеющих определенных профессий. Арестованы следующие категории:

Шуллеров — 80 человек.

Злостных валютчиков — 40 человек.

Содержателей притонов — 20 человек.

Аферистов, т. е. работающих без патента и не платящих госналогов, — 105 человек.

Контрабандистов, торгующих наркотическими веществами, — 25 человек.

ГПУ закончит в течение одной недели дела об указанных лицах, после чего все они будут высланы из пределов гор. Ленинграда и губернии.

Лица, имеющие законные права на торговлю и платящие госналоги, могут работать без боязни, не скрывая своих торгово-коммерческих дел» [ВКГ:7.02].

Как видно, беспатентные «аферисты» составили наиболее заметную часть списка. А «патентованных» успокаивал вечерний выпуск «Красной газеты»: «Некоторыми напуганными обывателями был пущен слух, что начался поход против Нэпа. Это неправда! <...> Арестуется и высылается только преступный элемент...» [ВКГ:7.02].

Через две недели та же газета рассказывала об отправке омским поездом первой партии арестованных: «Они отправлены на Урал, где будут размещены по заводам и больницам для работы по специальности» [ВКГ:24.02].

Понятно, что при цветущей преступности и ударной работе милиции процессы в Губернском суде шли без перерыва. И публики на них хватало:

«Зал суда переполнен, в коридорах публика, на лестнице публика, в буфете, у дверей зала заседаний, даже на улице — публика. <...>

«Катанье на вейках». Карикатура из вечернего выпуска «Красной газеты». 1 марта 1924 года

Судят доктора; отца, убившего сына; женщину, задушившую ребенка; вора; взяточника; сводницу; бандита — все равно! — публика с одинаковым интересом следит за судебным следствием, волнуется, обсуждает, взвешивает данные, старается угадать решение Суда. Публика — пестрая.

Учащиеся, военные, рабочие, женщины в платках, врачи, “дамы”, подростки, старики, девицы с кавалерами и без кавалеров, торговцы, инженеры...

Кто-то, недовольный теснотой, замечает:

— Ходят, как в кинематограф, — благо бесплатно!» [ВКГ:6.02].

Расстрельные приговоры были не так уж редки: по делу ста двадцати девяти железнодорожников девять — взяточники и казнокрады — были приговорены к смерти. К расстрелу приговорили и трех взяточников из Гублесотдела. Наконец, громкое дело слушалось в городе выездной сессией Верховного Суда РСФСР: во взятках обвинялись не только нэпманы, но и вступившие с ними в сговор следователи и судебные работники. Обвинителем был Андрей Вышинский: «Не надо забывать, что революция продолжается. Буржуазия, которая раньше выступала открыто, обходит теперь с тыла <...> Если мы не задушим ее, она задушит нас» [КГ:23.05]. Тут к расстрелу приговорили сразу семнадцать человек...

Расстрел ждал и многих «политических» — но их дела зачастую рассматривались не Губернским судом, а трибуналом. Еще до августовского ареста Бориса Савинкова (а он-таки поверил в близость падения большевиков и тайком вернулся в страну — тут

его и схватили) идет процесс «ленинградской группы савинковцев». Преступления их тяжки: они «громили волисполкомы, кооперативы, убивали, грабили, пускали под откос поезда» [ВКГ:23.06]. Ранним утром 25 июня председатель Военной коллегии Верховного Суда Василий Ульрих объявляет приговор: девять «бандитов, шпионов и изменников» [ВКГ:25.06] приговорены к расстрелу, еще 27 человек — к разным срокам заключения...

Тут надо пояснить: конечно, не все расстрельные приговоры расстрелами и заканчивались. Милосердие проявлял ВЦИК, другие органы власти — и высшую меру частенько заменяли годами заключения. И все-таки: по статистике, опубликованной недавно, в 1924 году в городе было расстреляно 177 человек [ВБ]. Печальный рекорд для тех лет: годом раньше расстреляли 63 человек, годом позже — 113...

Любопытная особенность: к расстрелу тогда приговаривали виновных в преступлениях против государства, против рабочего класса. А вот к убийцам и прочим совершившим преступления против личности относились мягче. Об оправданных насильниках пролетарского происхождения мы уже вспоминали; примеров такого рода достаточно.

Вот одно из громких дел года — убийство доктора Льва Стуккея, известного еще до революции хирурга, заведующего отделением больницы в память 25 Октября. Вечером 29 мая студент-технолог В. Хозанович застрелил врача, считая, что Стуккей виновен в смерти его 14-летней сестры. Хирург оперировал ее от аппендицита, но операция дала осложнения, которые оказались роковыми.

Обстоятельства дела и вести из зала суда печатались во всех деталях; убийцу приговорили к десяти годам лишения свободы «со строгой изоляцией и с поражением прав на 5 лет». Десять лет за преднамеренное убийство — это достаточно мягко. А издательство «Практическая медицина» выпустило тогда в свет книгу профессора Н. И. Ижевского «Дело об убийстве хирурга Л. Г. Стуккея», доход от которой был направлен на помощь семье погибшего врача...

Все это мы о преступлениях, совершенных в том самом 1924 году или около него — но ведь пролетарский суд сроки давности не очень-то уважал. «Предателей рабочего класса» карали беспощадно — невзирая на то, как давно предательство было совершено. Бывший агент охраны Стрельченко, уличенный в том, что в 1915–1917 годах продавал интересы рабочего класса за 30 рублей в месяц, был приговорен к расстрелу. Такие приговоры ждали и других сотрудников охраны...

Особое место среди «историко-политических» процессов заняло дело провокатора Ивана Окладского, арестованного петроградским ГПУ 24 января 1924 года. Приговоренный еще в 1880 году к смерти за участие в покушениях на царя, он спас свою жизнь ценой предательства товарищей. После этого он долго сотрудничал с политическим сыском; после революции затаился и жил под фамилией Петровский. Попался на глупости: поступив служить на завод «Красная Заря», указал в анкете, что был членом партии «Народная воля» и сидел в Петропавловской крепости два года. Внимательных коллег запись насторожи-

ла; в числе народовольцев Иван Александрович Петровский не значился. Тут подключилось ГПУ; найденные документы позволили идентифицировать Петровского с Окладским. В мае пресса сообщила о состоявшемся аресте; после этого следствие стало набирать обороты. Состоявшийся в 1925 году в Москве публичный суд приговорил 65-летнего Окладского к расстрелу.

Впрочем, его помиловали: на сей раз из снисхождения к возрасту и давности преступления — и дали в итоге десять лет тюрьмы со строгой изоляцией. Как убийце доктора Стуккея.

Самое, наверное, безобидное преступление года — первоапрельское. В два часа ночи первого апреля кто-то сообщил пожарным об огне в Электротехническом институте на Аптекарском острове. Команды рванулись к месту, приехала милиция и... пожара, конечно, не обнаружилось. Зато нашли записку: «С первым апреля». Газеты сообщали, что «хулигана, позволившего себе такую возмутительную выходку, разыскивают». Разыскать было непросто: на 1 097 ленинградских пожаров 1924 года приходилось аж 367 ложных вызовов. И, кстати, еще 209 раз пожарных вызывали не совсем по делу — на несчастные случаи...

Ну, а самое «литературное» дело года — поистине зоценковское:

«13 рабочих семей в д. № 15 по Симбирской ул. сильно страдали от неуловимого вора, таскавшего дрова, сложенные во дворе за неимением сараев. Устанавливали ночные дежурства, караулили, высматривали — ничего не помогало. Тогда один из рабочих по

фамилии Разумов и инвалид труда Богданов врезали в лучшие поленья две медных трубки с порохом и положили поленья на видном месте. Результат не замедлил сказаться: в квартире некоего К. А. Алексеева, живущего в этом же доме, раздались один за другим два взрыва, от которых разнесло железную печку, а Алексееву, раздувавшему ворованные дрова, опалило все лицо» [ВКГ:6.03].

Напечатанная под заголовком «Жестокий способ», заметка эта не сказала ничего о последствиях дела для двух умельцев. А вот у Михаила Зощенко в рассказе «Поимка вора оригинальным способом» (канва которого совпадает с этой газетной историей) конец истории назидательный. Не только вор, но и «взрывники» попадают под суд — «поскольку нельзя же идти на такие чрезвычайные поступки»...

ДЕЛО № 4238

Но вот и еще одно дело, едва ли не самое громкое в 1924-м году. Связано оно было с проституцией, настоящим «бичом» двадцатых годов. Увы, промысел этот в городе процветал — еще в 1922 году питерская милиция насчитала здесь 32 тысячи продажных женщин (при том, что женская половина петроградского населения составляла тогда около полумиллиона человек). А в 1924-м председатель губернского совета по борьбе с проституцией врач Б. И. Иоффе сокрушенно признавал: «Сейчас проституция в Ленинграде развилась самым бурным, неограниченным потоком» [ВКГ:12.11].

Отчего такой «поток»? В подавляющем большинстве проститутки шли на панель из-за заработка. Малолетняя проститутка середины двадцатых получала от рубля до пяти в день: весьма приличный доход, особенно на фоне тогдашней безработицы!

Кто шел в проститутки? Приезжие крестьянки, фабричные работницы, некоторые даже из «бывших». Были и особенные случаи — можно процитировать красочный документ, составленный в августе 1923 года петроградским милиционером:

«При обходе своего района у решетки Екатерининского сквера я увидел нагнувшуюся гражданку с поднятой юбкой, и рядом с ней стоял гражданин, который произвел половое сношение с ней, при приближении к ним гражданин отошел в сторону, а гражданка выпрямилась и опустила юбку, за что мною оба означенных лица и были задержаны» [ЛШ].

Задержанная оказалась личностью вполне респектабельной — учительницей, состоявшей к тому же замужем за секретарем суда; причиной ее действий стало не стремление к заработку, а то, что она «обладает слабостью по отношению к замеченному» [ЛШ].

Особый разряд проституток составляли хипесницы. Вот описание хипесницы образца 1924 года со слов начальника уголовного розыска:

«Почтенная дама, пожилая, толстая, важная, в каракулевом пальто, в бриллиантах на пальцах, — и есть у нее муж, тоже почтенный гражданин <...> При хипеснице состоят 2–3 «барышни». «Барышни» по Невскому гуляют, ищут «фрайеров», мужчин, хорошо одетых, нэпманского типа. «Фрайера» приводят на хипесническую квартиру, — сейчас, первым делом,

его угощать, — самогон, пиво, кокаин — пожалуй-ста, не желаете ли? Через полчаса “фрайер” спит глубоким сном (хипесница хорошо умеет обращаться с морфием, хлороформом и прочими подобными вещами). Его раздевают — и выносят на улицу» [КН: №13].

В милицию такой «фрайер» не обращался: кому охота признаваться, что проводил время с уличной проституткой?

Разумеется, власти не терпели разгул проституции молча: борьба велась постоянно. Милиция гоняла публичных женщин с «мест работы»; административные меры простирались и до того, что их высылали из города. Но в конце 1923-го Москва распорядилась преследование проституток прекратить: по тогдашнему Уголовному кодексу преступлением считалось только сводничество.

Весной 1924-го ленинградская милиция решилась, наконец, перейти от борьбы с труженицами любви к работе с теми, кто вовлекает женщин в этот промысел и содержит притоны (а упомянутый Б. И. Иоффе пояснял позже: «мы боремся с проституцией как с социально вредным явлением, а не с ее жертвами — проститутками» [ВКГ:12.11]). Губисполком утвердил даже особый план по борьбе с проституцией, говоривший именно «об усилении борьбы с притоносодержательством, сводничеством, вербовкой женщин для проституции и т. д.» [ВКГ:11.06].

Тут и началось дело № 4238. Милиции удалось обнаружить сразу пять притонов для образованной пуб-

лики: среди посетителей их были «и врач, и владелец технической конторы, и заведующий пивной, и пианист, и артист, и юрист» [ВКГ:7.10]. Заведения были связаны между собой и даже обменивались проститутками. Настоящий ажиотаж вызвало то, что эти заведения были ориентированы на клиентов с садистскими наклонностями. Как писали газеты, в притонах «разврат происходил, главным образом, днем, причем мужчины принимались по рекомендации. Для привлечения новых посетителей иногда давались публикации в газетах о “массаже”, об “уроках французского языка для взрослых” и проч.» [ВКГ:1.10].

Но главное было даже не в пикантных подробностях. В дело оказались замешанными известные в Ленинграде люди. Массажистка Адель Тростянская, хозяйка самого деятельного из раскрытых «салонов на дому» (находившегося на проспекте 25 Октября /Невском/, 106), доводилась женой Дмитрию Голубинскому, популярному артисту Большого драматического театра. «Обладавший четкой дикцией и красивого тембра баритоном» [ГМ], он числился уже в первом составе БДТ; играл в «Гамлете» короля Дании, в «Дон Карлосе» Лерму, в «Слуге двух господ» Бригеллу, а также множество первых ролей в легких пьесках; был к тому же неслучайным членом месткома театра — общественник! Была и другая знаменитость в деле № 4238: постоянным посетителем притонов оказался журналист и писатель, в прошлом сотрудник «Сатирикона» Иосиф Львович Оршер, известный широкой публике под псевдонимом О. Л. д'Ор.

Желающих посетить слушания по делу № 4238 оказалась масса.

«Публика хлынула на Фонтанку. С утра здание Губсуда напоминает осажденную крепость. Атакующая здание публика лагерем расположилась вдоль по Фонтанке <...> Весь цвет обывательщины налицо. 80% женщин» [ВКГ:7.10].

Заседание, правда, оказалось закрытым — но публика не расходилась...

На скамью подсудимых попали не только семь сводниц, но и Голубинский (в ходе процесса его даже взяли под стражу), и девять мужчин-клиентов — по обвинению в «пособничестве» преступлениям. Даже в зарубежную прессу попали известия о том, что среди этих клиентов «было немало видных и ответственных коммунистов, вплоть до самого Оль д'Ора» [ДЧ]. Преувеличение, конечно, — хотя насчет О. Л. д'Ора сущая правда.

Ленинградская пресса с увлечением описывала детали процесса. Пестрели броские заголовки: «Ленинградские маркизы де-Сад», «Дело притонов разврата». Газетчики цитировали произнесенные на суде речи. Например, выступление общественного обвинителя Некрасова: «Мы увидели истинное лицо и истинные занятия буржуазной интеллигенции <...> Мы должны сказать здесь, что женщина не селедка, которую покупают за 5 коп. и, обглодав, выбрасывают в помойное ведро! Проституция — зло, которого и можно и должно избежать» [ВКГ:13.10]. В стороне от социальных мотивов не осталась тогда и защита — адвокат Рындзюнский вскрыл даже корни случившегося:

«В этом котле изуверства и садизма варилась та часть интеллигенции, которая не захотела и не сумела

сростись с Великой Революцией. Причину всех этих половых аномалий, этого полового азарта надо искать в той неудовлетворенности, которую испытывает эта часть интеллигенции, не находящая выхода своей энергии в производительном труде на пользу Революции...» [ВКГ:14.10].

Писали о самой Тростянской. О ее сподвижнице М. А. Микляевой, бывшей баронессе Крюденер — причем «по полученным следователем данным, баронесса Крюденер еще в дореволюционное время занималась сводничеством и привлекалась к ответственности за содержание тайных притонов разврата» [ВКГ:26.07].

И снова речи адвокатов: «Что такое проститутка? <...> Разве Екатерина II брала деньги с мужчин? А разве, тем не менее, ее нельзя назвать проституткой?» [ВКГ:13.10].

Да, адвокаты боролись изо всех сил. Требования обвинителей о высылке сводниц и их клиентов из города (в соответствии со статьей 49-й УК) они парировали дружно: «...Вот другой — 30 лет он холостяк, с точностью хорошего механизма бывает у женщин... Его наказать за это? Выслать?... Но я не вижу, за каким градусом широты испортится этот точный механизм?...» (адвокат Б. К. Ольшанский).

«Если применять ст. 49 по делам такого рода — боюсь, что город очень обезлюдит» (адвокат В. Н. Струве) [оба — ВКГ:14.10].

Особенные страсти разгорелись вокруг артиста Голубинского. Обвинение, по словам его адвоката, строилось только лишь на «правдоподобном предположении» — но ведь «он мог знать, что жена содержит притон, мог и не знать. И я верю, что он не знал, что она

скрывала от него свою страшную тайну...» [ВКГ:13.10]. Упрекали Голубинского в том, что он устраивал в помещении театра пьянки и вообще вел не слишком строгий образ жизни...

Приговор вынесли довольно суровый: сводницы получили от полутора до пяти (Тростянская) лет тюрьмы, а две из них были еще приговорены к принудительному лечению от сифилиса. Мужчин, правда, суд оправдал. Но Оршер удостоился особой «чести»: в приговоре он был охарактеризован «как представитель морально-разложившейся буржуазной интеллигенции, как лицо чуждое современности по своей идеологии и поэтому социально-опасное» [ЛП:15.10]. От того суд запретил ему жить в Ленинграде, Москве и прилегающих губерниях в течение двух лет.

Журналист не смирился. Сразу после суда он отправился в Москву; любопытная запись об этом имеется в дневнике Чуковского:

«Ольдор <...> пошел к сестре Ленина, Марье Ильичне. Рассказал ей, конфузясь: “про меня вот говорят, будто я ходил в дом свиданий”... Та пришла в ужас. “Тов. Оршер, мы вам доверяли, а вы ходили на свидания с эс-эрами и меньшевиками! Стыдитесь!” Так до конца и не поняла, что такое дом свиданий!» [ДЧ].

В Москве посетителю дома свиданий пришлось подзадержаться: Верховный суд РСФСР никак не мог принять окончательное решение по его делу. Кассационная коллегия высылку отменила, но председатель суда тут же внес протест. Потом пленум суда решил вернуть все на круги своя, поскольку связь Оршера «с данной преступной средой» установлена [СЮ:№50]. И все-та-

ки упорный журналист своего добился: сумел вынести вопрос аж на президиум ВЦИК, который и решил окончательно: «считать <...> высылку условной, дав испытательный срок в два года» [ВКГ:8.05.1925].

Карьера Оршера от скандала не особо пострадала. Очередная его книжка вышла уже в 1925 году. Он выпустил и еще немало своих сочинений...

Труднее пришлось на первых порах Голубинскому. Суд, хоть и оправдал его, но не преминул уличить артиста в аморальности. С таким пятном на репутации ему пришлось покинуть БДТ. Правда, без работы Голубинский не остался: его приняли в ленинградский Общедоступный и передвижной театр, а в 1928 году он уехал на Украину, где карьера его получила новый старт. Голубинский снимался на «Украинфильме» (в том числе в фильме Александра Довженко «Иван»), играл в театре Советской Армии — и стал народным артистом Украины, лауреатом Государственной премии СССР...

Между прочим, биографии обоих героев скандального дела № 4238 — и Голубинского, и Оршера — заняли почетное место в советских энциклопедиях, «Театральной» и «Краткой литературной». Но об участии их в скандальном процессе энциклопедии, конечно, не упоминают...

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

И вот мы увидели почти все стороны общественной жизни Ленинграда, но что-то осталось в стороне. Мелочи частной жизни. Чем живет обычный горожа-

нин, какие у него радости и горести, какие впечатления? Не только ведь государственными и городскими событиями определяется его настроение...

Сны — ответ подсознания на реальные события. Помнится, монархист Хворобьев в «Золотом теленке» жаждал увидеть что-нибудь из старого быта — но сновидения подносили ему одни картины социалистического строительства. А вот Корней Чуковский в конце 1924 года записывает в дневнике прямо противоположное:

«Снилась “вдовствующая императрица”, которой никогда не видал, о которой никогда не думал. Очень ясно: лицо с кулачок, старушка <...> А я беру Чукоккалу: “Ваше величество, дайте автограф”. Дело летом на даче. Солнце. Приснится же вздор — безо всякой связи с событиями».

Так ли уж «без связи»? Как раз в те дни Чуковский сражался с цензурой до изнеможения, да с «управдомскими» делами намучился немало — «телефон у нас выключают, электрические провода перерезывают, за квартиру требуют колоссальную сумму и налагают штрафы» [ДЧ]. Вот и подбросило ему подсознание образ бывшего благополучия и спокойствия...

«Управдомские» дела мучили не одного только Чуковского. Хотя бы потому, что как раз в 1924-м была введена новая система квартплаты, взявшая за единицу отсчета дореволюционную плату. Как заявлял на пленуме Ленсовета товарищ Евдокимов, «здесь строго проведена классовая линия. Рабочий платит по отношению к довоенной от 10 до 30 к. за 1 руб., лица свободной профессии по отношению к довоенной — за 1 руб. платят 1 1/2 рубля, нетрудовой элемент — по

соглашению с домоуправлением, но не меньше чем 2 р. 50 коп. за 1 руб.» [КГ:17.12].

Кто к какой категории относится, решали домоуправления, и рубили при этом сплеча (оттого и появлялись «колоссальные суммы»). Правления домов вообще володели и правили лихо; раздел «Жалобная книга» в вечерней «Красной газете» переполнен жалобами на нерадивые домоуправления и ленивых (или, наоборот, излишне ретивых) управдомов: кто чистоту наводить не хочет, кто воду на ночь отключает (из экономии), кто просто обязанностями манкирует.

К слову о тогдашних нравах: в дворовых сараях многих горожан обитала тогда живность. На Кирилловской, 14, например, жилец держал десятки кур, а на Кабинетской, 1, в сарае у жилья жил медведь. Если у кого живности нет, так ведь и прикупить не сложно:

«Под сводами Гостиного двора идет бойкая торговля “живым товаром”. Какие-то молодцы продают щенят и котят. <...> В последние дни, наряду с этими домашними животными, в продаже появились лисички, волчата и даже какой-то несчастный медвежонок» [ВКГ:3.04].

Но вернемся к подсознанию; известна пословица «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». Так что же на уме? Некто К. Заварин, сильно набравшись в пивной «Вена», «громогласно сообщал заведомо для него ложные слухи, возбуждающие недоверие к советской власти, называл ее еврейской и притеснительницей рабочих» [ВКГ:31.10]. Получил он за слухи — по суду — три месяца принудительных работ. А насчет ев-

рейской власти — это тема особая, не забытая многими и сегодня. В ту пору она муссировалась активно; в переписке ленинградцев 1924 года можно встретить такие пассажи: «Еврейское засилие абсолютное. Они всюду — в партии, на фабриках, на службах — всюду, где тепло и не дует, а где не платят месяцами жалованье, там их нет, там публика попроще» [ВИЗ]. Но вот что писала годом позже жена одного ленинградского служащего-еврея: «Абрам получает на службе 100 р. Занят <...> 12 и 14 ч. Работа адская <...> Приходится работать сверх сил, чтобы как-нибудь существовать. У нас ведь все безумно дорого. Как видишь, не все так блестяще на Руси...» [ВИЗ].

И еще о подсознании. «На афише одного из концертов в Саду Отдыха было напечатано: “Соло на апельсиновом рожке исполнит такой-то”. Очевидно, речь шла об английском рожке» [ЖИ:№28]. Замеченная журналом «Жизнь Искусства» опечатка вряд ли случайна. Апельсины — о них думают все! Весной 1924-го они впервые после революции заполонили город.

«Теперь все едят апельсины. Даже в фойе кинематографа вывешены аншлаги: “Воспрещается бросать на пол косточки и корки от апельсинов” <...> Мальчик с апельсином, извозчик с апельсином, маляр с апельсином, кассирша с апельсином... Все — с апельсинами! <...> И едят их многие из тех, кто до сегодня никогда их не пробовал...» [ВКГ:4.03].

Событие вроде бы и небольшое, но приятное. Утешает!

Впрочем, апельсин — диковинка; а вот привычное лакомство многих горожан — семечки. Еще в начале

двадцатых повальное увлечение семечками захватило петроградцев — и с тех пор оно не отступало. Отрывок из письма читателя в вечернюю «Красную газету» дает представление о ситуации: город захлестывал «целый поток, вернее, целое море подсолнухов. Семечками забавляются почти все <...> Наши сады превращаются, а некоторые уже превратились в склады шелухи. Все дорожки и скамейки садов покрыты ее толстым слоем» [ВКГ:10.07].

Семечки так надоели горожанам, что корреспондент той же «Вечерки», побывавший 5 июля в Доме Красной Армии и Флота, где проходил показательный «суд над Дантесом», воскликнул: «Здесь — было более тысячи человек — и ни одного семечка. Поймите это — и оцените, — ленинградец!» [ВКГ:8.07]. «Суд», кстати, успеха не имел: ведущий, журналист И. М. Василевский, не попал в ногу со временем.

Лакомясь семечками или апельсином, приятно послушать музыку. Это сделать несложно — даже в самом центре города, у Гостиного двора. На его галереях поют сразу несколько самодеятельных певцов:

«Вот в середине галереи стоит высокая, полная пожилая дама со следами бывшей красоты на лице и поет арию из “Травиаты”».

Немного дальше три старушки в элегантных, но уже обносившихся демисезонных пальто исполняют псалмы Давида.

А там, в самом конце галереи на ступеньках сидит молодая белокурая “хохлушка” с ребенком на руках и поет заунывные украинские песни о запорожской славе, о чумацкой доле и о вишневых садочках.

Поперед Дорошенко
 Веде своє військо, військо
 Запорожско хорошенько.
 Э-ах, хорошенько!

Некоторые украинцы, привлеченные звуками “рідної пісні”, останавливаются перед “жинкой”, и, давая деньги, заказывают ей:

— А ну, мамо, заспивайте-ко: “Де Крым за горами”.

Вообще эти гостинодворские миннезингеры имеют не только моральный, но и материальный успех у публики» [ВКГ:9.04].

Поющие дамы с псалмами, заметим, несомненно из «бывших».

Уличные заработки привлекают многих. Правда, «за последнее время с городских улиц совершенно исчезли ходившие когда-то по дворам акробаты, танцовщики и обезьянки на шарманках <...> Шарманку сменили певцы, исполняющие “самые модные” песни, романсы и куплеты, а акробатов и обезьянок заменили... дрессированные собаки» [ВКГ:6.02]. О репертуаре же уличных певцов, ходивших тогда по дворам, вспоминает мемуарист:

«Певцы исполняли что-нибудь такое, что “брало за живое” слушателей. Например, историю о том, как некто не смог воспротивиться требованию злодейки-мачехи, убил собственную дочь и потом ходил на ее могилу <...> Опять открываются окна, падают пятки» [ПБ].

Есть и более пространное воспоминание:

«Ленинградский летний полдень <...> В проеме подворотни возникают женщина и мужчина средних

лет; одеты они очень скромно, но не нищенски, — одним словом, люди как люди. По их наигранно-уверенной походке, по тому, как, едва войдя во двор, они устремляют взоры вверх, к окнам, мы тотчас угадываем в них бродячих певцов. Так оно и есть. Эти двое становятся посреди двора и начинают печальными голосами петь про “рыжего”, от которого ушла его возлюбленная <...> В окнах показываются взрослые обитатели дома — им тоже интересно, чем кончится эта история. А кончается она тем, что “рыжий”, занятый мыслями о своей коварной подруге, начинает плакать, слезы застилают ему глаза, он делает неверное движение, срывается под куполом цирка с трапеции и разбивается насмерть.

Действие следующей песни разворачивается «в при-тоне, полном вина, где тянут виски до дна».

Затем певица исполняет соло романс «Простой конец, простой несчастный случай...» Концерт вроде бы окончен. Мужчина снимает кепку и держит ее за козырек на вытянутой руке <...> Из окон начинают падать во двор завернутые в бумажки деньги; падают они гулко, весомо, мелочь тогда была еще медной, а не бронзовой; иногда белый комочек падает медленно и приземляется почти беззвучно: это значит, что кто-то расщедрился и завернул в бумажку серебряную монетку <...> У всех таких певцов, по-видимому, своя схема действий, своя этика, исключаящая когда бы то ни было вторичный заход в один и тот же двор, — ведь к тому же город огромен. Эти двое к нам не придут никогда» [ВШ].

Теперь о проблемах домашних и вечных, существующих при любых властях. Мы уже знаем стати-

стику тогдашней «Скорой помощи»: бытовые происшествия составляют большую часть вызовов. Тут и отравления, и драки, и телесные повреждения (парикмахер Юрченко, например, 7 сентября из ревности откусил своей жене нос!), и попытки самоубийства.

Самоубийц вообще в 1924 году в Ленинграде — 392. Зафиксирована и «техника самоубийств»: лидирует огнестрельное оружие, затем веревка, с некоторым еще отставанием яд — и уже потом более экзотические средства. Яд, кстати, предпочитают женщины. Мотивы самоубийств делятся на четыре примерно одинаковых группы: семейно-романтические (несчастливая любовь, ревность, ссора), «патологические» (болезнь), экономические (неудачи по службе, участие в растрате государственных средств) и «неизвестные».

Погода. Конечно, о ней горожане говорят постоянно, и за всякими ее проявлениями следят внимательно. Бывают и забавные природные явления: 11 августа «в 9-м часу вечера прохожие обратили внимание на густые клубы дыма, обволакивающие купол Исаакиевского собора. Была вызвана пожарная часть. Прибыл брандмайор. Оказалось, что иллюзию дыма производили тучи мошкары, кружившие вокруг купола» [ЛП:12.08].

И еще пара-тройка впечатлений, на сей раз обязательных — и не из приятных.

«На набережной Невы, в одном из лучших пунктов Ленинграда, на оставшемся от бывшего временного деревянного моста устое приспособлена выгрузка нечистот из бочек городского ассенизационного обоза в металлические барки. Рамкой для этой антисанитарной, некрасивой операции служат художест-

венные произведения великих зодчих...» [ВКГ:2.07]. Уточним: выгрузка эта велась у самой площади Декабристов, и притом — днем!

Вот еще картинка — в помянутой уже газетной «Жалобной книге» некто Калашников (подписавшийся «перевертышем» — Вокиншалак) не преминул пожаловаться:

«Повытаскали все, что имело какую-либо ценность, из казарменного здания на углу 8 Красноармейской и Крас. Коман. (т. е. Измайловского проспекта. — Д. Ш.). В результате здание превратилось в грандиозную общественную уборную. Ясно, что с наступлением весны придется далеко обходить этот дом, чтобы не наслаждаться “благоуханиями”, которые не замедлят себя проявить. Нельзя ли предотвратить такое удовольствие?» [ВКГ:12.04].

Скорее всего, удовольствие не предотвратили: не одно это место приспособили граждане для своих нужд. Строки из летних уже жалоб:

«По Рузовской ул. уд. № 1 находятся бывш. казармы и гаражи. Как те, так и другие, представляют из себя общественные уборные, широко используемые публикой. От испарений невозможно даже пройти мимо» [ВКГ:26.06].

К слову можно заметить, что вообще-то особых проблем с общественными туалетами в городе не было. Вернее, проблем не было с их количеством (что же касается качества, то газеты отмечали их «ужасное состояние» [ВКГ:14.02.1925]). Помимо стационарных каменных павильонов действовали и более эфемерные — металлические. «Эти уборные были сделаны очень экономно, из стальных листов, причем, где мож-

но, стенка не доходила до земли; ноги пользующихся были видны почти до колен» [ВП]. Кроме того, в очень многих городских домах были тогда свои туалеты со свободным входом. А если такового в доме не было, у входа в подворотню висела особая табличка: «Уборной во дворе нет» ...

Впрочем, тут мы уже вплотную подошли к рассказу о нашем главном герое — городе.

СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГ — НОВЫЙ ЛЕНИНГРАД

Город. Как живет ему?

Живется трудно: он только-только возрождается после нескольких прошедших лет. «Ленинград порасшатался, порастрялся, порастрепался, порассох, покривел, повыпер <...> Город облупился, мостовые оседают, набережные осыпаются» [ВКГ:7.07]. Категоричные слова — но, увы, правдивые.

Разруха привела к тому, что город заполнен зданиями, угрожающими «общественной безопасности» — иными словами, настоящими развалинами. Где-то дома уже рухнули — например дом на Екатерингофском, 65 — при этом «совершенно загородив своими обломками улицу» [ВКГ:21.07].

К разборке развалин и приступят в первую очередь. Летом срочная «сломка» ведется одновременно на семидесяти участках.

А в июльском номере «Ленправды» цитируется отзыв комиссии Госплана — о том, что «положение

канализации признано катастрофическим <...> Разрушение канализации подтачивает фундамент домов, разрушается облицовка каналов и набережных» [ЛП:6.07].

Вот еще одно следствие такого бедственного положения: в мае «в Троцке (бывш. Гатчина) вследствие прогнившей канализации провалилась одна из центральных улиц города на расстоянии 200 кв. саж.» [ВКГ:23.05]. Количество провалов и в самом Ленинграде росло с каждым днем: за один летний месяц их появилось 172 — правда, заделано было тогда же 335, но ведь оставалось к 1 июня незаделанными 837...

Вода в этом году положительно исполняет роль «злого гения» Ленинграда — не только прохудившаяся канализация разрушает улицы, но и сам водопровод плох, утечка из него громадна.

Ремонт торцевой мостовой на проспекте 25 Октября (Невский проспект). Фотография из Центрального Государственного архива кинофотодокументов

Впрочем, не все так мрачно. В ноябре 1924 года в дом № 96 по набережной Фонтанки поступила горячая вода от центрального снабжения. «Любопытно отметить, что от жильцов обслуживаемого станцией дома поступило несколько заявлений с указанием... на чрезмерную жару (18–19 гр.)» [ВКГ:25.11]. Это был первый в городе (или даже в стране?) дом, подключенный к тепловоду: вежа, за которой последует многое. Правда, в 1924-м население уповает все больше на дрова (вспомним еще раз зощенковский рассказ) — ими топили свои печки и отапливали жилища...

А работы по восстановлению городского хозяйства идут повсеместно — летом на них привлекаются пять тысяч безработных, получающих в день по 72 копейки (неплохо: обед в самой лучшей рабочей столовой стоит 25–27 копеек). Очищаются пруды, восстанавливается канализация, на улице Стачек сто тридцать три рабочих начинают разбивать парк (будущий сад имени 9 Января), благоустраиваются детские площадки, набережные и мосты. Укрепляют настил «шоссейной дороги» на поле Жертв Революции (Марсовом), которая идет вдоль Лебяжьей канавки. (Попутно: «На поле Жертв Революции закончен сенокос. Собрано 15 возов хорошего сена» [ЛП:22.07].) Газеты под заголовком «Восстановление Ленинграда» печатают отчеты о проходящих работах, хотя и жалуются: медленно!

Еще бы не медленно! Денег и сил на все не хватает, да и Откомхоз, ведающий восстановительными работами, должен постоянно отвлекаться на другие дела. Скажем, в ведении его находится отчего-то городской зоосад, испытывающий немалые трудности: там и зверей не хватает, и сооружения его находятся в аховом

состоянии. Приходится отвлекаться, выделять средства. Но и результат налицо: зоопарк в 1924-м посещают вдвое больше, чем в предшествующем 1923-м.

«Сад открыт ежедневно с 11 час. утра до 19 час. вечера. Кормление животных в 4 час. дня.

Из Туркестана и Семиречья доставлена большая партия животных и птиц, в том числе: барсы, шакалы, дикобразы и др.

Открыт обезьяний павильон, пополненный новыми экземплярами обезьян разных пород.

В саду имеется летний кинотеатр, ежедневно киносеансы с 7 час. вечера, в праздники — детские киносеансы с 1 час. дня по удешевленным ценам.

Лица, взявшие билеты в кинотеатр, за вход в сад не платят» [ЕД].

Барсы, шакал, дикобраз прибыли в зоопарк в июне 1924 года.

А в сентябре объявилось новое пополнение: в обмен на 17 ленинградских медведей и трех волков гамбургская фирма «Фолькман» прислала целый зверинец — двух львов, кенгуру, двух леопардов, четырех павианов, пять удавов и много еще кого...

И снова проблемы городского хозяйства — на этот раз связанные с памятниками. Комиссия, назначенная охранять памятники революционного времени, первым делом приговаривает снять «сильно пострадавший» монумент французскому радикалу Огюсту Бланки у Балтийского вокзала (которому, кстати, всего-то пять лет от роду).

Трудно и знаменитейшим сооружениям: «Зимнему дворцу и Эрмитажу — этому советскому Лувру,

угрожает разрушение» — констатирует «Ленинградская правда» [ЛП:6.07]; причина угрожающего состояния — неисправности крыши, водосточных труб, карнизов.

Схожие беды у Петропавловского собора: в шпиле и куполе его зияют пробоины — меты событий 1917 года. Состояние собора, правда, остается тайной для большинства горожан: до середины 1924 года на территории крепости действовал пропускной режим, и попадали сюда лишь отдельные группы экскурсантов под предводительством местного гида. Только в 1924-м Музее Революции передали Трубецкой бастион, и тогда ворота крепости открылись для всех...

Неважно выглядели в те дни и окрестности Петербурга, блистательные ансамбли. «Павловский парк <...> был изрядно заплеван и затерт. Плотины были прорваны, по Славянке можно было бродить босиком <...> пруды заросли ряской и стали зелеными, отдельные статуи и надгробия были попорчены...» [ВП].

Дополнительные проблемы создают нэпманы. Журналисты пересказывают слова зодчего и директора Музея города Льва Ильина: «Ряд вновь открытых торговых предприятий, булочных, кафе, пивных и т. д. выкрасили углы домов в яркие, очень прочные цвета — голубой, синий, красный и т. д., но совершенно отличные от окраски всего фасада здания и придающие ему уродливый вид. Сплошь и рядом наблюдается преувеличенный размер вывесок, которые портят внешнюю часть города» [ВКГ:6.12].

Излишне, наверное, напоминать, что все это случилось в историческом центре города. И уж про параллели с нынешним днем тоже говорить не стоит...

Власти, конечно, все проблемы замечают, но многое откладывают «на потом» — да это и понятно, ведь ремонт остро нужен не только историческим памятникам. Тут выручают энтузиасты из общества «Старый Петербург» (официально «Общество изучения, популяризации и художественной охраны Старого Петербурга»). Они пытаются сделать все, что в их силах. В начале 1924 года по ходатайству общества специальная комиссия осматривает руины Литовского замка и постановляет сохранить его руины — как имеющие историческое значение. Тот же вывод делает новая ученая комиссия — уже ноябрьская. Но в конце года газета констатирует: «разбираются стены Литовского замка» [ВКГ:15.12]; последние его остатки снесли через десять лет...

Другая забота общества — квартира Пушкина на Мойке, 12. Тем более, что год юбилейный: на 1924-й приходится первое в советские годы пушкинское торжество, по случаю которого пишут стихи Маяковский, Асеев и многие их сотоварищи. Вот на пушкинском фронте успехи у ценителей старины более существенные. В самом начале 1924-го «Записки Передвижного театра» печатают доклад Петра Устимовича (сотрудника Пушкинского дома) о состоянии дел в пушкинской квартире:

«Во время революции дом был заселен самым разнообразным элементом. В результате комната, где поэт мучился и умер, оказалась переделанною в уборную и ванную. Около 3-х лет Пушкинский Дом хлопочет об этой квартире. Эти шаги увенчаны в самое последнее время тем успехом, что квартира национализирована и передана Пушкинскому Дому. Но за

квартиру нужно платить жилищному товариществу ежемесячно, а денег нет...»

Впрочем, пушкинист опередил события. Только 21 октября вечерний выпуск «Красной газеты» сообщил читателям, что «в ближайшие дни» квартира освобождается от жильцов. И что «в связи с этим Секция охраны памятников О-ва “Старый Петербург” произвела всесторонний обмер и фотографирование помещения в его настоящем виде. Снимки будут сохранены, как документ по истории этой квартиры. Вслед за этим будет приступлено к восстановлению пушкинских комнат в их первоначальном виде». И еще через два месяца, в декабре, та же газета подвела итог: квартира «освобождена от жильцов» [ВКГ:23.12].

И опять городское хозяйство. О чем там еще говорил в своей статье Кржижановский — слабый транспорт? Да, в эту пору активен один только трамвай: он всему голова, нечто вроде нынешнего метрополитена. Перевозит в день около 750 тысяч человек, на одного жителя выходит около двадцати поездок в месяц. Трамвайщики особо гордятся тем, что средняя скорость на маршрутах растет неуклонно: в 1924-м она уже составила 14 километров в час — на два с половиной километра больше, чем в 1923-м. Да и доходы трамвай приносят солидные: по 1 400 000 рублей в месяц.

Что же касается трамвайных происшествий, то они — особая статья; заголовки типа «Жертва трамвая» попадают в газетах постоянно.

Куда там берлиозовская голова, если случается точность и поболее:

«Трамваем отрезано у Воробьева правое ухо и причинены тяжелые повреждения обеих рук и ног» [ВКГ:21.03].

С автобусами хуже: первый в советское время регулярный маршрут появится только в 1926 году. Зато немало извозчиков — и вообще в городе обилие лошадей. Оттого и происшествия опять же случаются: 23 мая вечерний выпуск «Красной газеты» рассказывает о том, как ловили взбесившуюся лошадь на Дворцовом мосту, и как она умудрилась зашибить собою аж двух мирных граждан...

Город в 1924 году не только латает старые раны — но и думает о будущем. Да и пора уже, ведь население растет не по дням, а по часам! Если на 15 марта 1923 года питерцев было 1 071 103 человека, то к 1 октября

Трамвайная линия на проспекте 25 Октября (Невский проспект). Фотография из Центрального Государственного архива кинофотодокументов

1924-го на сто сорок тысяч больше — 1 213 100 (13-е место среди крупнейших городов мира и шестое в Европе). Если округлить, получится, что каждый час прибавлялось в Ленинграде по десятку новых горожан...

В 1924-м строят еще немного: ввели в строй девять тысяч квадратных метров жилья — но будущий подъем уже намечается. Вот-вот начнут постройкой первый образцовый квартал на Тракторной улице: невысокие домишки, окруженные зеленью. Они стоят до сих пор.

Итак, работы кипят. Но отчего же тогда Кржижановский в упомянутой не раз цитате подводит итог Ленинграду 1924 года: «Его каменные громады еще далеко не приведены в порядок <...> Его мостовые вопиют о ремонте...»?

Куда исчезли плоды неустанных трудов?

ПОТОП

Главное несчастье года — на совести Невы. Она в этом году особенно активна: 1924-й, по долгой статистике, вышел самым многоводным.

Впрочем, само по себе многоводье — это еще не беда.

Вот и ранним утром 23 сентября ничто не предвещало беды. Но потом задул сильнейший ветер с моря и вода стала подниматься. В четыре часа дня она вышла из берегов и ринулась на город. Над Ленинградом при этом бушевал настоящий ураган: порывы ветра достигали 40 метров в секунду! Наблюдались

смерчи, вокруг стоял шум и треск, ветер с корнем вырывал вековые деревья и выбрасывал на берег баржи. Вспыхивали пожары: горели и предприятия, и жилые дома (всего пожарных вызывали в этот день 22 раза).

К началу восьмого наводнение достигло пика: вода поднялась на 369 сантиметров выше ординара. Это был второй результат за всю историю города! Под водой оказалось больше половины городской территории, причем местами глубина затопления доходила до двух с половиной метров. А потом начался резкий спад воды: к десяти часам вечера Нева полностью вернулась в свои берега...

Подобного масштаба катастрофы никто не ждал. Еще за год до потопа, когда власти создали комиссию по выработке мер борьбы с наводнениями, газеты оп-

Обложка серии открыток, выпущенных по следам наводнения 23 сентября 1924 года

тимистически завершали рассказ об этой комиссии и катастрофическом наводнении 1824 года:

«Конечно, в настоящее время такого рода наводнение предположить трудно. С прорытием Обводного, Екатерининского и Морского каналов и возвышением Вас. Остр. на 4 фута, Петроград может в значительной степени считать себя гарантированным от таких наводнений» [ВКГ:21.12.1923].

И считал. Тем более, что прогнозы синоптиков даже накануне потопа звучали успокоительно. Уже когда вода прибывала, Главная геофизическая обсерватория оставалась спокойной: сообщала, что ветер меняет направление, и вода скоро пойдет на убыль.

Не пошла. К счастью, городские власти развернулись быстро.

«Ко всем рабочим, работницам, красноармейцам, учащейся молодежи и гражданам Ленинграда.

Товарищи! Ленинград постигло тяжелое несчастье — слепая стихия наводнения внезапно обрушилась на город и нанесла большие разрушения.

Для борьбы с наводнением Губернским Исполкомом немедленно были приняты самые решительные и срочные меры.

Были быстро мобилизованы военные, милицеские и пожарные части. Им удалось предупредить все население г. Ленинграда, граждан, застигнутых наводнением на улицах, — спасти, благодаря чему человеческих жертв мало зарегистрировано, — их только девять человек.

<...>

Исполнительный комитет постановил: объявить город на военном положении и образовал Чрезвычай-

ную Комиссию, на которую возложил проведение военного положения, ликвидацию последствий наводнения. Эта Комиссия приступила к работе, приняв самые энергичные меры по очистке улиц, и к вечеру начали работать водопроводные станции, в районы подана вода, пущен трамвай. <...>

Товарищи! Ленинград вновь постигло испытание. Но это испытание Ленинградский пролетариат вынесет с честью...

<...>

Да здравствуют Ленинградские рабочие!

Да здравствует наш революционный Ленинград!»

[ЛП:25.09].

На следующий после наводнения день в набат начала бить пресса:

«Первая задача — о хлебе насущном. Шакалы спекуляции, конечно, постараются в пострадавших районах взвинтить цены, пользуясь “услугами”, оказан-

Проспект 25 Октября (Невский проспект) после наводнения. Смытая торцовая мостовая

ными им наводнением. Это им не пройдет, так как город вполне обеспечен продуктами <...> Спекулянтам на народном несчастье придется отвечать перед Советской властью.

Вторая забота — чтобы в городе не был нарушен революционный порядок. Кое-где отдельные бандиты пытались воспользоваться суматохой в интересах легкой личной наживы. Но уже в первые часы наводнения пролетарский Ленинград показал стальную организованную спайку и выдержку. В минуту стихийного бедствия на улице, у завода, у склада, в опасном участке место не паразитическому хулиганью, а рабочим отрядам, отражающим слепого врага. Военное положение объявлено против этих мародеров на случай, если бы они захотели серьезно попробовать свою уголовную практику...» [ЛП:24.09]

Военное положение действовало всего три дня — с 23 по 25 сентября, потом необходимость в нем отпала.

На Гаванской улице

Вообще горожане проявили при натиске воды удивительную стойкость; работники предприятий старались спасти их имущество. Так что берлинская газета «Руль» выдавала желаемое за действительное, когда писала о беспорядках и о том, что «войска отказались стрелять в толпу. Полиция арестовала 400 человек, 40 из них приговорены к расстрелу, 17 уже расстреляно» (цитируется по речи Г. Зиновьева на пленуме Ленсовета [ЛП:1.10]).

А вот питерская пресса сообщала реальные детали случившегося.

«Страшная картина наблюдалась в Зоосаде... Все звери оказались в воде, мычали, ревели и т. д.» [ВКГ:24.09]. (Позже подсчитали: несмотря на героические усилия работников зоосада, погибло в воде 88 зверей, в числе которых марабу, три кенгуру, два дикобраза. Лишился зоосад и многих своих новоселов, прибывших недавно из Гамбурга.)

«Трамваи, скопившиеся на б. Садовой, близ Сенной, — превратились в кабинки. Раздевавшиеся там пассажиры обоего пола без всяких стеснений голые переходили улицу, спасаясь в соседних подъездах» [ВКГ:24.09].

На той же улице случалось и совсем удивительное: «можно наблюдать такие картины, как торговцы, находясь по пояс в воде, отпускают товары покупателям, стоящим в очереди по колена в воде» [ЛП:24.09].

«Большая помощь <...> оказана была охваченной паникой толпе истерических женщин-кликуш, скопившихся на колоннаде Исаакиевского собора. Эти женщины истерически кричали о конце света, о все-

мирном потоке и некоторые из них бросались с колоннады в бушующие волны и разбивались о плиты тротуара и фундамента собора. Здесь было много жертв. Но пионеры и комсомольцы <...> спасли около 150 женщин и детей...» [ВКГ:24.09].

О причинах потопа судачили вообще много. В провинции, например, бытовало такое мнение: «Вот в Ленинграде было наводнение, они говорят, что Бог наказывает, чтобы всех коммунистов там затопило» [ВИ2] — свидетельство из письма той поры. А на Васильевском поговаривали, что «это наводнение бог послал людям за то, что они расстреляли Николая Второго» [ВШ]...

«Во время наводнения поплыл памятник Добролюбова, находившийся на деревянном фундаменте и стоявший на Петроградской стороне. Памятник остановился на некотором расстоянии от своего места, задержавшись около уличного фонаря» [ВКГ:16.10]. Это был один из первых послереволюционных памят-

Переправа на Александровском проспекте (проспект Добролюбова)

ников; сделанный из гипса, он был установлен осенью 1918 года у Тучкова моста. А вскоре после наводнения упомянутая уже Комиссия по охране памятников революционного времени обсудила судьбу плавучего памятника и постановила передать его в Музей Революции...

Досталось во время наводнения и знаменитым собакам Павлова. Территория Института экспериментальной медицины и павловской лаборатории была затоплена, вода в клетках поднялась на две трети их высоты — так что собаки оказались прижаты водой к потолку клеток. Чтобы извлечь собак, надо было вначале окунуть их в воду, чтобы затем под водой провести к дверце и вытащить на волю. Животные сопротивлялись отчаянно. Академик позже записал: «Одни из собак, по миновании события и водворении на прежнее место, остались такими же, какими были; другие, а именно тормозного типа, оказались после этого нервными, и на очень большой срок» [СМ]. Этим наблюдением Павлов не ограничился, а провел эксперимент: воспроизвел звуковую обстановку наводнения. И выяснил, что такая обстановка тормозит все условные рефлексы собак, а звонок, вызывавший прежде пищевые рефлексы, стал вызывать рефлексы оборонительные. «Звонок теперь “пахнет” для собак не едой, а наводнением» [СМ]...

Понятно, что беда коснулась не только самого Ленинграда, но и пригородов, в частности — Петергофа. «Историческая мраморная площадка “Мон-Плезира” совершенно разрушена <...> В домике Петра I тоже хаос. Из вещей Петра I волнами унесены его туфли. Халат и кровать удалось спасти» [ВКГ:26.09].

А вот еще картинка самого наводнения — из многократно уже цитированных воспоминаний Вадима Шефнера: наутро после потопа «Нева текла спокойно, но вся ее поверхность была вымощена поленьями разных размеров, досками, бревнами, шестигранными уличными торцами. В этом потоке виднелись неожиданные вкрапления: вырванное с корнем дерево, собачья будка, стена дощатогодомишки, руль от баржи, стол, разбитая лодка. Деревянный покров реки местами был столь плотен, что мне на миг захотелось перебежать по нему на другой берег, не замочив ног. Людей на берегу стояло много; они с огорчением смотрели, как Нева тащит в море все это древесное богатство» [ВШ].

Случались наутро после наводнения и вовсе апокалиптические картины:

«Утром, когда на Смоленском кладбище спала вода, сторожа пошли по кладбищу и увидели жуткую

Улица 3 Июля (Садовая). У Спасской пожарной части

картину. Все свежие могилы были размыты, из них всплыли гроба и трупы покойников. Всего подобрано и снова погребено 20 трупов» [ЛП:25.09].

Смоленскому повезло: кое-где сторожа и дворники были не столь оперативны.

«3 октября жилищное товарищество дома 22/24 по пр. 25 Октября подало заявление в милицию о том, что наводнением 23 сентября из склепов лютеранской церкви Петра и Павла вынесены гробы <...> Выяснилось, что хлынувшей во время наводнения водой снесены с катафалков склепа и вынесены три гроба, от двух из которых шло сильное зловоние <...> Представитель милиции предложил церковному совету все три гроба похоронить в трехдневный срок. До сего времени это еще не проделано и отравляет зловонием дома жилтоварищества».

Вечерняя «Красная газета» сообщила об этом 15 октября — спустя три недели после потопа!

А 16 октября та же газета рассказала еще одну историю, связанную с последствиями наводнения:

«В квартиру одного ленинградского профессора была вселена семья цыган, оказавшаяся после наводнения без жилья.

Прошло дня два и профессор буквально закричал — караул! <...> Семья цыган представляла из себя настоящий табор. Уборная-ванная квартиры в несколько часов превратилась в непролазное болото, исчезли мыло, зубная щетка, порошок и другие туалетные принадлежности.

С утра до поздней ночи квартира профессора стоном стонала. Крики, смех и плач детей, песни, ругательства и драка.

Входная дверь гремела целый день от приходящих “гостей-земляков”. Во дворе же дома цыганами был разведен огромный костер-кузница для лужения медной посуды.

Вмешался управдом, и “вольные сыны степей” были удалены на более подходящие для них квартиры».

Разумеется, наводнение принесло и серьезнейшие потери.

Человеческие жертвы подсчитать точно невозможно, очевидно лишь, что первые данные — девять погибших — были промежуточными. «По имеющимся сведениям (не полным, так как некоторых утопленников унесло в море) погибло 14 человек, 5 — тяжело ранено, 151 — легко раненных» [ЛП:26.09]. Окончательные цифры остались неизвестны, но погибших несомненно было больше четырнадцати: газеты еще какое-то время сообщали о новых жертвах наводнения. А сколько было раненных, получивших тяжелые ушибы, простудившихся!

Встал вопрос и о материальных убытках — громадных:

«Наводнение по своему размеру может быть сравнено только с наводнением 1824 года, и материальные разрушения от него колоссальны.

Все торцовые мостовые снесены, масса складов затоплено; затоплены машинные отделения и электрические станции многих фабрик и заводов, значительно пострадал порт, повреждены мосты и набережные, снесено большое количество дров, затоплены подвальные жилые помещения. Пострадали также трамвай и водопровод» [ЛП:25.09].

Можно прибавить: было повреждено пять с лишним тысяч домов, погибло 600 деревьев и 19 мостов, лишь 20% деревянных торцов со всплывших мостовых удалось собрать — «остальное проглотила Нева» [ЛП:30.09]. Насчет Невы, правда, здесь есть некоторая неточность: ситуацией шустро воспользовались и некоторые граждане.

«На одной из улиц центра в окне подвала красовался ярко-намалеванный на стекле женский сапог <...> А через все окно белой краской криво лезла вверх надпись:

“Пренемаю починку и заказ”.

Во время наводнения подвал забило торцами.

<...>

Наутро на двери висел замок и было прыгающими буквами написано:

“По случаю ремонта закрыто”.

И так до сих пор.

Галерная гавань. Доставка жителей на лодках

Сейчас производится учет торцов, скоро закончится, а в итоге...

... дров на зиму хватит» [ВКГ:15.10].

Из-за уплывших торцов, кстати, пришлось закрыть транспортное движение по Невскому, Моховой, набережным Фонтанки и канала Грибоедова и другим важным магистралям...

Когда были подсчитаны убытки, оказалось, что исчисляются они в десятки миллионов рублей; называлась даже цифра в 130 миллионов. У одних только заготовителей леса погибло и пострадало продукции на полтора миллиона! Фантастические по тому времени суммы! В качестве «везунчиков» называли жителей Володарского района: их общие убытки составили лишь семьсот рублей. Просто территория этого района находится достаточно высоко, и Нева затопила только самую кромку берега...

И как же при таких бедах не вспомнить было о провинившихся метеорологах! «Ленинградская правда» оперативно напечатала статью профессора Каменьщикова, члена Ленсовета от Василеостровского района, под заглавием «Преступная ошибка»: «Разве не преступление давать такого рода предсказания как раз по такому серьезному поводу как наводнение?» [ЛП:25.09].

Обвинения серьезные; случись потоп десятилетием позже — не миновать бы процесса. Но на сей раз для синоптиков все обошлось: расследование показало, что они виноваты не во всем. Отсутствие денег, слабость технической базы, упомянутое уже присутствие на Балтике враждебных государств — причины ока-

зались вполне объективными. Комиссия Главнауки попеняла метеорологам на то, что они проявили «безусловно, не халатность, не преступную небрежность, а узкую педантичность» — иными словами, «недопустимую самонадеянность, категорически заверяя, что наводнения не будет» [ЛП:28.09]. Не имея возможности делать определенные прогнозы, они тем не менее старались их делать. Хотели как лучше...

Обжегшись на молоке, дуют на воду: вот и газеты принялись после потопа комментировать любое, самое незначительное возвышение воды в Неве. Надо полагать, и горожане внимательно следили за этими заметками, хотя нужды в этом особой не было — следующее наводнение случилось в Ленинграде только в январе 1925 года. И было оно совсем не таким грозным, как сентябрьское.

Между прочим, и у катастрофического наводнения были свои положительные стороны.

Разрушенная дамба на Приморской железной дороге

Во-первых, вся страна пришла на помощь Ленинграду — и восстанавливать город стало куда легче, чем прежде (когда надеяться приходилось больше на свой бюджет). Не случайно в конце года подытоживают: строительный сезон в городе «превзошел самые смелые ожидания» [ВКГ:11.11]. Много сил ушло на возрождение разрушенных набережных; песок для них возили из Сосновки.

Работы шли быстро; на многих улицах торцовую мостовую в течение месяца обновили или заменили на булыжную — не столь плавучую. (Кстати, и тут наводнение лишь ускорило процесс: слишком уж много было недовольных тогдашними деревянными торцами. «Горе тому, кто попадает в дождь, например, на торцовую мостовую, сделанную в прошлом году на углу проспекта 25 Октября при выходе его на площадь Урицкого. Шашки то поднимаются, то опускаются, а вода попадает в ботинки и туфли» — такое письмо печатала вечерняя «Красная газета» еще 7 июля.)

Во-вторых, вода ускорила процесс разрушения многих «злачных» мест города. Скажем, «Ропшинская лавра» на Ропшинской улице, 15 была до наводнения знаменитым обиталищем для бандитов и прочих социально опасных элементов. Но от потопа эта «лавра» так пострадала, что обитателям ее пришлось перебираться на новые места...

Ну и, наконец, случались вследствие наводнения и совсем замечательные открытия.

«На Вознесенском пр., во дворе дома 53, во время очистки подвалов от наводнения найдены кости мамонта» [ВКГ:6.10]. Археологическая сенсация? Во-все нет — объяснение гораздо прозаичнее: «По рас-

сказу дворника, кости были выше 30 лет назад оставлены в погребке проживавшим в доме антикваром».

А послесловием к наводнению стало такое событие: по городу были развешаны деревянные, медные, мраморные, чугунные таблички с указанием уровня воды 23 сентября. Некоторые из них сохранились и сегодня, а в ту пору отношение горожан к этим отметкам была весьма своеобразным, о чем не преминул через пару лет написать Михаил Зощенко. Цитата из него и станет финалом нашей главы о наводнении.

«Шел я раз по Васильевскому острову. Домик, гляжу, небольшой такой.

<...>

Стал я шарить глазами по дому. Гляжу, у второго этажа досочка какая-то прибита. На досочке надпись: «Уровень воды 23 сентября 1924 г.». «Ого, — думаю, — водица-то где была в наводнение. И куда же, думаю, несчастные жильцы спасались, раз вода в самом верхнем этаже ощущалась? Не иначе, думаю, на крыше спасались...»

Тут стали мне всякие ужасные картины рисоваться. Как вода первый этаж покрыла и ко второму претс-ся. А жильцы небось в испуге вещички свои побросали и на крышу с отчаяния лезут. И к трубе, пожалуй что, канатами себя привязывают, чтобы вихорь в пучину не скинул.

<...>

И вдруг выходит из ворот какой-то плотный мужчина в жилетке и с беспокойством спрашивает:

— Вам чего, гражданин, надо?

Я говорю:

— Чего вы все ко мне пристали? Уж и на дом не посмотри. Вот, говорю, гляжу на уровень. Высоко больно. А мужчина усмехнулся и говорит:

— Да нет, говорит, это так. В нашем районе, говорит, хулиганы сильно балуют. Завсегда срывали фактический уровень. Вот мы его повыше и присобачили. Ничего, благодаря бога, теперь не трогают. И лампочку не трогают. Высоко потому... А касемо воды — тут мельче колена было. Кура могла вброд пройти». (Михаил Зощенко, «Утонувший домик», 1926).

ЭПИЛОГ

Новый год снова примиряет почти всех. Особенно радуются любители спиртного: в декабре Госспирт впервые начинает продажу 30-градусной водки (ее назовут потом «рыковкой») и крепких настоек. Забыты тут же столовые вина, за оставшиеся декабрьские дни ленинградцы покупают 760 тысяч бутылок вернувшихся крепких напитков — на общую сумму 1 406 000 рублей.

По городу начинает ходить анекдот: «На том свете Николай Александрович спросил у встретившегося с ним Ленина: “А, Владимир Ильич! Ну как, и вы водку выпустили? На сколько градусов? 30? Эх, Владимир Ильич, и стоило вам революцию делать из-за десяти градусов. Ведь можно было столковаться”» [ВИ2].

Елки. Корней Чуковский записывает в дневнике в канун Нового года:

«На каждом углу самых безлюдных улиц стоит воз, доверху набитый всевозможными елками — и возле

воза унылый мужик, безнадежно взирающий на редких прохожих <...> Единственная добывающая промышленность — елки. Засыпали елками весь Ленинград, сбили цену до 15 коп. И я заметил, что покупаются елки главным образом маленькие, пролетарские — чтобы поставить на стол» [ДЧ].

(Вечерняя «Красная газета» тогда же брюзгливо замечает: «Елок мало, мало и покупателей. Но все же есть. Зацепился старый быт...» [ВКГ:23.12].)

Но как же встречают новый год наши герои — те, которых мы перечислили в самом начале?!

«Бывшие» не особенно радуются жизни: надежд на гибель советской власти остается все меньше.

Дипломатическое признание, провал Савинкова, несбывшиеся слухи об армейских проблемах, укрепление финансов и промышленности — на что еще надеяться? Но самые стойкие надеются: кажется, только после 1927-го надежды эти развеются окончательно по ветру...

Зато строители нового общества, напротив, все тверже идут по светлому пути. Начавшийся хозяйственный подъем уже скоро плавно перейдет в сталинскую индустриализацию; будут великие стройки пятилеток, и ленинградцы впишут в эту летопись немало своих страниц.

Впрочем, и у строителей будущего не все гладко. Падение Троцкого открывает волну внутрипартийных разборок: тревожное начнется время!

А вот изгой общества чувствуют себя по-прежнему привольно. Да и чего им бояться! Сталинский лагерный режим приобретет особенную крепость только

в середине тридцатых; да и в 1934-м — судя по документам — преступникам всех мастей живется еще в Ленинграде вполне спокойно.

Десять лет безбедной жизни: что еще нужно человеку, вообще не живущему завтрашним днем...

Временный памятник Г. В. Плеханову у Казанского собора. 14 мая 1924 г. Фотография из Центрального Государственного архива кинофотодокументов

P. S.

«Да вовсе мы ни в каком городе не живем, а в... в чем-то переходном, — поймите вы это!

Петербурга уже нет. Ленинграда еще нет. Петербург — невозвратимое прошлое, Ленинград — будущее. А то, что сейчас, это вот, что перед нашими глазами — это ни то, ни се. Это развалины Петербурга, на которых будет построен Ленинград.

Сто лет тому назад Пушкин восхищался громадами стройными дворцов и башен. Громады эти стройные остались и поныне, но тогда, сто лет тому назад — было начало, сейчас конец. Тогда только что начиналась в дворцах и башнях жизнь, сейчас бродит по дворцам и башням смерть.

Смерть...

Город наш — кладбище. Тишиной мертвенной веет на бывшей Дворцовой набережной и мертвы старинные ампиры и барокки, и мертвы навеки — финикийские столпы у биржи и сфинксы, привезенные из Фив, у Академии художеств. В белые ночи мертвенно фосфорится Нева...

Мостовая торцовая, полусгнившая, поросла травой. По этой мостовой торцовой мчалась некогда золоченая царская карета, запряженная шестеркой цугом.

В мертвом городе бродят призраки. В париках белых с косичками, мертвенно-бледные, в камзолах бархатных, в кафтанах шелковых — с кружевными нежными манжетками, — в туфельках с пряжками — такие смешные... Я встретил вчера на набережной призрак Растрелли Старшего, — он шел, понурия голову, по троттуару, — по троттуару с вывороченными, дро-

жащими плитами, по троттуару шаткому, — он шел, понурая голову, грустный, по троттуару вокруг построенного им некогда архива армей-коллегии...

Старинные ампиры с лепными башнями заплесневели, мхом поросли, покосились... Так доживает свой век восьмидесятилетняя беззубая, морщинистая, глухая, кашляющая, шамкающая, больная, дряхлая старушка, бывшая красавица, львица, украшение великосветских салонов.

Грустью веет. Тоска...

Но все же —

От Петербурга петровского, екатерининского, александровского остались хоть гробы повапленные, хоть развалины, хоть плесень и мох, хоть грусть и тоска. А от Петербурга последних предреволюционных лет, от Петербурга казенно-бюрократически-делового, от Петербурга банков, сделок, векселей, дононов, яхт-клубов и Коковцевых, от Петербурга фертов и коко-ток, шампанского, бело-подкладочников и гвардии, от Петербурга нарядного, шикарного, надушенного, от Петербурга лихачей, Елисеева, домов свиданий и танго, от Петербурга департаментов и взяток, охраны, Распутина, спекуляции, от Петербурга государственной думы, концессий и афер, от Петербурга грязных дел и грязных сплетен, скачек, бегов, — от этого Петербурга гнусного не осталось ничего...

Ничего... Петербург кончился... Я хочу сказать, что кончилась эра: "Петербург". Революция положила конец этой эре. И революция же положила начало новой эре — эре ленинградской.

Петербург был. Он записан уже в книги, зарегистрирован, — он вошел в историю, стал предметом исто-

рического изучения. Как Помпея... Есть у нас в Петербурге-Ленинграде такое общество — “Старый Петербург”. Почтенные ученые, историки занимаются раскопками.

Через несколько десятков лет здесь будет новый город — Ленинград.

Повторяю: пока еще нет Ленинграда: он будет...

Но Ленинград будет не там — или, если хотите, не совсем там, где был Петербург. То есть, как же не там? — спрашиваете вы изумленно. А я отвечаю вам:

— Да, не там. Очень просто — территориально не там.

— Ленинград будет перенесен на другой берег реки.

Старый Петербург был глубоко классовый город. Он резко делился на две части: на буржуазный Петербург и пролетарский Питер. Петербург, с его Невским проспектом (а на Невском проспекте были ювелирные и гастрономические магазины, продавались бриллианты и семга), Петербург был расположен на правом берегу Невы, а Питер — на левом. Питер — это Васильевский Остров, Петербургская сторона, Выборгская сторона. Старая и Новая Деревня. Питер — задымленный, закоптелый. В Питере — заводы-гиганты и порт. В Питере серые, скучные улицы и серые, скучные дома. В Питере — рабочие.

И вот я говорю: новый город Ленинград будет не тут, не на правом берегу, не там, где Исаакиевский и Казанский, и нарядные скверы, и зеркальные окна, и солидные торгово-промышленные вывески (остались еще некоторые), — Ленинград будет там, где Питер был. Там, где фабрики, заводы, рабочие поселки.

Очередь за водкой у магазина Госспирта на проспекте 25 Октября (Невский проспект) 30 августа 1924 г. Фотография из Центрального Государственного архива кинофотодокументов

В продуктовом магазине № 10 (Елисеевский) на проспекте 25 Октября (Невский проспект). Фотография из Центрального Государственного архива кинофотодокументов

Вспомним:

Там, в Питере, на левом берегу создалась в 90-х годах прошлого столетия Российская социал-демократическая рабочая партия (тут, на правом берегу, были только 2–3 сочувствующих адвоката). Там появились первые в России рабочие организации, первые марксистские подпольные кружки. На Выборгской стороне жил Владимир Ильич Ленин, — «В. И. Ульянов, пом. прис. пов.». А одно время жил он на Петербургской стороне на Большом проспекте...

Ленин был заречный, питерский, левобережный.

Революция русская — это движение через мосты с левого берега на правый. Революция 1905 г. — как она началась? Пришли толпы, массы пролетарские с того берега Невы. 9-го января 1905 года пришли рабочие с Гапоном, на Дворцовую площадь (ныне площадь Урицкого), — через мосты. Если вы сами никогда не были в Петербурге, не участвовали в революционном движении питерском, не были даже свидетелем сторонним рабочего движения питерского, то читайте хоть мемуары революционеров или мемуары “контр-революционеров” охранников, защитников “престол-отечества”. Во всех этих мемуарах — одно:

Чуть только волнение, беспокойство, тревога, — сейчас же полиция, казаки, охранка, гвардия занимают мосты, запирают мосты. Мосты — всегда в центре всего. Потому, что оттуда, из-за реки, с того берега, через мосты катится революционная волна.

Там нарастала революционная стихия.

Оттуда пришла революция... 1917 года, февральская, а потом Октябрьская...

Оттуда пришла красная гвардия...

Оттуда пришел прошлой зимой ленинский призыв. Оттуда резолюции идут твердокаменные, непреклонные.

— Не сдадимся. Не уступим. Выдержим. Устоим. Там будет Ленинград.

Ленинград — это также будут громады дворцов и башен. Только совсем иные будут дворцы и совсем иные башни.

Дворцы будут трудовые, пролетарские — дворцы труда. А башни — электрические, радиийные, электродинамо-механические, силовые, энергические. В башнях этих будут токи напряжения, вольты, лошадиные силы. В башнях этих будет работа и творчество.

Постройка Ленинграда уже началась... Странно: очень, очень многие ленинградцы-петербуржцы этого не видят и не знают. И пресса ленинградская изо дня в день пишет почему-то все о “восстановлении” Ленинграда. Какая нелепость! “Восстановление”. Как будто мы хотим “восстановить”, как будто мы реставрируем, как будто мы хотим воскресить труп Петербурга...

Нет, — мы, ведь, не хотим ничего “восстановить” — мы ведь строим сначала, совершенно новое...

И, — согласитесь, — смешно и глупо сообщать в газетах, что где-то красят дома и починяют полусгнившую торцовую мостовую. Смешно и глупо писать об этих ничтожных мелочах — в то время, как на Выборгской стороне строится (и уже заканчивается постройкой) гигантская, колоссальнейшей мощи электрическая станция — под очень, очень скромным, очень, очень тихим названием:

— Понижающая станция Волховстроя.

“Понижающая” — значит вот что:

Сюда, на станцию, будет приходить оттуда, с Волхова, гигантский ток, гигантская, сверхчеловеческая электрическая мощь. Здесь будет снижаться, сокращаться эта мощь — чтоб мы, люди, — чтобы бедная наша жизнь человеческая могла вместить ее. Отсюда, от этой станции, будет укрощенная, прирученная, приноровленная к человеческой жизни мощь растекаться по всему городу, — по миллионам кабелей, проводов, труб, трубочек, проволочек, шнуров, шнурков и шнурочков. Миллионы будут динамо-машин — огромных, больших, средних, малых, маленьких, малюсеньких, — машин, машинок, машиночек, которые будут эту энергию, эту мощь машинную подхватывать, отводить к себе, заставляя служить себе. И миллионы приводов, машин будут двигать миллионами еще других машин. Будет все омашинено и все электрифицировано. Миллионы оборотов в секунду... Электричество будет разлито в воздухе. Воздух будет напряженный, силовой.

И всюду будет движение, вращение, бег, — и всюду будет жизнь, работа, творчество...

Это будет Ленинград...

Ленинград будет город электрификации прежде всего. В Ленинграде будет коммунизм: Советская власть плюс электрификация.

Фундамент нового коммунистического города уже заложен:

— Волховстрой...

А пока что живем мы в переходном каком-то городе, где причудливо перемешались ростки нового будущего с обломками старого, прошлого.

Посетители за столиками в буфете ресторана гостиницы «Европейская». Фотография из Центрального Государственного архива кинофотодокументов

Фасад магазина «Пассаж». Фотография из Центрального Государственного архива кинофотодокументов

В белые ночи на б. Марсовом поле, где ныне площадь жертв революции, какой-то дурак керенского периода написал на граните над могилами какие-то идиотские пошло-“красивые” “революционные” мещанские фразы, — в белые ночи на Марсовом поле, на скамейках, среди зелени, красноармейцы и матросы твердыми, как сталь, мускулистыми руками обнимают крепко девушек (девушки визжат), целуют девушек в губы ядрено и смачно. Я, проходя мимо, вспоминаю пушкинский стих:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть...

А товарищ мой, заведующий отделом записи актов гражданского состояния, уверяет меня, что “мы — не Франция небось, — и даже совсем напротив”. Браки и рождения идут очень бойко...

Частные лавочки закрываются некоторые, — не важно. Зато — кооперативные магазины. Но и это не самое важное. А самое важное вот:

Завод “Красный Путиловец” (он войдет в состав нового города — Ленинграда) набирает новых рабочих. Строит тракторы. Пущены в ход стоявшие уже 10 лет цехи. Оживляется завод.

Завод “Красный Выборжец” работает, как до войны — и идет все вперед и вперед — стремится к расширению производства.

“Как до войны” — это мечта, это грань. Но это все не идеал.

Балтийский завод... В нем есть еще мертвые цехи, цехи-кладбища. Но с каждым днем все оживленнее и оживленнее завод.

Комната регистрации проживающих гостиницы «Европейская». Фотография из Центрального Государственного архива кинофотодокументов

Перспектива проспекта 25 Октября (Невского проспекта). 1924 г. Фотография из Центрального Государственного архива кинофотодокументов

Я лазил с фотографом Самсоновым по Балтийскому заводу, — мы лазили на вышки, на башни, на верхушки кранов, — и на суда, которые в доке стоят — на “Святогора”, на “Ленина”. Как неописуемо-красивы на фоне неба и моря черные очертания подъемных кранов. Целые сети, целые леса подъемных кранов, — путаница подъемных кранов. Все линии, углы, — углы и линии и больше ничего (Самсонов называет это на своем языке “графикой”). Углы и линии — издали как будто ниточки, причудливо перепутавшиеся. Паутина стальная черная. И чувствуется мощь несказанная в паутине этой.

Когда я стоял на башне на Балтийском заводе и смотрел на противоположный берег, на порт, на “графику” эту путаную: мачты, канаты, трубы, краны, — на суда иностранные, на элеваторы, на пакгаузы, на холодильники, — на все это, что там навалено и наляпано, — и ближе, у этого берега, на подводные лодки и гидропланы, землечерпалки и пловучие доки, — я представлял себе явственно новый город, будущий — город-сад на берегу реки и залива — и в то же время город электричества и напряжения, труда и творчества».

*А. Меньшой «Петербург — Ленинград»
(Журнал «Прожектор», 1924, № 17)*

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

о жизни некоторых героев

после 1924 года

Григорий Еремеевич ЕВДОКИМОВ, заместитель Зиновьева по горсовету, во многом повторит судьбу своего патрона. Сначала возвысится — станет на короткое время секретарем ЦК партии — а затем лишится должности. Его расстреляют в 1936 году.

Сергею Александровичу ЕСЕНИНУ жизнь уготовит после 1924 года совсем короткий путь. Он сведет счеты с жизнью на исходе 1925-го, в печально знаменитом «Англетере».

Крушение Григория Евсеевича ЗИНОВЬЕВА начнется исподволь. Еще в октябре 1925-го два новых судна-лесовоза, спущенные на воду в Ленинграде, носят имена «Григорий Зиновьев» и «Товарищ Сталин» — но уже скоро эта дружная пара расколется. Власти над Ленинградом Зиновьев лишится в 1926-м. В ноябре 1927-го он вместе с Карлом Радеком попытается обратиться к ленинградским демонстрантам — но получит отпор, а следом за тем вылетит из партии. После этого Григорий Евсеевич станет политическим пенсионером, и судьба его всецело будет зависеть от воли генерального секретаря — вплоть до рокового 1936-го. Судить его, кстати, будет Василий Ульрих, знакомый нам по 1924-му...

Известна и судьба Михаила Михайловича ЗОЩЕНКО. В двадцатые годы популярность его вырастет до невероятных размеров; выйдет в свет его шеститомное собрание сочинений. Потом начнутся проработки, а в 1946-м грянет печально известное постановление, после которого он и еще одна наша героиня — Анна Андреевна АХМАТОВА — будут исключены из Союза писателей.

Владимир Дмитриевич КРАСНИЦКИЙ будет продолжать свою деятельность — правда, все в меньших масштабах. С 1925 года «штабом» его группы «Живая церковь» станет часовня Христа Спасителя на Думской улице. В 1929-м часовню закроют и Красницкий переберется на Серафимовское кладбище: до самой своей смерти (1936) он будет настоятелем тамошней церкви преподобного Серафима Саровского.

Злата Ионовна ЛИЛИНА потеряет вслед за Зиновьевым некоторые свои руководящие посты. Но из педагогики не уйдет, работать будет еще долго, не раз попадет в дневники К. И. Чуковского. Она уйдет из жизни молодой, 47-летней, в 1929 году — из-за рака легких. Похоронят ее на Коммунистической площадке Александро-Невской лавры; похороны ее будут многолюдны, и гроб понесут — в порядке ранжира — Киров, Зиновьев, Ионов и другие.

Судьбу Осипа Эмильевича МАНДЕЛЬШТАМА пересказывать, наверное, излишне. Он напишет знаменитые строки: «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...». И скажет в другом стихотворении: «Власть отвратительна, как руки брадобрея».

Епископ МАНУИЛ (Виктор Викторович Лемешевский) после отсидки будет служить на разных кафедрах, потом еще не раз попадет в лагеря, а в перерывах будет бедствовать и зарабатывать на жизнь составлением справочников. В последние годы жизни он станет митрополитом Куйбышевским и Сызранским.

Адольф Григорьевич МЕНЬШОЙ останется журналистом. Вначале придворным, но потом попадет в немилость к властям: «Он отдал в едва терпимый литературный журнал подписанные псевдонимами статьи, противоречащие линии партии <...> “Понимаешь, — недоумевает один товарищ, — человек жил среди нас двойной жизнью и писал для Московского горкома агитационные брошюры об Иль-

иче! Прогнившая душа!"...» [ВС]. Его арестуют, сошлют на Соловки и в конце концов расстреляют.

Георгий Иванович САФАРОВ опять-таки разделит судьбу Зиновьева. Будет исключен из партии, сослан, а в 1928 году подаст заявление «об отходе от оппозиции». После гибели Кирова вместе с патроном попадет под суд. Будет репрессирован.

А вот Алексею Николаевичу ТОЛСТОМУ, кажется, никакие особенные тяготы не предстоят. «Рабоче-крестьянский граф» будет пользоваться почетом, украшать собой президиумы, а своими сочинениями — книжные полки по всей стране. Умрет он в 1945 году, в званиях депутата Верховного Совета СССР, академика Академии наук СССР и дважды лауреата Сталинской премии.

Корней Иванович ЧУКОВСКИЙ переживет едва ли не всех героев книги — его жизнь завершится в 1969 году. Ему будет тогда уже далеко за восемьдесят. На его долю выпадет всякого — и милостей, и горестей — но он сохранит остроту ума до конца.

DE VISU (источники сведений для этой работы)

Основной объем информации автор почерпнул из периодики 1924 года: прежде всего это «Петроградская правда» («Ленинградская правда») и два выпуска «Красной газеты» — утренний и вечерний. Стоит заметить, что вечерний выпуск был самостоятельной газетой — как по форме, так и по содержанию — что и оформилось чуть позже в создание «Вечерней Красной газеты».

Другие периодические издания 1924 года, использованные в работе: «Еженедельник Советской Юстиции»,

«Книжная летопись», журналы «Жизнь Искусства», «Красная Нива», «Крокодил», «Музыка и театр», «Прожектор», «Спорт», «Юный пролетарий».

Помимо этого были использованы многочисленные научные и научно-популярные работы, статьи, сборники документов и материалов; в числе их авторов — А. Аспидов, В. Белоусов, В. Бережков, А. Блюм, Л. Горянов, Е. Денисенко, А. Дзенискевич, Л. Зубков, В. Иванов и С. Канев, Н. Извеков, В. Измозик, Н. Лебина, Ю. Липилин и Г. Сачковский, Р. Любвин, В. Мириманов, А. Михайлов и П. Нерлер, Л. Моторина, Р. Нежиховский, А. Павловский, Н. Подемик, К. Померанец, В. Самойлов и А. Мозжухин, А. Скилягина, В. Лесова, Ю. Пименова, И. Савченкова, З. Степанов, С. Ульянова, В. Успенский, М. Шкаровский.

Отдельно надо упомянуть такую группу источников как мемуары, дневники и переписка современников. К сожалению, большая часть мемуаров обладает серьезным недостатком: трудно точно датировать сообщаемые в них сведения. Поэтому предпочтение отдавалось тем воспоминаниям, свидетельства которых наверняка относятся именно к 1924 году. Среди авторов использованных дневников, писем и мемуаров — Ю. Анненков, Б. Бажанов, П. Бондаренко, Н. Вольпин, А. Волынский, Ф. Григорьев, Р. Иванов-Разумник, Н. Крупская, И. Майский, С. Маршак, М. Михайлов, Г. Мичурин, В. Поздняков, Н. Полетика, В. Пяст, М. Резников, И. Романовский, Е. Свинына, В. Семенов-Тянь-Шанский, В. Серж, В. Ходасевич, В. Чернявский, К. Чуковский, К. Шариков, Е. Шварц, В. Шефнер, В. Эрлих.

Число книг и статей, использованных в работе, исчисляется сотнями, но большинству из них автор обязан лишь отдельными фактами или уточнениями. В помещенном ниже списке перечислены только те работы и периодические издания, из которых в тексте приведены выдержки.

И еще примечание: фактические ошибки в цитатах автор, как правило, не исправлял. Если «Крокодил» пишет о «полувековом» юбилее Сологуба — пусть это остается на совести «Крокодила». И раз Адольф Меньшой считает,

будто надпись на камнях Марсова поля сделана «дураком керенского периода» — что ж менять его слова? Хотя хорошо известно, что автор этой надписи — А. В. Луначарский, и сделана она уже после Октябрьской революции...

К слову сказать, не в ладах был А. Меньшой и с географией города — в статье его просто-напросто перепутаны берега. То, что он приписывал левому — принадлежит на самом деле правому, и наоборот. Да и вообще, можно ли определить, какой берег Невы пролетарский, а какой буржуазный? Зимний дворец и трудовая Невская застава находятся ведь на одном левом берегу...

Список сокращенных наименований источников, встречающихся в тексте

[АБ] — А. Блюм «За кулисами “Министерства Правды”». СПб., 1994.

[АК] — «Анатолий Федорович Кони, 1844–1924. Юбилейный сборник». Л., 1925.

[АП] — А. Павловский «Анна Ахматова. Жизнь и творчество». М., 1991.

[ББ] — Б. Бажанов «Воспоминания бывшего секретаря Сталина». СПб., 1992.

[БЕ] — В. Белоусов «Сергей Есенин». Ч. 2. М., 1970.

[ВБ] — В. Бережков «Питерские прокураторы». СПб., 1998.

[ВЕ] — «С. А. Есенин в воспоминаниях современников». М., 1986.

[ВИ] — В. Измозик «Первые советские инструкции по перлюстрации» // Минувшее. Т. 25.

[ВИ2] — В. Измозик «Голоса из прошлого. Письма 20-х годов, не дошедшие до адресатов» // Наука и жизнь, 1994, № 3.

[ВИ3] — В. Измозик «Переписка через ГПУ...» // Родина, 1994, № 9.

- [ВКГ] — «Красная газета», вечерний выпуск.
- [ВЛ] — «Весь Ленинград на 1924 год». Л., 1924.
- [ВМ] — В. Мириманов «Авангард русский» // Энциклопедия «Кругосвет», www.krugosvet.ru
- [ВО] — «Время, отлитое в строки». Л., 1968.
- [ВП] — В. Поздняков «Петроград глазами ребенка» // «Нева», 1994, № 2.
- [ВС] — В. Серж «От революции к тоталитаризму» // «Урал», 1997, № 8.
- [ВХ] — В. Ходасевич «Некрополь». Брюссель, 1939.
- [ВШ] — В. Шефнер «Имя для птицы, или Чаепитие на желтой веранде» // «Звезда», 1976, № 8.
- [ВШ1] — В. Шефнер «Из записной книжки василеостровца» // «Нева», 1995, № 7.
- [ГД] — Н. Полемик «Чтобы увековечить Ленина, наш город назвали Сталин» // «Город» (Донецк), 1999, № 17.
- [ГМ] — Г. Мичурин «Горячие годы актерской жизни». Л., 1972.
- [ДЧ] — К. Чуковский «Дневник: 1901–1929». М., 1991.
- [Е6] — С. Есенин. Полное собрание сочинений. Т. 6. М., 1999.
- [ЕД] — Е. Денисенко «От зверинцев к зоопарку». СПб., 2003.
- [ЕС] — Е. Свиньина «Письма в Париж» // «Звезда», 1997, № 11.
- [ЕШ] — Е. Шварц «Живу беспокойно...». Л., 1990.
- [ЖИ] — «Жизнь Искусства», журнал.
- [З] — «Звезда», журнал.
- [ЗС] — З. Степанов «Культурная жизнь Ленинграда 20-х — начала 30-х годов». Л., 1976.
- [ИК] — В. Иванов, С. Канев «На мирной основе». Л., 1961.
- [ИЛ] — А. Дзенискевич «История с «ампирным ангелом»» // «Искусство Ленинграда», 1989, № 2.
- [К] — «Крокодил», журнал.
- [КГ] — «Красная газета».
- [КЖ] — «Как жил Есенин». Челябинск, 1992.

[КН] — «Красная Нива», журнал.

[ЛГ] — Л. Горянов «Под флагом Родины». М., 1978.

[ЛИ] — «Лидия Иванова». Л., 1927.

[ЛП] — «Ленинградская правда», газета.

[ЛС] — Ю. Липилин, Г. Сачковский «Ленинский призыв в Ленинградской партийной организации». Л., 1984.

[ЛШ] — Н. Лебина, М. Шкаровский «Проституция в Петербурге». М., 1994.

[М13] — В. Маяковский «Полное собрание сочинений». Т. 13. М., 1961.

[ММ] — М. Михайлов «Молодые годы ленинградского балета». Л., 1978.

[МП] — «Массовые празднества». Л., 1926.

[МР] — М. Резников «Воспоминания старого музыканта». 1984.

[МТ] — «Музыка и театр», журнал.

[МШ] — М. Шкаровский «Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917–1945». СПб., 1995.

[НК] — Н. Крупская «Последние полгода жизни Владимира Ильича» // «Известия ЦК КПСС», 1989, № 4.

[НЛ] — Н. Лебина «Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 годы». СПб., 1999.

[НЛ1] — Н. Лебина «Папа, отдай деньги маме...» // «Родина», 1996, № 12.

[НП] — «Неизвестными путями». Л., 1967.

[НП2] — Н. Полетика «Виденное и пережитое». Тель-Авив, 1982.

[НШ] — «На штурм науки». Л., 1971.

[ОМ] — О. Мандельштам «Сочинения». Т. 2. М., 1990.

[П] — «Правда», газета.

[ПБ] — П. Бондаренко «Дети Кирпичного переулка» // «Невский архив», 1993.

[ПБ2] — П. Бондаренко «Дети Кирпичного переулка» (Рукопись).

[ПДР] — «Политические деятели России. 1917». М., 1993.

[ПП] — «Петроградская правда», газета.

[РБ] — «Иванов-Разумник и Андрей Белый. Переписка». СПб., 1998.

[С] — «Спорт», журнал.

[СМ] — В. Самойлов, А. Мозжухин «Павлов в Петербурге-Петрограде-Ленинграде». Л., 1989.

[СМ2] — С. Маршак «Собрание сочинений в восьми томах». М., 1968

[СТ] — В. Семенов-Тянь-Шанский «Фрагменты воспоминаний» // Звенья. Вып.2. 1992.

[СУ] — С. Ульянова «“Несуны” в законе» // «Родина», 2001, № 10.

[СЮ] — «Еженедельник Советской Юстиции», бюллетень.

[ФГ] — Ф. Григорьев «Завидую сверстникам, скончавшимся до революции» // «Родина», 1995, № 8.

[ЮА] — Ю. Анненков «Дневник моих встреч». Л., 1991.

[ЮП] — «Юный Пролетарий», журнал.

Формат приводимых в тексте ссылок:

газетные — [сокращенное название:дата.месяц]; если публикация вышла не в 1924 году, после месяца указывается год;

журнальные — [сокращенное название:номер]; если публикация вышла не в 1924 году, перед номером указывается год;

книжные и статейные — [сокращенное название].

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Новый год	7
У руля	12
Город «Ленин»	15
Бронзовый Ильич	26
В воздухе — «Красный Петрогубфин»	31
Детский уголок	40
Пирамида по-спартаковски	45
Врачебные тайны	52
И еще раз учиться	59
За новый быт	65
«Бывшие»	70
Отживающий культ	74
Все на демонстрацию!	84
Сломать «ножницы»!	87
«Герои НЭПа»	99
Крупным шрифтом	113
Несовременный «Русский современник»	119
Под опекой Главлита	124
Есенин — о мерзости в литературе	133
Репертком и другие	140
...И другие искусства	147
«Чайка», несущая гибель	155
Из зала суда	164
Дело № 4238	177
Мелочи жизни	184
Старый Петербург — новый Ленинград	193
Потоп	201
Эпилог	217
P. S.	220
Биографические справки о жизни некоторых героев после 1924 года	231
De visu (источники сведений для этой работы)	233
Список сокращенных наименований источников, встречающихся в тексте	235
Формат приводимых в тексте ссылок	238

Шерих Дмитрий Юрьевич

1924. ИЗ ПЕТРОГРАДА — В ЛЕНИНГРАД

Выпускающий редактор А.В. Хорева

Корректор Н.В. Долинская

Верстка Е.Г. Итальянская

Подписано в печать 16.12.2003.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная.

Гарнитура «Школьная». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 9,38.

Тираж 5000 экз. Заказ № 5508.

Изд. лиц. ИД № 02456 от 27.07.2000 г.

ООО «МиМ-Дельта»

Санкт-Петербург, Синопская набережная, д. 32/35,

литер Ж, ком. 6Н, тел. (812) 110-21-18

E-MAIL: MIMDEL@COMSET.NET

ЗАО «Центрполиграф»

**125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЗАО**

Для писем:

111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15

E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

**Отпечатано с готовых диапозитивов на
ФГУПП ордена Трудового Красного Знамени
«Детская книга» МПТР РФ.**

127018, Москва, Сущевский вал, 49.